

Казанский (Приволжский) федеральный университет

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика

Международная конференция
(VIII Бодуэновские чтения)

Казанский федеральный университет
17–20 ноября 2021 г.

Труды и материалы
Том 2

J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics

International Conference

Kazan Federal University
November, 17–20, 2021

Proceedings
Volume 2

Казань – 2021

УДК 80/82
ББК 80/83
Б75

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы
“Сохранение, изучение и развитие государственных языков
Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2014–2022 годы”
по заказу ГАОУ ДПО “Институт развития
образования Республики Татарстан”
(договор № 606 от 9 ноября 2021 г.)*

Под общей редакцией
*Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец,
Э.А.Исламовой*

Б75 И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р.Замалетдинова, Е.А.Горобец, Э.А.Исламовой.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021.– Т.2.– 280 с.

ISBN 978-5-00130-548-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-546-0

Во второй том трудов и материалов Международной конференции “И.А.Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика” включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на секции: “Теоретико-методологические постулаты Казанской лингвистической школы. Лексическая и фразеологическая семантика”, “Научное наследие Заслуженного профессора Казанского университета Э.А.Балалыкиной”, “Актуальные вопросы тюркологии и лингводидактики”, “Сопоставительная филология и полилингвизм”.

УДК 80/82
ББК 80/83

ISBN 978-5-00130-548-4 (т. 2)
ISBN 978-5-00130-546-0

© Казанский федеральный университет, 2021

Айдарова Алсу Мирзаяновна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.512.145; 81'37

Межъязыковая эквивалентность

глаголов несерьезного поведения

(на материале русского, татарского и английского языков)

эквивалентность лексических единиц, синоним,

межъязыковая эквивалентность,

лексико-семантическая группа, глагол поведения

Целью исследования является анализ межъязыковых эквивалентных отношений глаголов несерьезного поведения в русском, английском и татарском языках. К межъязыковым эквивалентам относят лексемы разных языков, полностью или частично совпадающие по смыслу и взаимозаменяемые в отдельных контекстах. Вопросам межъязыковой эквивалентности посвящены работы ученых А.А.Аминовой, Л.С.Бархударова, Л.К.Байрамовой, Р.Р.Замалетдинова, Е.Г.Которовой [Которова 1997].

Исследуемая группа глаголов используется для обозначения неумного, легкомысленного, шумного поведения, а также баловства. Количественная представленность данной группы предикатов: в русском языке – 52, в татарском – 36, в английском – 29. Компонентный анализ данных глаголов, выполненный в рамках одной лексико-семантической группы, дает возможность

выделения более мелких подгрупп. Это, в свою очередь, помогает выявить межъязыковые эквиваленты изучаемых глаголов несерьезного поведения.

В пределах лексико-семантической группы одного языка объективируются такие наборы понятий, которые составляют национальное своеобразие семантической системы данного языка [Aydarova 2019: 670].

Среди глаголов данной лексико-семантической группы мы выделяем две подгруппы:

а) глаголы, обозначающие неумное, легкомысленное поведение;

б) глаголы, обозначающие баловство, озорство.

Первая группа глаголов несерьезного поведения может быть классифицирована следующим образом:

1) глаголы с общей семой "по своей глупости или легкомыслию совершать неразумные поступки": рус. *глупить, дурачиться, дурить, ерундить, сумасшествовать, сумасбродничать / сумасбродствовать, чудить / чудачить / чудачествовать*; тат. *акылсызлану, ахмаклану (күч.), илэсләнү, исэрләнү, котырыну, тилеләнү, тилерү (күч.), тинтәкләнү, юләрләнү*; англ. *forget oneself, cut up; monkey around / about (informal), play about, kid around*;

2) глаголы с общей семой "пренебрежительно относиться к чему-либо, не дорожить чем-либо": рус. *бросаться / кидаться, разбрасываться / раскидываться (перен.), играть (перен.), negliжировать (устар.), швыряться (разг. перен.)*,

расшвыриваться (разг. перен.), *шутить*; тат. *уйнау, шаяру*; англ. *disregard, dissipate, neglect, blow off, throw away, fool (around), trifle*;

3) глаголы с общей семой "не задумываться над последствиями своих поступков": рус. *ветренничать, вертопрашничать*; тат. *жилбэзэкләнү*. К данным глаголам русского языка сложно подобрать англоязычные монологемные эквиваленты. При передаче такого значения используется описательный перевод: *act thoughtlessly, be empty-headed*.

4) глаголы с общей семой "уподобляться в своем поведении детям": *школьничать, ребячиться*; тат. *балалану/ балачагалану, бәбиләнү, сабыйлану*; англ. *gambol*.

Ко второй группе глаголов несерьезного поведения относим следующие:

1) глаголы с общей семой "преднамеренно несерьезно вести себя с целью развеселить кого-либо": рус. *шутить, балаганить / балаганничать, балагурить, гаерничать / гаерствовать, дурачиться, обезьянничать, паясничать, скоморошествовать / скоморошничать, фиглярничать / фиглярствовать / фиглярить, чудить / чудачить / чудачествовать, шалить, юродствовать*; тат. *шаяру, артистлану, клоунлану, маймыллану, шамакайлану, шаянлану*; англ. *amuse, clown, fool about / around, joke, lark about / around*.

Следует обратить особое внимание на общность образов, которые легли в основу значений глаголов в исследуемых языках. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует об общности ас-

социаций при описании несерьезного поведения у носителей данных языков.

2) глаголы с общей семой "нарушать порядок, заниматься чем-либо предосудительным": рус. *бедокурить, ерничать* (устар. и прост.), *озорничать / озоровать, проказничать / проказить, прокудить, шкодить / шкодничать*; тат. *уйнау*; англ. *misbehave*.

3) глаголы с общей семой "шумно резвиться, забавляться веселыми проделками": рус. *шалить, баловать / баловаться, беситься, шуметь*; тат. *котыру, азу, жеңләну, мутлану, наянлану, тавышлану, уйнау, шаулау / шаулашу, шау-шулау, шаяру, шуклану / шуклык итү*; англ. *revel, horse around, cut up, roister (old-fashioned), romp, disport (old-fashioned), whoop up (informal)*.

Таким образом, глаголы несерьезного поведения составляют особый пласт предикатной лексики, позволяющей описать легкомысленное и шумное поведение. Количество глаголов несерьезного поведения в русском языке больше, чем в татарском и английском. Глаголы русского языка более детально представляют многообразие поведения людей, что свидетельствует об особенностях национальной ментальности представителей данного языка [Аминова 2019: 7]. Отдельные глаголы русского языка имеют малочисленные монологемные эквиваленты (либо не имеют таковых) в английском и татарском языках. При передаче подобных значений на другие языки применяется описательный перевод.

Литература

Аминова А.А. Глаголы мыслительной деятельности в русском и татарском языках / А.А.Аминова, Р.М.Хуснетдинова // Филология и культура. Philology and culture. – 2019. – №4 (58). – С.7-12.

Которова Е.Г. Проблема межъязыковой эквивалентности в лексической семантике (на основе анализа русского и немецкого языков): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Е.Г.Которова. – Москва, 1997. – 343 с.

Aydarova A.M. Representation of behavioural world image in verbal lexis / A.M.Aydarova, A.A.Aminova // Opcion. – 2019. – Vol.35. – Special Issue 22. – P.670-681.

Андронов Алексей Викторович

Российская национальная библиотека

УДК 81'344.34

**Е.Д.Поливанов о касимовском диалекте: возвращая
в научный обиход библиографическую редкость
(к 130-летию со дня рождения)**

*фонетика, звуковые изменения, татарский язык, диалектология,
социолингвистика, история языкознания*

Евгений Дмитриевич Поливанов (“наиболее последовательный ученик И.А.Бодуэна де Куртенэ” [Шулежкова 2005: 138]) оставил научное наследие, долженствовавшее уместиться в пяти томах его “Избранных работ” [Поливанов 1991: 592–594]. Опубликовано из них, однако, лишь два (1968, 1991). Отдельный том планировалось посвятить тюркскому языкознанию – одному из трёх основных направлений исследований учёного (наряду с японским и китайским).

Труднодоступными остаются не только рукописи Е.Д.Поливанова (рассеянные по архивам Евразии от Праги до Бишкека), но и некоторые прижизненные публикации его работ [Андронов 2019]. Такова стеклографированная брошюра “Фонетические особенности касимовского диалекта” (Москва, 1923), сохранившаяся, по-видимому, в единственном экземпляре — в Национальной библиотеке Узбекистана (шифр в Пя-12783). Публикуемый ниже “Общefonетический экскурс”, вклю-

чѐнный в эту работу (ср. [Поливанов 1991: 100–101]), лаконично отражает разнообразные стороны лингвистической концепции Поливанова: его фонологические взгляды, теорию звуковых изменений, закономерности языковых контактов, внимание к фактам речевой деятельности и материалу многих языков. Почти во всех этих аспектах прослеживается явное влияние И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Работа Е.Д.Поливанова заслуживает публикации в полном объѐме и ждѐт диалектологического и общелингвистического комментария.

Е.Д.Поливанов

***Переход заднеязычных в гамзу
с общefonетической точки зрения***

Для общей фонетики, в частности для теории звуковой эволюции, из Касимовских особенностей представляет интерес вышеописанное спонтанеическое падение *k* и других заднеязычных (переход *k, g, q, γ = ġ, x > ʔ*, а для *ŋ* – дивергенция частью в *ʔ*, частью в *n*) как совершенно оригинальное явление, мне совсем не известное в истории другого языкового семейства¹ (и из турецких известную аналогию даёт только чувашский).

¹ Исторические нули *k* и даже отсутствие *k* в системе характерны для некоторых аустронезийских, в частности самоанского, но в данный момент я лишѐн возможности привлечь эти факты к сравнению.

Самым близким к Касимовскому явлению стоит всё-таки китайский (и аналогичный ему финский) процесс – перехода конечного (китайского) *k* (в котором совпадают общекитайские и **k*, и **t*) в *ʔ*, напр. **mit* “мед” > *mik* > *miʔ* (откуда дальше пекинская форма с утратой *ʔ* — “ми”): здесь действительно заднеязычная смычка (заместившая уже собою всякий конечный носовой согласный) заменяется гортанной, что составляет этап в сокращении работ при стремящихся к нулю конечных согласных. Но опять-таки это (китайское) явление постигает только конечное в слоге *k*, а в Касимовском спонтанеическая ликвидация всяких и во всех позициях заднеязычных. Итак, Касимовское явление действительно исключительное.

Для понимания его нужно устранить, во-первых, допустимость исключений из закона утраты заднеязычной артикуляции в *момент его действия*. И действительно, исключений из него у определённых индивидуумов в определённом поколении (создавшем это новшество) не было: число слов с *k*, *g*, *ɣ*, *x* в современном Касимовском так незначительно, что их вполне можно отнести за счёт более позднего постороннего (казанского?) влияния. За это говорят и дублиеты вроде *tuɣɛz* при *tuʔɛz*. Я полагаю, конечно, что фонетически-обязательной недопустимость *k*, *g* и пр. была лишь недолгое время (одно поколение) и то не у всех в данном поколении, может быть, лишь у отдельных лиц, действительно *не умевших* произносить *k*, *g* и пр., но что эти лица создали моду, принятую другими (теми, кто был способен произносить эти звуки). Итак, я позволю себе смот-

реть на это явление как на социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта. Этот дефект (полное неувоение заднеязычной артикуляции, в частности смычной) наблюдается, в общем, не так редко, у детей различных наций, как переходный этап в выучке консонантизма. Пример: трёхлетний мальчик-швед не умел произносить *k*, которое заменял через *t*, хотя и умел различать слышимые *k* и *t*. Слово (*per-per*)*kaka* "пряник" произносилось им (*pepper*)*tata*. Но после сознательных попыток и упражнений ему удалось наконец произнести *kaka*, и это первое слово, в котором им была произнесена его новая произносительная фонема — *k*, вызвало у него живейшую радость. После этого, когда, следовательно, был уже достигнут данный навык, звук *k* стал им употребляться (вместо прежнего *t*) и в других словах — где нужно было. Дефект, т.о., оказался временным.

Но допустим, что такой дефект будет не изжит, а, наоборот, поддержан сверстниками. Допустим, что сверстники будут даже подражать непроизнесению *k*. Естественно, что при отсутствии навыка заднеязычной работы данные звуки (*k*, *g* и пр.) будут заменяться не просто нулём, а какой-либо другой работой. В приведённом примере у мальчика-шведа такой заменой служило *t*. Но ясно, что конвергенция $k \times t > t$ не может быть разделена сверстниками как сопряжённая с утратой одного из важнейших звуко различений ($t — k$). Другое дело, если неуваивание *k* заменяется особой (новой для данной системы) фонемой, какой в Касимовском явилось ? (гортанный смычный

можно считать новшеством данного консонантизма, т. к. ϵ и ξ арабских слов могут быть игнорируемы в вопросе об усвоении родного консонантизма татарскими *детьми*). И на эту замену могли пойти и недефективные сверстники дефективных индивидуумов, — вот почему, в частности: $ʔ$ по сравнению с заднеязычной смычкой является экономией произносительной энергии (то, что гортанный взрыв требует меньше произносительной энергии, чем заднеязычный, физиологически довольно ясно). Таким образом, переход $k > ʔ$ ($g > ʔ$ и пр.) совпадает по направлению с общей, общезвонетической и исторически-типичной тенденцией к минимализации произносительных затрат энергии — в эволюции звукового состава языков. Это обстоятельство позволяет уже не считать неизменным условием для перехода ($k > ʔ$) преобладание процента дефективных (т.е. не усвоивших k) детей данного поколения над процентом недефективных (для которых k, g не составляли трудностей). Дефективных могло быть менее 50% (вполне невозможно, чтобы этот именно дефект был общим явлением, каким бывает, напр., детская картавость — неумение произносить r, r'), их, вероятно (гипотезирую, конечно), было несколько человек. Но подражать им было легче (т.е. требовало меньших затрат произносительной энергии), чем подражать старшему поколению, т.е. произносить заднеязычные. Вот те обстоятельства, при которых данный переход может казаться мотивированным. Подражание неумевшим произносить k (хотя бы и полное подражание — во всём составе словаря) отнюдь не означало *приобре-*

тения их неумения произносить *k*. Потому, поскольку из постороннего (напр., казанского) источника бывали услышаны опять формы с *k* (и другими заднеязычными), эти заднеязычные могли вводиться заново в Касимовский словарь. Этим, понятно, можно объяснить дублиеты с *k* | [?] и т. п. Но, однако, приобретение данного слова из чужого (казанского?) источника отнюдь не делает обязательным проникновение в этом слове чужого (казанского) *k*: хотя касимовцы и умеют произнести это *k*, слово может всё же быть “фонетически переведено” на диалект, т.е. получить касимовскую огласовку с [?] вместо *k*. Положим, что экономические условия при языковом обмене с другими татарами содействовали фиксации заднеязычных в числительных, — см. числительные *passim* —, но в общем рецепт звуковой подстановки (т. е. знание соответствия: чужое *k, g* || своё [?]) вполне живущ, поскольку осознано противоположение своего диалекта стандартному татарскому. В этом удостоверяют, между прочим, такие (вполне свободные) высказывания объекта: “по-казански *qıwz* — по-нашему [?]*wz*, по-казански *qıwrq* — по-нашему [?]*wr?*” и т.д. Таким образом может быть создано новое касимовское слово даже из русских слов: *sta?an* из *стакан*.

При этом, конечно, о фонетическом современном действии закона *k* > [?] не может быть речи: это уже закон словаря, а не фонетики (потому, конечно, факт наличия в каком-либо слове звука *k* следует объяснять не фонетическими условиями, а историей данного слова на Касимовской почве). Таким вот образом и совершился, предполагаю, в Касимовском этот ред-

чайший процесс — несмотря на обратное давление среды (в которой дефективных было, очевидно, меньшинство по сравнению с умевшими произносить k — в том поколении, при котором совершилось изменение), — совершился благодаря физиологическим условиям — экономии произносительной энергии при $k > ?$. Эта экономия делает живучим и рецепт подстановки $k || ?$ (и пр.): раз возможен выбор между $k\epsilon r$ и $?\epsilon r$, выбирается скорее $?\epsilon r$, чем $k\epsilon r$, как требующее меньшей физиологической работы.

Приведённое объяснение нуждается, однако, в оговорке ещё одной детали: спорадического случая $?$ в м. t в *kumna[?]a* “комната” (Locat. *kumna[?]ada*, Ablativ. *kumna[?]adan*). Так как значение слова (комната — Nom. loci) позволяет базироваться именно на формах Loc. и Abl., то $t > ?$ в **kumnatada*, **kumnatadan* можно объяснить наличием слогов с 3-мя ($n t d$) и даже 4-мя (в Abl. $n t d n$) переднеязычно-смычными один за другим. А так как такая диссимиляция в таких условиях (Fern-dissimilation) ведёт к появлению простейшего (по затрате энергии) звука на месте диссимилируемого, то естественно выбирается легчайший из смычных (и вполне обычный внутри слова) — гортанный смычный $?$.

Наркисс Хан
Институт Востоковедения в Москве.

Серия турецких языков.

Выпуск I.

Профессор Э. Д. Поливанов.

Фонетические особенности
Касимовского диалекта.

Экскури: I. Переход заузунных в галзу
с общ-фонетической точки зрения.

II. Китайское соответствие к
индо-европ. *medh₂ || гринк. mesi
< meti „мед“.

Москва. 1923.

Предполагается дальнейшие выпуски Турецкой Серии:

II. Проф. Поливанов. Узбекские диалекты.

III. Его же. Проблема латинского алфавита в турецких
письменностях (по поводу новой якутской графики,
азербайджанского «jeŋi jof» и алфавита, санкциониро-
ванного 2-м Всесоюзным Узбекским Работниками Проведения)

Печатается: по инициативе автора. Лекции по японской фонетике.
Фонетическая и морфологическая характеристика китайского языка.

Литература

Андронов А.В. Ускользящие следы Е.Д.Поливанова / А.В.Андронов // XIII Поливановские чтения: материалы международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – С.7–15.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию / Е.Д.Поливанов. – М.: Наука, 1991. – С.589–620.

Шулежкова С.Г. "...Моё скромное имя стало символом здравого смысла" / С.Г.Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2005. – №15. – С.136–140.

Арсентьева Елена Фридриховна
Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81

Талант и человечность великого ученого

*профессор Э.А.Балалыкина, ученый-филолог,
научная деятельность*

Эмилия Агафоновна Балалыкина относится к тем людям, которые оставляют яркий след в жизни и надолго остаются в памяти благодарных учеников и коллег [Диалоги 2020].

Как ученица профессора Виталия Михайловича Маркова, Эмилия Агафоновна была продолжателем его идей и успешно развивала исследования в области не только словообразования, но и лексической, грамматической и функциональной семантики русского языка. Особую любовь Эмилия Агафоновна испытывала к вопросам истории русских слов, их происхождения и семантического развития, результатом чего стала ее замечательная книга "Метаморфозы русского слова", опубликованная издательством "Наука" в 2012 году.

В течение долгих лет в Казанском университете Эмилия Агафоновна Балалыкина была сначала председателем диссертационного совета по защитах кандидатских, а потом и докторских диссертаций в области русской и сопоставительной филологии. К ней всегда можно было обратиться с просьбой оценить

уровень диссертации, и при этом она проявляла талант настоящего эксперта и благородного человека. В результате через совет прошли сотни аспирантов и соискателей не только из Казанского университета, но и из других вузов России.

Имя Эмилии Агафоновны Балалыкиной было известно ученым многих стран. Она дружила со многими известными учеными-филологами: А.В.Бондарко, Е.М.Верещагиным, Л.В. Златоустовой, Л.Г.Зубковой, В.В.Колесовым, З.К.Тарлановым, Б.И.Осиповым, А.Бартошевичем, Г.Йелитте и др.

Э.А.Балалыкина руководила кафедрой русского языка для иностранных учащихся в Казанском государственном университете с 1982 года в течение длительного времени. Именно благодаря Эмилии Агафоновне атмосфера на кафедре была очень дружеской и продуктивной для преподавательской и научной деятельности сотрудников. Были созданы все условия для плодотворного роста молодых ученых, работающих на кафедре. Э.А.Балалыкина никогда не перекладывала свою работу на других, ее часто можно было застать за составлением многочисленных отчетов, она сама занималась организацией новых научных конференций. Благодаря ее усилиям в Казанском университете регулярно проводились международные конференции с объединяющей темой “Языковая семантика и образ мира”, которые привлекали большое количество участников не только из разных регионов России, но и из-за рубежа.

При проведении международных конференций по русистике в Польше в городе Познань Э.А.Балалыкина, свободно вла-

девшая польским языком, входила в состав оргкомитета и постоянно руководила одной из секций конференции, опекая своих коллег из России. Мы до сих пор вспоминаем истории, связанные с нашим пребыванием в гостинице Познаньского университета, после которых нам на всю жизнь запомнились польские слова "лядувка" (холодильник) и "железка" (утюг).

Уже позже, в 2016 году, в Варшаве на международной конференции "Русский язык в современном мире: коммуникация, сознание, интернет..." мы встречались с Яном Яновичем Казем-Бекем, потомком знаменитого востоковеда Казанского императорского университета. Ян Янович с большой теплотой вспоминал о той помощи (не только моральной, но и материальной), которую оказывала Эмилия Агафоновна его семье, будучи директором филиала Института русского языка имени А.С.Пушкина в Варшаве в 1984–1987 гг. В рамках международной конференции для участников было организовано посещение Российского посольства в Варшаве. Сотрудники посольства, узнав, что мы из Казани, с глубоким уважением отзывались об Э.А.Балалыкиной, которая внесла неоценимый вклад в развитие дружественных отношений между двумя странами и была ярким и талантливым пропагандистом русского языка и литературы в Польше.

Являясь выдающимся ученым, труды которого известны в России и за рубежом, Эмилия Агафоновна не только помогала своим ученикам в научном плане, но была поддержкой и опорой в их жизни, наставником и добрым другом. Она всегда при-

ходила на помощь в трудной жизненной ситуации, умела подбодрить добрым словом, понять человека и проникнуться его заботами. Под руководством профессора Э.А.Балалыкиной было защищено сорок кандидатских диссертаций и четыре докторские. Ученики Эмилии Агафоновны в настоящее время работают в вузах как России, так и ряда зарубежных стран (США, Великобритании, Германии, Польши, Китая, Испании, Кубы) и с благодарностью вспоминают своего любимого Учителя.

Литература

Диалоги с учителем: памяти известного казанского ученого-филолога Э.А. Балалыкиной / под общ. ред. И.В.Ерофеевой, Ю.В.Агеевой, Е.Г.Штырлиной. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 260 с.

Аюпова Елена Ильдаровна

Казанская православная духовная семинария

УДК 811.161.1

Суффикс -оват- на шкале оценочности

словообразование, деривационная семантика,

категория оценочности, адъективы

Известно, что суффикс прилагательных *-оват-* (*-еват-*) передаёт значение небольшой степени признака, неполноты качества. Типовые соотношения *красный – красноватый, слабый – слабоватый* и подобные описываются как продуктивные и регулярные. Однако ситуация оказывается несколько сложнее: среди адъективов на *-оватый* специалисты выделяют 2 (один из них с 2 подтипами) [Русская 1980: 292, 305] или 3 словообразовательных типа [Лю 2021: 14-15].

Производные первого типа (далее СТ-1) мотивированы в большинстве своём качественными прилагательными и имеют значение невысокой степени признака (*желтоватый, хриповатый, грязноватый*). Производные второго типа (СТ-2) образуются на базе существительных с объектной семантикой и выражают значение обладания указанным объектом в некотором количестве (*узловатый, шишковатый, солонцеватый*). Третья разновидность (СТ-3) мотивируется наименованиями лица или живого существа и получает семантику сходства с названным существом по определённым свойствам (*ворова-*

тый, мужиковатый, быковатый). При этом семантические границы между типами подвижны: дериваты СТ-2 могут выражать и значение сходства (ср. *крючковатый*), производные всех трёх типов так или иначе получают семантику невысокой интенсивности, слабой степени проявления признака.

Семантика СТ-1 описывается, как правило, через категорию интенсивности: “обладающий в смягчённой, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом” [Русская 1980: 305]. Однако исследователи отмечают такую важную особенность этого типа, как ограниченность производящей базы оценочной семантикой: “Все прилагательные, обозначающие неполноту проявления аксиологического признака, образуются от адъективов отрицательной оценки. Так, в русском языке есть слово *плоховатый* при отсутствии **хорошеватый*. Это подтверждает такую особенность производящей базы, как запрет на присоединение суффикса *-оват-/-еват-* к прилагательным с положительной оценкой” [Лю 2021: 15]. На наш взгляд, отмеченная особенность касается не только собственно оценочных прилагательных. Она распространяется и на те адъективы, в которых аксиологический признак можно считать потенциальным, факультативным. К примеру, среди интересующих нас производных отсутствуют не только оценочные **хорошеватый, *доброватый, *красивоватый*, но и напрямую не связанные с оценкой **сильноватый, *нежноватый, *веселоватый, *умноватый* и подобные, имеющие в семантике основы позитивный оттенок. Кроме того, невозможны такие

производные и от основ, в которых уже заложена высокая интенсивность негативного признака: *ужасноватый, *зловатый, *кошмарноватый и т.п.

Если попробовать проанализировать основной массив производных на *-оватый* с точки зрения выражения негативной семантики, мы получим интересную картину. Из 187 прилагательных на *-оватый*, зафиксированных в обратном словнике "Грамматического словаря" [Зализняк 1987], почти все являются производными (единичны примеры типа нечленимых *тороватый* или *одутловатый*). При этом условно нейтральными по отношению к оценке можно считать две группы слов: отсубстантивные образования СТ-2 со значением наличия, обладания (главным образом терминологические – *солонцеватый*, *азотноватый* и подобные), составляющие примерно четверть от общего числа рассматриваемых слов, и прилагательные СТ-1, выражающие оттенок цвета (*рыжеватый*, *сизоватый* и пр.) и составляющие не больше 10%. Остальная масса слов (около 2/3 от общего количества) имеет ярко выраженный или подразумеваемый негативный компонент семантики.

При этом может иметь место соотношение двух видов. Во-первых, если производящая основа обладает отчётливо негативной семантикой (*глупый*, *грубый*, *дряблый* и под.), формант привносит только модифицирующий оттенок по шкале интенсивности "имеющий данный признак в небольшой степени". Это, как правило, отражается в лексикографических толкованиях: *грубоватый* – "несколько грубый", *скудноватый* – "скудный

в какой-то мере” (здесь и далее толкования приводятся по [Большой 1998]).

Во-вторых, возможна ситуация, когда производящая основа сама по себе нейтральна по отношению к категории оценочности (*тёплый, холодный, горячий, светлый, тёмный, длинный, короткий* и мн. др.). В таком случае суффикс, принося значение невысокой степени признака, оказывается связанным и с оценкой именуемого признака: он актуализирует потенциальную сему негативной оценки, которая таким образом проявляется в соответствующей коммуникативной ситуации. К сожалению, это обычно не фиксируется в словарных дефинициях, что искажает характеристику словообразовательной модели. Между тем, на наш взгляд, принципиально важно (особенно с точки зрения речепроизводства, что актуально, например, при обучении русскому языку как иностранному) понимать следующее: если сочетание *холодная вода* семантически синкретично в плане оценки (это качество воды может ситуативно оцениваться хорошо, плохо или не оцениваться вообще), то сочетание *холодноватая вода* обязательно получает негативный оттенок несоответствия норме, идеалу, ожиданиям. Поэтому точнее было бы толковать не через степень называемого признака (*холодноватый* – “немного холодный, несколько холодный”), а через несоответствие позитивному признаку (“недостаточно тёплый/жаркий”). Такие дефиниции, вернее отражающие ситуацию словоупотребления, встречаются в словарях (ср. *глуповатый* – “недостаточно умный”, *коротковатый* – “немного ко-

роче, чем требуется”, *светловатый* – “светлее, чем надо бы”), однако в общей характеристике всей словообразовательной модели эта связь с негативной оценкой и указанием на норму, как правило, не представлена.

Безусловно, нельзя абсолютизировать негативную окрашенность всех производных на *-оватый*, но мы можем говорить о тенденции, которая проявляется у качественных прилагательных (в отличие, например, от относительных типа *азотноватый*), если они не терминологизируются как оттенки цвета. Однако функциональная связь с негативной семантикой у СТ-1 передаётся не формантом как таковым и во многих случаях не основой, а всем производным словом – комплексно, в единстве производящей базы и суффикса. Следовательно, мы наблюдаем некоторую специализацию модели, выражающей не слабую интенсивность признака вообще, а слабую интенсивность **негативного** признака, некоторое отклонение от нормы, расцениваемое отрицательно. О взаимосвязи с семантикой оценочности говорит и то обстоятельство, что одной из типичных синтаксических позиций для таких производных является предикативная (нередко в краткой форме): *Суп солоноват. Сапоги маловаты. Булка суховата*. И носители языка интуитивно понимают, что суп, например, содержит соль, он в принципе должен иметь солёный вкус, но в нужной мере. А если он *солоноват*, то его нельзя считать недостаточно солёным, “несколько солёным”. Его следует оценивать как “несколько превышающий меру солёности”. В коммуникативной практике важной оказываает-

ся не идея неполноты признака (как принято считать), а идея недостаточности позитивного качества, отдаления от нормы по шкале негатива, наличия *лишнего*, ненужного количества некоторого признака: *солонватый* – “имеющий излишек солёности по сравнению с нормой”.

Любопытно, что эта ориентация на негатив прослеживается и в словах СТ-2 (отчасти) и СТ-3. Так, из всех проанализированных нами лексем СТ-3 не имеет отрицательной коннотации только слово *молодцеватый*. Остальные производные соотносятся, как правило, с негативной по смыслу производящей базой (*вороватый, жуликоватый, хамоватый, придурковатый* и мн. др.), на что указывают и словарные толкования: *мужиковатый* – “недостаточно воспитанный; отличающийся отсутствием необходимого такта, манер в поведении, в отношении с кем-л.”, *быковатый* – “угрюмый, насупленный (о человеке)” (ср. *набычиться*). Среди производных СТ-2 также прослеживается некоторая “негативизация” семантики, указание на наличие негативных, не соответствующих норме объектов: *прыщеватый, угреватый, комковатый, клочковатый, узловатый* и под. Вероятно, такая оценочная “специализация” описываемых адъективов на *-оватый* связана с их происхождением: этимологически формант *-оват-* восходит к древнему славянскому форманту *-ат-* [Балалыкина 1980: 54], который приносил не только семантику обладания (ср. *женатый, бородатый, рогатый, полосатый*), но и определённую оценочность, связанную с несо-

ответствием норме: *носатый* – “имеющий большой (то есть не совсем нормальный) нос” и под.

Таким образом, все СТ адъективов на *-оватый* оказываются связанными не только с категорией интенсивности, но и с категорией оценочности. Мы не можем говорить, что негативный оттенок привносит формант, однако в рамках “ономасиологической трактовки словообразовательного значения” можно констатировать, что оно выражается комплексно – всей “расчленённой бинарной структурой плана выражения производного” [Косова 2014: 115].

Литература

Балалыкина Э.А. Словообразовательная структура прилагательных в славянских и балтийских языках / Э.А.Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 144 с.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А.Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А.А.Зализняк. – М.: Рус. яз., 1987. – 880 с.

Косова В. А. Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории / В.А.Косова. – Казань: Новое знание, 2014. – 204 с.

Лю Фанфан. Суффиксально-адъективная реализация категории интенсивности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фанфан Лю. – Казань, 2021. – 24 с.

Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 789 с.

Байрамова Луиза Каримовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.161.1

Фразеологизмы в работе И.А.Бодуэна де Куртенэ

“По поводу новейших лингвистических трудов

В.А.Богородицкого”

высокая оценка, фразеологизм, Дамоклов меч

Статья И.А.Бодуэна де Куртенэ “По поводу новейших лингвистических трудов В.А.Богородицкого” [Бодуэн 1963, 2] знакомит читателя с высокой оценкой, которую дал И.А.Бодуэн де Куртенэ научной деятельности В.А.Богородицкого. И.А.Бодуэн де Куртенэ считает, что труды В.А.Богородицкого являются *“новейшими”*. И далее: *“...Этот взгляд г. Богородицкий подкрепляет несколькими весьма меткими и удачными соображениями”* [Бодуэн 1963, 2: 43]. И выводы В.А.Богородицкого – справедливые и верные: *“...Наш автор вполне справедливо замечает...”* [Бодуэн 1963, 2: 43]; *“...Наш автор вполне верно замечает...”* [Бодуэн 1963, 2: 45].

Честная, справедливая оценка научной деятельности не только В.А.Богородицкого, но и деятельности других представителей Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэн де Куртенэ подчёркивает отдельными фразеологизмами.

Так, например, характеризуя свою деятельность как руководителя Казанской лингвистической школы, он использует фразеологизм: *(не) держать под спудом*:

“Поэтому он с самого начала старался по возможности больше учить, не держа знаний под спудом и развивая самостоятельность учеников” [Бодуэн 1963, 2: 4].

Фразеологизм *держать под спудом* (“держать в скрытом месте, без применения”) имеет особую этимологию. В древнегреческом языке слово *спуд* имело два значения: 1) сосуд, 2) мера сыпучих тел. Позднее в русском языке слово *спуд* получило (вероятно, под воздействием евангельского *под спудом* – “тайно, в секрете”) новое значение: “сокровенное место” [Бирих 1998: 546].

Всего в статье И.А.Бодуэна де Куртенэ “По поводу новейших лингвистических трудов В.А.Богородицкого” фразеологизмы использованы более 30 раз. Отметим среди них следующие:

более или менее [Бодуэн 1963, 2: 50]

во всяком случае [Бодуэн 1963, 2: 35]

иметь в виду [Бодуэн 1963, 2: 35, 47]

иметь честь [Бодуэн 1963, 2: 41]

между прочим [Бодуэн 1963, 2: 35; 44]

по крайней мере [Бодуэн 1963, 2: 48, 49, 50]

с одной стороны, ... с другой (стороны) [Бодуэн 1963, 2: 40, 49]

так называемая [Бодуэн 1963, 2: 35, 43, 48, 50, 51]

так сказать [Бодуэн 1963, 2: 47, 51]

тем более [Бодуэн 1963, 2: 43]

тем не менее [Бодуэн 1963, 2: 53]

точка зрения [Бодуэн 1963, 2:35, 39, 48, 48, 48].

Приведённые фразеологизмы, как видно, в основном не образные, являются устойчивыми сочетаниями. Тем не менее, некоторые из них нуждаются в расшифровке. Например, фразеологизм **точка зрения** – определённый взгляд на какой-л. вопрос, своё особое отношение к чему-либо [Бирих 1998: 570].

Однако, безусловно, И.А.Бодуэн де Куртенэ использовал и образные, “эффектные” фразеологизмы, называемые во фразеологической теории “фразеологическими сращениями”. Это, например, фразеологизм **дамоклов меч**, который употребляется в значении: “постоянная грозящая кому-л. опасность”.

Фразеологизм **дамоклов меч** – калька греческого выражения из древнегреческого предания о сиракузском тиране Дионисии Старшем (ок. 432–367 гг. до н.э.), рассказанного Цицероном в сочинении “Тускуланские беседы”. Желая проучить льстеца Дамокла, называвшего его счастливейшим из людей, Дионисий приказал посадить Дамокла во время пира на своё место, предварительно прикрепить к потолку над этим местом острый меч, висевший на конском волоске. Этот меч – символ постоянных опасностей, угрожающих властителю [Бирих 1998: 376].

И.А.Бодуэн де Куртенэ использовал этот фразеологизм, раскрывая таким образом условия работы профессоров Казан-

ского университета: *“По уставу 1863 г. над каждым из профессоров висел дамоклов меч нового выбора по истечении 25-летия и, затем, через каждые пять лет”* [Бодуэн 1963, 2: 49].

Можно восхищаться и гордиться тем, что и в таких условиях (“дамклова меча”) профессора Казанского университета создавали труды и открытия “на века”...

Литература

Бирих А.К. Словарь русской фразеологии / А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. По поводу новейших лингвистических трудов В.А.Богородицкого / И.А.Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 2. – С.33–55.

Биккенина Дина Ильгизовна

Махмутова Люция Рафаиловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 81.119

**Научное наследие Казанской лингвистической школы
и его использование в преподавании школьного курса
русского языка**

*Казанская лингвистическая школа, русский язык в школе,
чередующиеся корни, синхрония, диахрония*

Казанская лингвистическая школа (КЛШ) своим полутора-вековым служением науке о языке внесла значительный вклад в развитие филологии. Постулаты КЛШ продолжают развиваться, находить подтверждение в научных трудах, а также применяться в практической деятельности современных лингвистов. Причём не только высшая школа, учёный мир, но и школьное профессиональное сообщество находит опору в научных трудах представителей КЛШ и черпает идеи для всестороннего эвристического изучения языка.

Целью статьи является описание результатов внедрения основных постулатов учения Э.А.Балалыкиной и Г.А.Николаева, описанных ими в учебном пособии "Русское словообразование", в школьную практику преподавания русского языка. Такая необходимость вызвана неоднозначностью подходов к толкованию некоторых явлений и процессов современного русского языка.

Одной из краеугольных тем, которая характеризуется порой крайне противоречивыми трактовками, являются чередующиеся корни. Изучение чередующихся корней начинается с 5-го класса школьной программы, а завершается при подготовке к Единому государственному экзамену. Несмотря на то что учащиеся так или иначе сталкиваются с темой на протяжении шести лет, нельзя сказать, что к 11-му классу у школьников формируется чёткое представление о чередующихся корнях.

Согласно “Методическим рекомендациям для учителей, подготовленным на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по русскому языку” лишь около 70% учащихся полностью справляются с заданием 9, в котором экзаменуемым фактически требуется провести анализ корневых безударных гласных, выявив среди них чередующиеся, проверяемые или непроверяемые.

Следует отметить, что задание 9 несколько раз подвергалось изменениям со стороны разработчиков КИМов ЕГЭ: если изначально фокус был сосредоточен на правописании безударных гласных в корнях, то постепенно составители ЕГЭ смещают акценты с проверки орфографических навыков на умение проводить анализ языковых явлений, что, как думается, настраивает на более вдумчивую и глубокую проработку темы со стороны учащихся.

Авторы статьи видят 3 проблемы в подходе средней школы к теме чередующихся корней:

- 1) отсутствие информации об исторических процессах, происходящих на протяжении развития русского языка и имеющих ключевое значение в свете интересующей нас темы;
- 2) отсутствие единого подхода к морфемному членению слов с чередующимися корнями;
- 3) формальный подход к изучению чередующихся корней, упущение семантического аспекта.

Школьный курс не подразумевает погружение в историю, язык рассматривается с позиции современного состояния. Так и чередующиеся корни изучаются с применением исключительно синхронического подхода.

Однако, как справедливо замечают Э.А.Балалыкина и Г.А.Николаев, стремление разграничить синхронию и диахронию ведёт к формализму [Балалыкина 1985: 9]. При синхроническом подходе мы имеем дело не с процессом чередования, а с его результатом. Отсутствие понимания становится причиной “зазубривания” чередующихся корней, в результате чего у учащихся наблюдается “слепота” к некоторым позициям. Одними из таких являются корни, оканчивающиеся на ИМ и ИН (*понимать – понять, пожинать – пожать, сминать – смять, внимать – внять* и др.). Думается, что именно диахронический метод изучения чередования в подобных образованиях будет способствовать пониманию процесса в целом. Кажется целесообразным рассказать о процессе монофтонгизации дифтонгоидов, т.е. сочетания гласного и согласного под влиянием закона открытого слога. В среднем и старшем звене можно дать

историческую справку о том, что перед гласным сочетание гласного с носовым согласным сохранялось (*пожиМати*), так как слогораздел по закону открытого слога не нарушался. Перед согласным происходило изменение сочетания гласного с носовым согласным в “юс малый” (*пожати*) или в “юс большой”. С утратой носовых гласных “а” (юс малый) перешёл в “я”, “ж” (юс большой) – в “у”.

Принцип последовательного историзма всегда был свойствен ученым КЛШ, стоит вспомнить слова И.А.Бодуэна де Куртенэ: “Нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, всё живёт, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика есть частный случай динамики или скорее кинематики” [Балалыкина 1985: 8-9]. Думается, что только такой подход будет способствовать возникновению полной языковой картины мира в сознании учащихся.

С синхронией и диахронией в преподавании языка связана и вторая проблема – отсутствие единого подхода к морфемному членению слов с чередующимися корнями.

Из года в год в КИМах ЕГЭ встречается стандартный набор чередующихся корней (всего 22 позиции: *бир/бер, дир/дер, мир/мер, тир/тер, пир/пер, жиг/жег, стил/стел, блист/блест, чит/чет/чес, кас/кос, им/а,я, ин/а,я, гар/гор, клон/клан, твор/твар, зар/зор, лаг/лож, скак/скач, раст/ращ/рос, мак/мок, равн/ровн*). Однако в профессиональном сообществе и

лингвистической литературе продолжают дискуссии относительно слов, содержащих чередующиеся корни. Например, слово *раствор* в значении “жидкость, в к-рой растворено другое жидкое, твёрдое или газообразное вещество” в “Морфемно-орфографическом словаре” А.Н.Тихонова приводится как нечленимое, а в “Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике” в этом слове в том же значении выделяется приставка “рас-” и чередующийся корень “твор”. Аналогичная ситуация возникает со словом *перила*: ряд авторов видит в нём нечленимое с точки зрения современного языка образование, а в других изданиях в нём выделяется суффикс “-ил-” и чередующийся корень “пер” [Тихонов: электронный ресурс].

С чем связаны расхождения в интерпретации современной структуры слов? Думается, что с разным подходом к морфемному членению слова. Э.А.Балалыкина и Г.А.Николаев в вышеприведённом пособии предостерегают авторов от смешивания двух моментов: этимологического и функционального – при анализе слов. Первый связан с происхождением, второй – с системой языка в определённый период его развития. По справедливому замечанию учёных КЛШ, этимологический момент в жизни слова всегда остаётся неизменным. Однако в дальнейшем, в ходе развития языка, слово может утратить первичные структурно-семантические связи и закрепить новые [Балалыкина 1985: 9-10]. Думается, именно это и произошло со словом *раствор*.

Согласно этимологическому онлайн-словарю русского языка Н.М.Шанского, слово *растворить* (производным по отношению к которому является слово *раствор*) – образовано от *творить* “замешивать”. Следовательно, с исторической точки зрения мы можем выделить приставку “рас-” и корень “твор” в слове *раствор*. Однако если посмотреть на современное словообразовательное гнездо, то получается, что минимальной будет морфема “раствор”, а значит, при таком подходе мы не выделяем в этом ряду слов приставку и чередующийся корень “твор” и можем говорить о деэтимологизации производной основы:

<i>раствор-и(ть)</i>	<i>раствор</i> Ø
	<i>раствор-и-тель</i>
	<i>раствор-ённ(ый)</i>
	<i>раствор-им(ый)</i>

Как же быть в процессе изучения темы? Следует учитывать, что чередование – это исторический процесс, в современном языке мы часто имеем дело лишь с отголосками этого явления. Без морфемного членения с учётом диахронического подхода многие слова выпадут из списка чередующихся корней.

Поскольку эта тема имеет орфографическую ценность, исключать слова из списка, применяя синхронический подход к анализу слов, нецелесообразно.

Таким образом, сама тема диктует применение принципа историзма при изучении феномена чередующихся корней.

Третья из отмеченных авторами статьи проблем связана со сложностями, возникающими из-за формального подхода к изучению чередующихся корней и упущения семантического аспекта.

В связи с ней следует обращать внимание учащихся на явление корневой омонимии. Так, чередующимися будут являться корни *мер/мир*, связанные со смертью, с остановкой (*умирать, замирать*), и их нужно отличать от корня "мир", связанного с отсутствием войны, со спокойствием (*перемирие, миролюбивый*) и от корня "мер" со значением "мерить, измерять" (*примерочная, измерение*).

Аналогична ситуация с чередующимися корнями *пер/пир*, связанными с открыванием/закрыванием (*запирать, отпирать*), опорой (*опереться, упираться*) и упорством (*напирать*) и др., которые нужно отличать от омонимичного корня "пир" со значением "застолье, угощение" (*пировать*).

Корень "гор" будет являться чередующимся только в значении, связанном с огнём, жаром (*пригореть, загореть*), а слова *гора* и *горе* не будут родственными ему. В случае со словами *горизонт* и *ложбинка* необходимо прибегать не только к семантическому анализу слова, но и к морфемному: часто ученики, формально подходя к анализу, видят знакомые сочетания букв и слепо выделяют их как чередующиеся корни "гор"

и “лож”, но в указанных словах корнями будут “горизонт” и “ложб”.

Таким образом, закономерен вывод, что основные постулаты учения Э.А.Балалыкиной и Г.А.Николаева, описанные в учебном пособии “Русское словообразование”, являются актуальными для школьной практики преподавания русского языка, а внедрение рекомендуемых учёными методов анализа языковых явлений способствует более полному пониманию школьниками природы чередования.

Литература

Абдулхакова Л.Р. Древнерусский язык: фонетика: учебно-методическое пособие для студентов филологических специальностей / Л.Р.Абдулхакова. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/22162/10_156_001006.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

Балалыкина Э.А. Русское словообразование: учебное пособие / Э.А.Балалыкина, Г.А.Николаев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1985. – 184 с.

Цыбулько И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по русскому языку / И.П.Цыбулько, О.М.Крайник, Т.В.Соловьева. – URL: https://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Ruski_yaz_mr_2020.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. – М.: АСТ-Пресс, 2021 г. – 592 с.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь / А.Н.Тихонов. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/morphemic-orthographic/fc/slovar-208-3.htm#zag-68163> (дата обращения: 01.11.2021).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М.Шанского. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 01.11.2021).

Борисова Людмила Валентиновна
Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова
УДК 811.512.111

**Сопоставительный семантический анализ
фаунистической лексики в аспекте языковой картины мира
(на материале русского, чувашского
и туркменского языков)**

*когнитивная лингвистика, фаунистическая лексика,
сопоставительная семантика*

Данная работа представляет собой опыт изучения интерпретирующего потенциала фаунистической лексики в аспекте языковой картины мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что оно опирается на теоретические положения когнитивно-дискурсивного подхода, разработанные Е.С.Кубряковой [Кубрякова 2004].

Целью исследования является выявление национально-культурной специфики репрезентации кластера "фауна" в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира.

Объектом исследования послужила фаунистическая лексика русского, чувашского и туркменского языков.

Материал исследования отобран из лексикографических источников и произведений фольклора.

Единицы языка, представляющие собой наименования животных, составляют обширный пласт в лексической системе любого языка. В лингвистике такие лексические единицы обозначают термином “фаунистическая лексика”. На протяжении многих лет фаунистическая лексика привлекает внимание языковедов, поскольку наименования животных издавна широко используются в переносном значении для характеристики человека. В частности, в русле семасиологического подхода фаунистическая лексика была рассмотрена А.О.Кубасовой [Кубасова 2008]. В рамках лингвокультурологии М.В.Соколовой проведен анализ фразеологических единиц с компонентом зоонимом на материале марийского и финского языков [Соколова 2015]. К изучению зоонимической лексики обращались также Е.В.Метельская [Метельская 2012], И.В. Миронова [Миронова 2000] и другие лингвисты. Сопоставительное исследование репрезентации кластера “фауна” в русской и чувашской языковых картинах мира было проведено в нескольких наших предыдущих работах [Борисова 2010; 2011; 2014; 2018].

Настоящее исследование показало, что наименования многих представителей фауны имеют совпадающую культурную коннотацию в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира.

Во всех трех проанализированных языках медведь символизирует силу, волк – хищность, лиса – хитрость, а заяц – трусость. В туркменской культуре с зайцем ассоциируется также

милый безобидный человек, очень привязанный к своему дому. Туркмены говорят: “Зайцу родной холм дороже всего”.

Лев в русской, чувашской и туркменской языковых картинах мира символизирует храбрость, мужество. В русском языке есть выражение “сражаться как лев”, то есть храбро сражаться. Чуваши о сильном человеке говорят: “силён как лев”. О человеке, физическая сила и ловкость которого вызывают восхищение, туркмены говорят: “С глазом сокола, с лапой льва”. О храбром человеке туркмены говорят: “С крыльями сокола, с сердцем льва”. В туркменском фольклоре есть пословица: “Не горюй, что родилась дочь: львица достойна льва”. В чувашской культуре со львом ассоциируются также высокомерие, спесивость. В чувашском языке есть выражение: “Высокомерен как лев”.

Положительной коннотацией характеризуется во всех трех проанализированных языковых картинах мира конь. В русской культуре конь (лошадь) – символ трудолюбия, выносливости. Крепкое здоровье русские называют *лошадинам здоровьем*. В русском фольклоре есть поговорка: “Конь не пахарь, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник”. В чувашской культурной традиции конь – самое почитаемое домашнее животное. У чувашей есть поговорки: “Лошадь – жизнь человека”, “Конь – крылья мужчины”. Похожая поговорка есть и у туркмен: “У кого конь, у того и крылья”. “Конь – равноправный член туркменской семьи”, – говорят в Туркменистане. Туркменская пословица

гласит: “Проснувшись утром, сначала поздоровайся с отцом, потом с конем”.

Проведенное исследование позволило также выявить интересные отличия, связанные с национально-культурными особенностями русской, чувашской и туркменской языковых картин мира.

В русской культурной традиции сова оценивается отрицательно, с ней ассоциируются хищность и эгоизм. Русская поговорка гласит: “Сова спит, а кур видит”. Эта птица считалась связанной с нечистой силой. В чувашской культуре сова символизирует глупость. Бестолкового, невежественного, глупого человека чуваша называют совой. В туркменской культурной традиции сова – символ мудрости, степенности, опыта и рассудительности. “К сове добыча сама приходит”, – говорят туркмены, имея в виду, что мудрость помогает добиваться своего без усилий.

В туркменской культурной традиции с шакалом ассоциируются алчность, наглость, лицемерие. У туркмен есть поговорка: “Самую лучшую дыню кушает шакал”. Наглого лицемера и обманщика туркмены называют *бесстыжим шакалом*.

Только в чувашской культуре горноста́й символизирует хитрого, изворотливого человека, ловкача и проныру.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что фаунистическая лексика представляет собой достаточно информативную лексико-семантическую систему для изучения процессов языковой когници. Фаунисти-

ческая лексика позволяет выявить национально-культурную специфику языковой картины мира с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур.

Литература

Борисова Л.В. Лексико-семантическая группа “дикие животные” как один из фрагментов языковой картины мира (русские, чешские, английские и чувашские параллели) / Л.В.Борисова // Вестник Чувашского университета. – 2010. – №4. – С.193-198.

Борисова Л.В. Лингвокультурологический анализ названий птиц отряда соколообразных (русско-чувашские параллели) / Л.В.Борисова // Филология и культура. – 2011. – №3 (25). – С.147-152.

Борисова Л.В. Репрезентированные в языке стереотипы и архетипы традиционного народного сознания как объекты лингвокультурологического исследования (русско-чувашские параллели) / Л.В.Борисова // Вестник Чувашского университета. – 2014. – №3. – С.73-79.

Борисова Л.В. К вопросу о фаунистическом коде лингвокультуры / Л.В.Борисова // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Издательство Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, 2018. – С.16-19.

Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры (лексико-

семантический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.05 / А.О.Кубасова. – Санкт-Петербург, 2008. – 24 с.

Метельская Е.В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Е.В.Метельская. – Пятигорск, 2012. – 26 с.

Миронова И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / И.В.Миронова. – Тамбов, 2000. – 175 с.

Соколова М.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / М.В.Соколова. – Чебоксары, 2015. – 24 с.

Орнитонимы в поэзии Н.А.Некрасова

Н.А.Некрасов, поэзия, орнитоним, номинация, птицы

Птицы играют особую, символическую, роль в русскоязычной лингвокультуре [Никулина 2020: 238]. Поэтому орнитонимы как номинации птиц [Симакова 2003: 8] прочно обосновались в творчестве русских поэтов [Афанасьева 2020: 279]. Произведения Н.А.Некрасова не являются исключением. Неоднократно отмечалось [Куприяновский 1983, 8: 87], что поэт был прекрасным художником-пейзажистом. “Русь”, по Некрасову, – это прежде всего родной народ”, родная природа [Евгеньев-Максимов 1953: 101]. Природа в его изображении была яркой и красочной, оживала и дышала; созданные образы были жизненны и правдивы. Все это стало возможным благодаря тому, что сам Н.А.Некрасов хорошо знал природу среднерусской полосы — Верхневолжье. В.Е.Евгеньев-Максимов отметил по этому поводу: “Серенькая природа, тучи, ветер, “стая галок и ворон” – какой это здесь типичный пейзаж!” [Евгеньев-Максимов 1953: 31]. Н.А.Некрасов хорошо знал фауну родных мест, ведь он сам был охотником. Так, например, В.В.Жданов указал на чучела птиц – охотничьи трофеи поэта – в своей книге “Некрасов” [Жданов 1971: 381]. Неудивительно, что живот-

ные средней полосы, и особенно птицы, заняли ведущее место в поэзии Н.А.Некрасова. Между тем исследования орнитонимов в его поэтическом наследии в опубликованной литературе отсутствуют. Это детерминирует актуальность изучения данного вопроса.

Целью работы явилось исследование роли и места орнитонимов в поэзии Н.А.Некрасова. Материал орнитонимов собирался в 809 произведениях, созданных в период 1838 – 1877 гг. [Некрасов 1983, 1: 11-458; Некрасов 1983, 2: 5-261; Некрасов 1983, 3: 5-231; Некрасов 1983, 4: 5-260]. Орнитонимы содержались в 88 произведениях, что составило 10,88% от всего количества стихотворений и поэм в выборке исследования. С точки зрения изучения орнитонимов как лексических единиц, в проанализированном материале (157194 слов) было установлено 227 орнитонимов. Из них 37 представляли собой номинации птиц, а 190 – их словоформы и дериваты. Тем самым доля орнитонимов в массиве лексических единиц составила 0,14%.

Главным результатом исследования стала выявленная в ходе качественного анализа орнитонимов закономерность большого спектра представленных в поэзии Н.А.Некрасова номинаций. Так, наиболее общая и абстрактная категория анализа – орнитоним *птица*, а также его словоформы и дериваты (в том числе: *птице*, *птицей*, *птицы*, *птиц*; *птичка*, *птичку*, *птичкой*, *птички*, *птичек*, *птичье*) – упоминался Н.А.Некрасовым 44 раза, что составило долю в 19,38% от всех найденных орнитонимов. Кроме обобщающего орнитонима, в

проанализированном материале встречались такие конкретные номинации, как: *вальдшнеп* (1,32% от всех найденных орнитонимов), *воробей* (2,20%), *ворон* (10,57%), *галка* (2,64%), *глухарь* (1,32%), *голубь* (9,69%), *горlinka* (0,44%), *грач* (0,88%), *гусь* (7,05%), *дергач* (0,44%), *дупельшнеп* (0,44%), *жар-птица* (0,44%), *журавль* (1,76%), *индюк* (0,88%), *касатка* (1,76%), *коршун* (0,88%), *кукушка* (0,44%), *кулик* (3,08%), *курица* (0,44%), *лебедь* (1,32%), *наседка* (0,44%), *орел* (7,05%), *пеночка* (0,44%), *перепел* (1,32%), *петух* (4,85%), *синица* (0,44%), *сова* (1,32%), *сокол* (2,20%), *соловей* (9,69%), *сыч* (0,88%), *удод* (0,44%), *утка* (1,32%), *филин* (0,44%), *цыпленок* (0,44%), *чайка* (0,88%), *ястреб* (0,44%). Таким образом, среди конкретных номинаций птиц чаще других Н.А. Некрасов применяет в своих стихотворениях орнитонимы *ворон*, *голубь*, *соловей*, *гусь*, *орел*, *петух*, *кулик*, *галка*, *воробей* и *сокол*. При этом каждый орнитоним представлен большим количеством словоформ и дериватов. Доля каждого из оставшихся орнитонимов составляет менее 5% от всего массива найденных единиц анализа.

Чаще других используется орнитоним *ворон*. Например: *Вновь ворон закаркал: "Тебе ли нести / Побои, позор и неволю* ("Ворон") [Некрасов 1983, 1: 234]. *Ворон* в одноименной балладе символизирует коварный характер главного персонажа и является частью описания общей аллегорической картины. *Голубь* с соответствующими словоформами и дериватами в творчестве поэта упоминается почти так же часто. Например: *Проснулся: в широкие щели сарая / Глядятся веселого солнца*

лучи. / Воркует голубка; над крышей летая ("Крестьянские дети") [Некрасов 1983, 2: 115]. В данном произведении Н.А.Некрасовым создана декорационная картина, где крестьянские дети погружены в полуприродную среду русской деревни, пронизанной образами животных, в том числе птиц. Здесь *голубь* – это часть общей картины русского крестьянского быта, при помощи которой в поэтических строках воссоздается *русскость, родина, родное*. Не менее часто Н.А.Некрасов использует орнитоним *соловей*. Например: *Ведь наш-то курский соловей / В цене, – тут много их ловили* ("Соловьи") [Некрасов 1983, 3: 111]. *Соловей* в процитированных строчках метафорически олицетворяет *свободу и простых людей*, измученных податями. Часто Н.А.Некрасов использует в своих произведениях орнитоним *гусь* со словоформами и дериватами. Например: *Вон гуси выступают в ногу / С гусиной важностью... о вдруг — / Смятенье, дикий крик, испуг!* ("Несчастные") [Некрасов 1983, 4: 34]. Эту лексему в данном произведении поэт использует в последующем сравнении с детьми в классе, которых разгоняет учитель.

Также часто в поэтических произведениях Н.А.Некрасова используется орнитоним *орел*. Например: *Свободен как орел, могуществен как царь, / Широко распахнув развесистые крылья, / Над миром он парит. / Везде ему алтарь!* ("Два мгновения") [Некрасов 1983, 1: 195]. И снова орнитоним используется как символ свободы и высокого полета в поэтическом сравнении. Такое сравнение несет благодаря орнитониму отпечаток

единичной особенности, недостижимости, великой силы. Чуть реже лексемы *орел* в произведениях поэта применяется лексема *петух*. Например: *От рассвета до зари / Бой ведут богатыри, / Петухи между собою / Тоже склонны очень к бою* (“Баба-яга, костяная нога”) [Некрасов 1983, 1: 312]. *Петух* здесь – образ молодости, бездумной драчливости, следовательно, является сравнением и участвует в положительно коннотативной связке эффектной пестрой внешности этой сильной птицы и богатырской удали русского молодечества. Незначительно реже, чем *петух*, Н.А.Некрасовым используется орнитоним *кулик*. Например: *Словно как мать над сыновней могилой, / Стонет кулик над равниной унылой* (“Саша”) [Некрасов 1983, 4: 10]. *Кулик*, обычно издающий тонкие резкие, несколько завывающие звуки, сравнивается с горюющей матерью и используется для создания атмосферы печали. С небольшой частотой Н.А.Некрасов применяет орнитоним *галка* с соответствующими словоформами и дериватами. Например: *Бесконечно унылы и жалки / Эти пастбища, нивы, луга, / Эти мокрые, сонные галки, / Что сидят на вершине стога* (“Утро”) [Некрасов 1983, 3: 117]. *Галки* здесь используются как часть характерного пейзажа среднерусской полосы. Орнитоним *воробей* встречается всего 5 раз. Например: *Ты, я вижу, прокурат! / Кабы весь, небось не скоро бы / Шел ты, старый воробей!* (“Коробейники”) [Некрасов 1983, 4: 70]. С той же частотой в стихотворениях поэта встречается орнитоним *сокол*.

В заключение можно утверждать, что орнитонимы играют ведущую роль в поэзии Н.А.Некрасова. Поэт использует множество орнитонимов: *вальдшнеп, воробей, ворон, галка, глухарь, голубь, горлинка, грач, гусь, дергач, дупельшнеп, жар-птица, журавль, индюк, касатка, коршун, кукушка, кулик, курица, лебедь, наседка, орел, пеночка, перепел, петух, птица, синица, сова, сокол, соловей, сыч, удод, утка, филин, цыпленок, чайка и ястреб*. Именно с их помощью поэту удается прекрасно передать в сравнениях грустную красоту родного края, описать в аллегориях и метафорах трагедию человеческих судеб или доли целого народа.

Литература

Афанасьева Н.А. Лексико-семантическая группа "птицы" в русской поэтической картине мира / Н.А.Афанасьева, Д.Чэнь // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: материалы докладов и сообщений XXV международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербург, 2020. – С.279–283.

Евгеньев-Максимов В.Е. Творческий путь Н.А.Некрасова / В.Е.Евгеньев-Максимов. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 283 с.

Жданов В.В. Некрасов. Серия "Жизнь замечательных людей" / В.В.Жданов. – Москва: Изд-во Молодая гвардия, 1971. – 493 с.

Куприяновский В.А. О краеведческом аспекте изучения Некрасова / В.А.Куприяновский // Некрасовский сборник / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Ф.Я.Прийма. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – Т.VIII. – С.87-90.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений. Том 1. Стихотворения 1838-1855 / Н.А.Некрасов. – Ленинград: Наука, 1981. – 722 с.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений. Том 2. Стихотворения 1855-1866 / Н.А.Некрасов. – Ленинград: Наука, 1981. – 449 с.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений. Том 3. Стихотворения 1866-1877 / Н.А.Некрасов. – Ленинград: Наука, 1982. – 514 с.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений. Том 4. Поэмы 1855-1877 / Н.А.Некрасов. – Ленинград: Наука, 1982. – 658 с.

Никулина Е.В. Функционирование мифических орнитонимов в индивидуальном лексиконе (на материале свободного ассоциативного эксперимента с применением визуального формата представления образов) / Е.В.Никулина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – №1(36). – С.238–248.

Симакова О.Б. Лексико-семантическая группа “Орнитонимы” (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Б.Симакова. – Пенза, 2003. – 28 с.

Габдреева Наталия Викторовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.161.1

К изучению близкозвучной лексики

в сопоставительном аспекте

лексическое значение, заимствования,

диахронические изменения, прототип

Соотношение между единицами двух языков, имеющих близкий план выражения, может быть неодинаковым, что привело в языкознании к сосуществованию различных терминов: межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика, слабые / сильные эквиваленты, заимствования, паронимы.

Основы классификации близкозвучной лексики на примере польского языка были описаны Э.А.Балалыкиной [Балалыкина 2005, 2012]. Экстраполируя эти теоретические положения на генетически различные языки и дополнив иными критериями, выделим следующие группы близкозвучной лексики, отмечая при этом характер варьируемого признака:

1. Полное совпадение формы при наличии фонетических расхождений, определяемых фонетическими особенностями каждой из систем: редукцией гласных в безударном слоге (русское *портрет* и французское *portrait*), оглушение звонких в абсолютном конце (русское *антураж* и франц. *entourage*), немые согласные в конце слова (франц. *Garnier* – рус. *Гарньер*), нали-

чие не совпадающих по характеристике фонем (исп. *autor*, фран. *auteur* – рус. *автор*, украинское *гарбуза* “тыква” и русское *арбуз*), отсутствие носовых фонем в одном из языков и субституция на буквосочетание гласный+ согласный (франц. *le coupon* – рус. *купон*, *le parfum* – *парфюм*, *le garant* -- *гарант*, *круассан* – *le croissant*).

2. Полное совпадение формы при различном значении, так называемые ложные друзья переводчика: исп. *nada* “не за что” – рус. *надо*, польское *partera* “первый этаж здания, где располагается администрация” и русское театральное *партер*, укр. *чоловік* “мужчина, муж” и русское *человек*, пол. *prosto* “прямо” – рус. *просто*, французские и русские слова, некогда совпадавшие в значении, но сегодня полностью разошедшиеся в семантическом плане: *ragout* – *рагу*, *pedant* – *педант*, *postillon* – *почтальон*, *cervelas* – *сервелат*, *episode* – *эпизод*, *champignon* – *шампиньон*, *canicule* – *каникулы*, *climat* – *климат*. Можно продолжить примеры: русское *фигура* и французское *figure* “лицо”, русское *спасибо* и французское *pas si bas* (не так громко), русское *изба* и польское *izba* “помещение, палата”, русское *трапеза* и греческое *trapeza* “банк”, русское *метафора* и греческое *metafora* “перевозка”, русское *аргумент* – исп. *argumento* “тема, краткое содержание”, русское *арена* – исп. *arena* “песок”.

3. Грамматические различия, проявляющиеся в несовпадении флексий (польское *taksówka* – рус. *такси*, польское *aktorka* – русское *актриса*, исп. *artista* – рус. *артист*, *futbolista*

– *футболист*, *curso* – курс, *apetito* – аппетит, *documento* – документ), родовом оформлении (франц. *la sonde* ж.р. -- рус. зонд м.р., *la boutique* ж.р.– рус. бутик м.р.) и формах числа и рода (франц. *devise* имеет полную парадигму, русское девизы Pl. t., франц. *pantalon* имеет форму единственного и множественного числа, русское панталоны – только мн.ч.).

4. Акцентологические расхождения прототипа и коррелята (франц. *le secateur* – рус. секатор, *la presentation* – рус. презентация, исп. *agronomo* – агроном, *arbitro* – арбитр, *astronomo* – астроном, *conkurso* – конкурс, *kilogramo* – килограмм, *kilometro* – километр, *parlamento* – парламент, *poligloto* – полиглот, *telefono* – телефон).

5. Семантическое несовпадение прототипа и заимствования, определяемое как количественно-качественные расхождения.

- Расширение значения одного из коррелятов (итал. *beretta* “любой головной убор” и рус. берет “круглой формы”, итал. *camera* “любая комната” и русское камера “комната специального назначения”).

- Сужение значения или семантические метаморфозы (франц. *pomme* совр. “любая мазь”, исторически изготовлявшаяся из яблок – рус. помада “декоративная косметика”).

- Функциональный перенос (польское *klęczeć* “просить у Бога милости”, русское *клянчить* “попрошайничать”).

- В некоторых случаях отмечается диахроническое изменение семантики слов, что ведет к образованию семантических

архаизмов: один из ярких примеров – слово *инвалид*, не раз встречавшееся у Пушкина: “В любви считаюсь инвалидом, Онегин слушал с важным видом...” [Пушкин 1977: 186]. В XIX веке слову было присуще иное значение, нежели сегодня, а именно “ветеран”; в современном языке произошло сужение значения: инвалид – это больной, искалеченный человек. Название одной из самых известных достопримечательностей Парижа, Дворца Инвалидов, часто неправильно переводимое как Дом Инвалидов (*Les Invalides*) – это памятник ветеранам 5-й Республики, а не больница [Франция 2011: 186].

В русской литературе XIX века нами выявлены следующие семантические архаизмы: *вульгарный* “обыкновенный”, *карусели* “конные состязания”, *ликер* “вода” *шарлатан* “площадный продавец лекарств”, *бассейн* “источник”, *водевили* “песни фривольного содержания”, *дом* “купол”, *почталион* “ямщик”, *кабинет* “собрание ценностей”, *педант* “человек, имеющий широкие, но неглубокие знания”, *министр* “посол”, анекдот “происшествие” и некоторые другие [Габдреева 2011: 132-135].

6. Принадлежность к различным частям речи: латинское *credo* глагол, русское соответствие *кредо* существительное, франц. прил. *transparent* и русское сущ. *транспарант*, в русском языке: *инфинитив* – имя существительное, в английском *infinitive* – существительное и прилагательное (‘неопределенный’); русское *суффикс* – существительное, английское *suffix* – существи-

тельное и глагол ('прибавлять суффикс') [англ. примеры см. Михайлова 2014].

Таким образом, изучение созвучной или близкозвучной лексики в сопоставительном плане должно строиться на триаде: значение – форма – функция, которая позволит определить семасиологические отношения между коррелятивными единицами, причины семантического размежевания, а также системные грамматические изменения. Вновь вспомним Э.А.Балалыкину, которая, ссылаясь на А.А.Потебню, сформулировала общий методологический принцип сопоставительного изучения: "процесс познания есть процесс сравнения" [цит. по Балалыкина 2005: 27].

Литература

Балалыкина Э.А. Методические приемы обучения близкозвучной лексике на занятиях по русскому языку в польской аудитории / Э.А.Балалыкина // Формирование коммуникативной компетенции иностранных учащихся: материалы конференции 23–24 мая 2005 года. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2005. – С.18–27.

Балалыкина Э.А. Метаморфозы русского слова: учебное пособие / Э.А.Балалыкина. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 264 с.

Габдреева Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В.Габдреева. – Изд. 2-е испр. – М.: URSS, 2011.– 364 с.

Михайлова Е. Об изучении лексико-семантических параллелей на занятиях по РКИ / Е.Михайлова // Актуальные проблемы

преподавания РКИ в вузе. – М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2014. – С.311–316.

Пушкин А.С. Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы и повести / А.С.Пушкин. – М.: Художественная литература, 1977. – 735 с.

Франция: путеводитель. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.

Галеев Тимур Ильдарович

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

УДК 811.161.1

Концепт “аристократ” в истории русского языка

*аксиология, семантика, титулы, этимология,
языковая картина мира*

Слово *аристократия* было заимствовано из французского, возможно, через немецкий язык и в современном понимании является полным синонимом слова *знать*.

Современные словари дают следующие значения слова *аристократия* в качестве основных: “высшее сословие”; “привилегированная часть какого-л. класса” [Большой 1998, Ефремова 2000].

Также эти и другие [Мокиенко 1990] словари фиксируют в слове *аристократ* семы, в основе которых стоит признак, благодаря которому лицо начинают причислять к элите: талант, богатство, ученость и т.п. и даже дают такое толкование: “о людях, считающих, что по своему культурному уровню они стоят выше всех”.

В исследуемой лексикографии *аристократка* – это высоко нравственная личность, имеющая богатую родословную. Коннотация у этой лексемы в языке литературы дореволюционной поры была явно положительная.

Прилагательные *аристократический* и *аристократичный* могут считаться паронимами. Их различие состоит в том, что признак *аристократический* указывает на принадлежность чего-либо к указанной форме правления (*аристократический образ правления, аристократическая республика*). В ряде случаев слово представляет собой синоним к прилагательным *изысканный, утончённый* (*манеры, вид, замашки, натура*) [МАС, Большой 1998].

Намного уже палитра значений у прилагательного *аристократичный*. Этому признаку найдена удачная семантизация в СО: “проникнутый *аристократизмом*, утончённый, изысканный” [Ожегов 1992].

У этого прилагательного, в отличие от предыдущего, существует краткая форма. Потенциально прилагательное имеет и формы сравнения – *аристократичнее, аристократичнейший*. Следовательно, прилагательно условно можно считать качественным, а *аристократический* – относительным. У обоих прилагательных есть набор интегральных сем: *благородный, великосветский, знатный, изощренный, изысканный, изящный, породистый, рафинированный, тонкий, утонченный*.

Дифференцирующие семы для прилагательного *аристократичный*: *доблестный, достойный, гордый, джентльменский, рыцарский*; для прилагательного *аристократический* – *высокосветский*.

Таким образом, язык довольно чутко отреагировал на социально-политические изменения в обществе и наделил лексему *аристократ* и её производные новыми смыслами. Если в XIX веке аристократией называли тех, кто по праву рождения обладал исключительными правами, то в XX веке аристократией стали называть исключительно одарённых личностей, которые примером своей жизни и труда поднимают моральную и профессиональную планку в обществе, то есть демонстрируют благородство меритократическое, а не патримониальное.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А.Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.

Мокиенко В.М. Русская фразеология / В.М.Мокиенко, В.Н.Фелицына. – М.: Рус. яз., 1990.

Малый академический словарь / под ред. А.П.Евгеньева. – М.: Ин-т рус. яз., 1984.

Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф.Ефремова). – М.: Рус. яз., 2000.

Толковый словарь русского языка / под ред. С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой. – М.: Азъ, 1992.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

Номинации “школьных стрелков” в российских СМИ

номинация, скулшутинг, идентификатор, эмоциональность

Наиболее резонансным событием последних лет в российской и мировой прессе стало явление скулшутинга (school – школа, shoot – стрельба), или массовой стрельбы в учебном заведении. Активное обсуждение в обществе и в СМИ скулшутинга (“mass shooting”, “school shooting”) началось только в конце XX века в связи с вооруженным нападением 20 апреля 1999 года на старшую школу “Колумбайн” двух учеников: Дилана Клиболда и Эрика Харриса. В России зарождение феномена скулшутинга связывают с вооруженным нападением на школу №1 в г.Ивантеевка ее ученика – Михаила Пивнева, которое произошло 5 сентября 2017 года.

Явление скулшутинга как одна из наиболее острых современных проблем широко обсуждается в СМИ и в научных кругах. При этом внимание журналистов и общественности фокусируется не только на деталях происшествия, но и на самом преступнике. В прессе это отражено в виде повышенного внимания к стрелку – его личность становится обсуждаемой, на страницах печатных и сетевых изданий тиражируются свидетельства очевидцев его жизни, из слов которых складывается портрет пре-

ступника. Последнее, в том числе, проявляется в наборе различного рода социальных и психологических характеристик: “тихий”, “студент”, “неконфликтный”, “подросток”, а также оценочных определений: “монстр”, “убийца” и т.д. Научное сообщество также не остается в стороне – личность преступника подвергается тщательному психологическому анализу [Карпов 2018], предлагаются меры по предотвращению будущих массовых расстрелов [Давыдов 2018]. Однако в современной науке еще нет работ, посвященных лингвистическому анализу номинаций преступника в СМИ, в то время как образ стрелка напрямую выстраивается через систему его именовании.

В нашем исследовании рассмотрена система номинаций скулшутеров, сложившаяся на данный момент в языке российских СМИ. Материалом для анализа послужили статьи, посвященные трем событиям: нападение Владислава Рослякова на Керченский политехнический колледж 17 октября 2018 года, массовое убийство в казанской гимназии №175 11 мая 2021 года (стрелок – Ильназ Галявиев) и нападение Тимура Бекмансурова на Пермский государственный национальный исследовательский университет 20 сентября 2021 года.

Анализ исследовательского материала показал, что при номинации стрелка, кроме имени собственного (антропонима), важной оказывается социальная характеристика нападавшего. Соответственно, нами выделены три способа именования.

I. Наиболее общей в текстах СМИ является номинация с помощью усеченной антропонимической формулы, состоящей

из имени и фамилии стрелка. Такой вариант именованья является не только самым распространенным, но и наиболее интернациональным [Супрун 2000: 25]. При повторном предъявлении в тексте двухкомпонентная антропонимная номинация может быть сокращена до именованья по фамилии, в то время как номинация по имени в целом не характерна для языка текстов российских СМИ. Как правило, номинация по имени (*Владислав, Ильназ, Тимур*) используется при цитировании свидетелей, которые каким-либо образом характеризуют стрелка.

II. Номинации, указывающие на социальный статус человека, зачастую оказываются в языке СМИ даже более важными, чем имя [Чепкина 2000: 138], поскольку именно с их помощью происходит идентификация человека в системе социальных координат. В целом система номинаций, связанных с социальным статусом человека, в прессе достаточно разнообразна – это может быть указание на профессию, род деятельности, возраст, национальность, гендерную принадлежность и т.д. [Гараева 2019]. Однако в случае с номинацией стрелков перечень социальных характеристик (идентификаторов личности) оказывается достаточно ограниченными. Среди них можно выделить:

1) **типовые идентификаторы**, связанные с гендером, возрастом, родом занятий, характерным для людей данного гендера/возраста: *парень, подросток, молодой человек, студент-четверокурсник, 18-летний студент* (Владислав Росляков); *парень, юноша, бывший ученик гимназии, выпускник,*

студент, студент колледжа (Ильназ Галявиев); молодой человек, студент, тихий студент, 18-летний студент, студент юрфака, пермский студент (Тимур Бекмансуров).

2) **ситуационные идентификаторы**, связанные со спецификой события, можно разделить на две разновидности на основании их функционально-стилевой маркированности:

А) **иностилевые идентификаторы**, характерные для официально-делового функционального стиля и используемые в сфере уголовного права: *подозреваемый, экстремист (Владислав Росляков); вооруженный преступник, налетчик, злоумышленник, обвиняемый, террорист (Ильназ Галявиев); подозреваемый, подозреваемый в нападении на Пермский университет, преступник в военной форме, злоумышленник, преступник в маске (Тимур Бекмансуров) и т.д.*

Б) **межстилевые идентификаторы**, характерные в том числе для лексики газеты: *стрелок, керченский стрелок, убийца, нападавший, устроивший взрыв в колледже в Керчи (Владислав Росляков) стрелок, казанский стрелок, убийца, психодиночка, стрелявший, напавший на школу, напавший на казанскую школу (Ильназ Галявиев); стрелок, стрелок-одиночка, пермский стрелок, стрелок из Пермского университета, убийца, пермский убийца, нападавший, пермский нападавший, напавший на Пермский госуниверситет, стрелявший, устроивший стрельбу в Перми (Тимур Бекмансуров) и т.д.*

Кроме вышеперечисленных примеров, встречаются **номинации, сочетающие типовые и ситуативные идентифика-**

торы: *18-летний нападавший, устроивший стрельбу студент колледжа, напавший на колледж 18-летний студент* (Владислав Росляков); *19-летний стрелок* (Ильназ Галявиев); *вооружённый молодой человек, вооруженный студент, 18-летний преступник* (Тимур Бекмансуров) и т.д.

III. Модель номинации, сочетающая антропоним и социальные характеристики, встречается реже: *керченский стрелок Владислав Росляков, студент четвертого курса 18-летний Владислав Росляков, 18-летний Тимур Бекмансуров, открывший огонь 18-летний Тимур Бекмансуров, пермский стрелок Тимур Бекмансуров* и т.д. Вероятно, малопродуктивность модели вызвана ее информационной избыточностью: в рамках новостного сообщения для идентификации объекта номинации достаточно либо имени и фамилии, либо указания на его социальный статус / характер противоправного действия.

Со временем в языке наблюдается узуализация вариантов, устанавливающих крепкую денотативную соотнесенность с событием. Чтобы эта связь была прозрачной для аудитории, данная номинация должна отражать базовые характеристики события. По нашим наблюдениям, этим требованиям отвечает модель "место преступления + номинация актанта по действию", в результате чего наблюдаются узуализированные варианты номинаций *керченский стрелок, казанский стрелок, пермский стрелок*. Подобного рода номинации позволяют аудитории легко устанавливать связь с событием и в целом вписываются в уже сформированные модели именования (ср.:

страсбургский стрелок (Шериф Шекатт), *новозеландский стрелок* (Брентон Таррант), *норвежский стрелок* (Андрес Брейвик) и т.д.). При широком рассмотрении подобного рода номинативные структуры входят в более крупные классы серийных перифрастических рядов, формируя единую универсальную систему именования в языке СМИ [подробнее об этом: Лыскова 2012; Гараева 2020].

Одним их критериев новостного сообщения в журналистике является критерий эмоциональности [Добросклонская 2008: 73], который тесно связан с категорией оценочности. Ситуация стрельбы в учебном заведении, как и сам стрелок, совершивший преступление, оцениваются аудиторией однозначно негативно, имя стрелка вызывает отрицательный эмоциональный отклик аудитории и приобретает пейоративную оценочность (см. высказывание В.И.Супруна о том, что "имена собственные способны коннотировать" [Супрун 2019: 200]). Проявление в тексте эмоциональности может быть рассмотрено как инструмент воздействия на аудиторию, так как эмоциональность "предполагает воздействие на человека, представляет собой чувственную реакцию человека на текст" [Болотов 1981: 15].

Согласно трудам В.И.Болотова, эмоциональность текста возникает при отклонении от нормы, т.е. "всякое нарушение норм в тексте (языковых и содержательных) может стать источником эмоционального воздействия текста" [Там же: 19]. Норме противопоставлена ненорма, эмоциональность текста проявляется в появлении эмоционально-маркированного члена

оппозиции. Рассмотрим систему номинаций стрелков с позиций концепции В.И.Болотова.

В ходе исследования нами были выявлены оппозиции текста, представляющие собой “ложные отношения”, т.е. сочетания элементов “норма – ненорма”. Анализ показал, что эмоциональность может проявляться: а) на уровне номинаций; б) на уровне предложения.

А. Эмоциональность на уровне номинаций в основном проявляется при актуализации оппозиции “деятельность, аномальная возрасту”. Такие характеристики, как *студент вуза / колледжа, молодой человек, юноша, подросток, выпускник школы, 18-летний* в норме не предполагают сочетание с такими элементами, как *вооруженный, нападавший, устроивший стрельбу, стрелявший, стрелок, преступник*, поскольку в обществе принято, что отрочеству и юности соответствует учебная, а не преступная деятельность [Там же: 31]. Таким образом, номинации, включающиеся в себя типовые и ситуационные идентификаторы, становятся эмоционально маркированными, т.е. могут вызывать определенный спектр чувств и воздействовать на читательскую аудиторию.

Б. Эмоциональность на уровне предложения также создается, во-первых, посредством возникновения в контексте оппозиции “деятельность, аномальная возрасту”. Это становится возможно при актуализации в рамках предложения типовых идентификаторов (*студент колледжа, бывший ученик, студент юрфака* и т.д.) вместе с описанием противоправного дей-

ствия, которое не соответствует его социальному статусу: **Учащийся 4-го курса местного колледжа 18-летний Владислав Росляков взорвал <...>** [Ведомости 17.10.2018]; **Нападение на школу устроил бывший ученик, который на допросе заявил, что осознал себя “богом”** [BBC 12.05.2021]; **Тихий студент устроил нападение на вуз в Перми** [Lenta.ru 22.09.2021] и т.д.

Во-вторых, эмоциональность проявляется в оппозиции “несоответствие между характером субъекта и его действиями” [Болотов 1981: 38]. Как правило, это случаи, когда в рамках контекста дается характеристика объекту номинации со стороны свидетелей: **Владислава Рослякова бабушки запомнили как очень вежливого, хорошего парня. <...> Идет в костюмчике, чистенький, беленький мальчик** [BBC 25.10.2018]; **Знакомая Ильназа Вероника рассказала РБК, что в школе он был тихим и спокойным, хорошо учился по всем предметам, помогал ей с уроками, давал списывать математику** [РБК 11.05.2021]; **Тимур Бекмансуров, устроивший накануне стрельбу в университете в Перми, был домашним, но коммуникабельным ребенком <...> Он спокойный, заботливый, очень любит животных, особенно кошек** [РБК 21.09.2021] и т.д.

Таким образом, номинации стрелков в средствах массовой информации носят типовой характер и могут быть представлены в виде некоторой системы. Выстраивание подобной системы свидетельствует о проявлении клишированности в языке

СМИ, которая направлена на структурирование медиакартины мира и формирование “галереи” социальных типов, характерных для прессы. Эмоциональность текста, проявляющаяся как на уровне самих номинаций, так и на уровне предложения, может быть рассмотрена как источник формирования оценки и инструмент воздействия на читательскую аудиторию.

Литература

Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста) / В.И.Болотов. – Ташкент: Фан, 1981. – 116 с.

Гараева В.Ю. Номинация медийной личности в средствах массовой информации / В.Ю.Гараева / Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: межвузовский сборник. Вып. X / отв. ред. А.В.Курочкина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – С.426-431.

Гараева В.Ю. Каталогизация социальных типов в СМИ (на материале серийных перифраз) / В.Ю.Гараева // Учен. зап. Казан. унта. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С.194–209.

Давыдов Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г.Давыдов, К.Д.Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – №4 (32). – С.62-76.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ [электронный ресурс] / Т.Г.Добросклонская. – М., 2008. – 203 с. // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1131> (дата обращения: 12.10.2019).

Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах / В.О.Карпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т.9. – №4. – С.442-446.

Лыскова Т.В. Субстантивные перифразы в современном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В.Лыскова. – Киров, 2012. – 27 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И.Супрун. – Волгоград, 2000. – 79 с.

Супрун В.И. Имя собственное как эмотивный феномен / В.И.Супрун // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – С.199-204.

Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000) / Э.В.Чепкина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 279 с.

К вопросу об изучении концепта “жизнь” в русских песнях

семантика, концепт “жизнь”, тексты песен

Известный российский лингвист Эмилия Агафоновна Балалыкина писала: “... судьбы отдельных слов намного сложнее, шире, удивительнее, разнообразнее человеческих судеб, поскольку именно слова сохранили в себе следы древнейших человеческих отношений, обычаев, верований, культуры. Все это заставляет очень внимательно относиться к каждому слову, исследовать его историю на основании сформировавшихся научных методов, реконструировать его исходное состояние, привлекая самый разнообразный, как собственно языковой, так и неязыковой (исторический, культурологический и т.д.) материал” [Балалыкина 2016: 5].

К одному из древних корней относится корень *жи(ть)*. Слова с этим корнем имеют многовековую историю. Глубокие исторические корни, широкая употребительность слов с данным корнем и исключительное богатство словообразовательных средств русского языка обусловили появление большого количества производных, обозначающих разные предметы, действия, процессы, связанные с жизнью (прежде всего то, что является источником жизни для человека: *жир, жила, жито,*

пажить). Благодаря семантической насыщенности слова с корнем *жу(ть)* проникли в разные области человеческой деятельности и пополнили фонд как общеупотребительной лексики, так и лексики диалектной, специальной (профессиональной, терминологической).

Смысловые грани многочисленных дериватов с корнем *жу(ть)* формируют также содержание концепта "жизнь", который относится к одному из базовых концептов любой лингвокультуры. Большое количество научных работ посвящено исследованию этого значимого концепта в русской языковой картине мира, в русской художественной литературе. Концепт "жизнь" также находит широкое отражение в песне. Существует большое количество песен о жизни.

Как известно, песенное искусство чрезвычайно популярно, поскольку особенностями песни являются ее массовость и социальная значимость. "Песенные тексты каждой эпохи содержат страноведческую, историко-культурную, повседневно-бытовую, духовно-ценностную, политическую информацию. В песне находят отражение лексико-семантические, морфологические, словообразовательные и синтаксические особенности развития языка" [Кострюкова 2007: 2].

В настоящее время проявляется особый интерес к современной песне. Работы последних лет посвящены описанию концептов в текстах современных песен. На материале песенных текстов были исследованы концепты "любовь", "судьба", "разлука", "счастье", "время" [Кострюкова 2007], концептуальная

сфера “Живая природа” [Семенова 2021]. Хотя концепт “жизнь” представлен в песнях широко и богато, исследования, посвященные языковой репрезентации данного концепта в русской песне, отсутствуют.

Цель нашего исследования – описать значимый и знаковый концепт “жизнь” на материале текстов русских песен, определить, какие стороны его содержательного наполнения являлись для русских людей наиболее значимыми раньше, а какие являются важными сейчас, у наших современников. Интересно будет проследить на материале разновременных песен, как менялось представление людей о жизни с древности до XXI века, какие понятийные и символические составляющие формировали ядро структуры данного концепта в разные периоды песенного пути.

Первый этап работ представляет собой ознакомление с текстами древних песен. Материалом для исследования служит известный сборник “Великорусские народные песни” в семи томах, изданный А.И.Соболевским [Соболевский 1895 – 1902]. Обращение к текстам песен данного сборника объясняется тем, что он представляет собой наиболее полный научный свод народных песен, научный источник классического песенного фольклора. В настоящее время были проанализированы тексты песен первых двух томов. Начальный этап исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) охарактеризовать лексические единицы, репрезентирующие концепт “жизнь” в древнерусских песнях;

2) проанализировать концепт “жизнь”, включающий в себя понятийные, образные и ценностные признаки, установить принципы и способы репрезентации концептосферы “жизнь” в древнерусских песнях;

3) выявить и исследовать языковые единицы, репрезентирующие концептосферу “жизнь”, на понятийном, образном и ценностном уровнях в древнерусских песнях.

В дальнейшем планируется исследовать концепт “жизнь” в текстах песен, созданных в разное время, поскольку представление о жизни и жизненных ценностях изменялось из поколения в поколение, что нашло, несомненно, отражение в песнях. Эти изменения были связаны с историческими событиями, произошедшими в разные периоды русской истории (война, восстание, реформа и т. д.). Необходимо сравнить смысловые составляющие концепта “жизнь” в переломные периоды нашей истории. Кроме этого, интересно будет рассмотреть концепт “жизнь” в текстах разных песенных жанров. Сравнение содержательного наполнения данного концепта в современных эстрадных песнях, в авторских песнях, в рок-песнях, в романсах, в детских песнях также представляет большой интерес.

В работе используются разнообразные источники песенных текстов:

а) звучащая речь: радио и музыкальные передачи радиостанций, телевизионные музыкальные передачи;

б) печатные сборники текстов песен;

в) интернет-сайты, публикующие тексты песен и др.

Литература

Балалыкина Э.А. Метаморфозы русского слова: учебное пособие / Э.А.Балалыкина. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 260 с.

Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.С.Кострюкова. – М., 2007. – 24 с.

Семенова И.В. Концептуальная сфера “Живая природа” и ее репрезентация в песенном дискурсе русского народа” / И.В.Семенова, Ляньмэй Ли // Эпоха науки. – 2021. – №25. – С.272 – 278.

Соболевский А.И. Великорусские народные песни” / А.И.Соболевский. – Т.1-7. – СПб.: 1895 – 1902.

Ербулатова Ильмира Канатовна

Салимов Талгат Калилулович

Ербулатов Канат Хайруллович

Западно-Казахстанский аграрно-технический университет

имени Жангир хана

УДК 81

Метафора в языке СМИ на примере статей казахстанских новостных интернет-порталов

*метафора, публицистика, текстообразующая функция,
олицетворение*

В целях проведения практического исследования нами были выбраны и рассмотрены примеры метафор в языке современных средств массовой информации, выражающие по своей смысловой нагрузке оценочную характеристику объектов и явлений, выражающих экспрессию и создающих образность речи. Для анализа метафорических единиц в языке средств массовой информации были отобраны казахстанские онлайн-публикации на русском языке, отображающие разные точки зрения публицистов.

При разборе статей были выявлены и проанализированы метафорические модели, рассмотренные, в первую очередь, в лингводидактическом аспекте. Практический материал о метафорах дает возможность познакомить обучаемых с одним из самых популярных видов изобразительно-выразительных

средств языка, учит умению видеть метафору в тексте и содержащийся в ней скрытый смысл, что необходимо для освоения образных богатств языка. На текстовых фрагментах публицистических статей обучающимся предполагается вычленить метафору не только как средство лексической выразительности языка, но и как способ построения образа, а также определить текстообразующую функцию метафоры, ее роль в построении денотативного и концептуального пространства предлагаемого текста.

Приведенные примеры хотя и немногочисленны, но достаточно ясно показывают возможности метафоры при изучении разделов лексикологии и стилистики русского языка. В настоящем разделе исследования анализу метафоричности в языке современных средств массовой информации подверглись публицистические статьи ведущих казахстанских новостных интернет-порталов. Рассмотрим некоторые примеры из них.

Статья интернет-канала новостей TENGRINEWS *“Финские дома, советские улицы и американская рулетка: как живет Капшагай”* показалась нам ярким примером метафоричности публицистического дискурса, и поэтому именно на ней мы решили остановиться. Далее фрагмент рассматриваемой публикации: *“...Столь любимый туристами летом, курортный городок Капшагай в этом году неожиданно стал местом mustvisit и зимой... Мы тоже не удержались от соблазна и съездили в одно из самых популярных мест этой зимы, но больше ледяных глыб нас заинтересовал сам город и его жи-*

тели, у которых мы решили поспрашивать, есть ли жизнь в курортном городке в так называемый мертвый сезон. Спойлер: большинство из них на всякий случай предпочли ответить на наш вопрос анонимно, аргументируя это одной фразой: “А вдруг сверху прилетит?” [https://tengrinews.kz/ fotoarchive/finskie-doma-sovetskie-ulitsyiamerikanskaya-ruletka-jivet-1334/].

В приведенном фрагменте статьи *“Финские дома, советские улицы и американская рулетка: как живет Капшагай”* корреспондента Анастасии Солнцевой применяется политическая метафора *“А вдруг сверху прилетит?”*. Данная метафора употребляется для выражения страха, тревоги и боязни простого народа перед обладающими институциональными привилегиями в обществе. Использование приема метафоризации в данном контексте не только вызывает интерес читателя и инициирует его размышления по данному поводу, но и повышает эффективность обратной связи между СМИ и аудиторией.

В этом же тексте статьи можно встретить и ряд других метафор, выполняющих когнитивную и прагматическую функции и обладающих оценочным качеством в тексте прессы: *“Наиболее примечательным в Капшагай нам показался микрорайон под говорящим названием Поселок... В этом месте может показаться, что время как будто остановилось: убитые дороги, обшарпанные двери, на которых до сих пор висит агитплакат с призывом прийти на выборы... Как нам рассказали старожилы, колоритные двухэтажки здесь появились во времена*

основания города, в 70-х годах. *“Эти дома еще нас переживут”, – смеются мужчины...* [https://tengrinews.kz/fotoarchive/finskie-doma-sovetskie-ulitsyiamerikanskaya-ruletka-jivet-1334/].

Так, в основе вышеприведенных метафорических моделей *“говорящее название”, “убитые дороги”, “время как будто остановилось”, “дома нас переживут”* лежат олицетворение и сравнение. По мнению известного лингвиста Д.Н.Ушакова, *“олицетворяющие метафоры – самые древние в языке. К ним также можно отнести следующие единицы: “снег лежит”, “мороз сковал реки”, “ручей бежит”, “год пролетел”, “тоска грызет”, “заела скука”, “чувства угасают”*. Собственно, это и есть олицетворение, которое обычно выделяют в отдельный вид изобразительно-выразительных средств.

По семантическому принципу метафоры *“говорящее название”* (название говорит), *“убитые дороги”* (дороги убиты), *“время как будто остановилось”* (время остановилось), *“дома нас переживут”* (дома живут) являются антропоморфными, т.е. образованными путем сравнения неодушевленных предметов и явлений объективной действительности с человеком.

Стоит также подчеркнуть, что в зависимости от контекста встречаются фразеологизмы и фразеологические сочетания, переходящие в метафору, и наоборот. Такие сращения именуют фразеологизированными метафорами. Приведем пример из статьи: *“Предприятия есть, но для города это капля в море...”* [ссылка та же]. Фразеологизированная метафора *“капля в море”* подразумевает в данном контексте незначительное, недо-

статочное количество предприятий для такого окружения, как город, в связи с чем жители города были лишены рабочих мест, и, соответственно, материальных средств, необходимых для поддержания жизни. В данном фрагменте публицистической статьи метафора “капля в море” выполняет одновременно коммуникативную и изобразительную функции.

Следует отметить, что метафора в современных текстах средств массовой информации также может выполнять и компрессивную функцию, облекая авторскую мысль в лаконичную форму. По словам лингвиста Н.Д.Арутюновой, “метафора – это приговор суда без судебного разбирательства” [Арутюнова 1998: 335]. Приведем пример, где авторы статей, подводя итог своим наблюдениям, когда комментируют событие или явление, выносят свое заключение, которое звучит как приговор в прямом смысле: *“Надо быть пеньком, чтобы принять такой Лесной кодекс”* [<http://kenozerjelive.ru/yablokov.htm>, дата обращения 12.10.2006]. Данная метафорическая модель дает представления ожидаемых последствий этого кодекса. Изобразительная роль данного приема в газетном тексте сопутствует оценочной метафорической характеристике.

Метафора, в отличие от других стилистических приемов, помогает автору соблюдать главный принцип литературного и публицистического творчества: писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Безусловно, метафора подчеркивает, заостряет мысль и, что еще важно, — способствует афористичности. Как справедливо считает Г.Я.Солганик, именно

метафора позволяет выразить мысль в действенной афористической форме [Солганик 2002: 40].

Яркие примеры метафор можно встретить в заголовке одной из статей информационного финансового портала BNews.kz *“Битва за парковки в столице: убыточный бизнес или лакомый кусок?”* [https://baigenews.kz/news/bitva_za_parkovki_v_stolitse_ubytochnyy_biznes_ili_lakomyy_kusok/, дата обращения 25.01.2021]. Под метафорической моделью *“битва за парковки”* автор подразумевает судебное разбирательство, противостояние городского управления Астаны с ТОО *“Парковочное пространство Астаны”* (“ППА”), а *“лакомый кусок”* – платные парковки, являющиеся прибыльной нишей для бизнеса, приносящей ежедневный доход.

В казахстанских газетах для описания противостояния между обществом и государством журналисты используют ряд языковых метафор, которые заключают в себе когнитивные метафоры военной тематики. Военные метафоры помещают в контекст, в основе которого лежит культурно-историческая информация или фоновые знания носителей языка, и/или используются в сочетании с менее распространенными и/или культурно-обусловленными метафорами, такими как борьба, атака, битва, состязание, армия, мобилизация, баталии и т.д. Продемонстрируем функционирование указанных когнитивных метафор на примере некоторых статей из печатных изданий казахстанской прессы. *“Время мобилизации сил: наука для страны и против катастроф”* [Общественно-политическая га-

зета "ЛИТЕР" №56 /3723/ от 18 апреля 2020 г.; <https://neark.kz/vremja-mobilizacii-sil-nauka-dlja-strany-i-protiv-katastrof/>].

Согласно определениям словарей современного русского языка, термин *мобилизация* имеет следующие значения: перевод вооружённых сил из мирного состояния в полную боевую готовность; призыв военнообязанных запаса в армию во время войны. Однако читатель статьи понимает, что в данном тексте речь идет о мобилизации в переносном значении, и определяет ее как единство и сплочение человеческих сил казахского народа в плане науки, реально необходимые для развития государства, его экономики и социума, современного математического цифрового моделирования ключевых процессов в этой сфере, а также обеспечения большей ее устойчивости в условиях кризисов и широкого спектра возможных катастроф.

Использование метафор, связанных с военной тематикой, распространено, но статуса общеупотребительной метафоры достигают немногие. В основном, они создаются и используются в социальных группах, связанных с военной деятельностью. Большинство из них появилось в XX в., а если учитывать особенности того времени, то можно говорить, что военные метафоры отразили некоторые факты из истории страны, отношение людей к этому явлению. Следовательно, обилие военных метафор в газете можно рассматривать как лексическую замкнутость военной лексики по отношению к общелитературному языку и как следствие тиражирования метафор журналистами.

Источником метафоризации могут также послужить фразы или названия художественных произведений. Так, например, в составе подзаголовка статьи *“Спите! Как и.о. министра торговли и интеграции... к депутатам приходил”* [<https://tengrinews.kz/tv/rubriki/intervyu/8912/>, дата посещения 10.02.2021] используются прецедентные языковые элементы названия сказки-сатиры М.Е.Салтыкова-Щедрина *“Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил”*. Автор публикации избирает необычное, с элементами иронии, название, желая показать, как ведут себя герои в нетипичных для них условиях.

Аналогичный пример метафоры можно встретить в заголовке статьи Романа Маркелова *“В госдолге всё спокойно”*. Данное словоупотребление вступает в парадигматические отношения с крылатой фразой из кинофильма *“Волшебная лампа Аладдина”* (1966) *“в Багдаде всё спокойно!”* [<https://siluanov-rasskazal-o-rashodah-pri-rasshirenii-sankcij-na-gosdolg.html>, дата посещения 17.03.2021].

В текстах современных средств массовой информации для выражения оценки используются и такие метафоры, которые не связаны с определенным источником метафоризации, лежащим в основе метафорической модели. Особенность подобного рода метафор в том, что они, в отличие от концептуальных метафор, не носят типизированного характера и могут встретиться не только в публицистике. И, поскольку оценочность таких метафор не имеет социальной направленности, следует говорить об отдельной группе метафор, которые мож-

но выделить в группу эмоционально-оценочных. Эмоционально-оценочные метафоры сохраняют образность, в них элемент изобразительности, наряду с оценочным, также выдвигается на первый план.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что использование метафор, в частности в текстах публицистического стиля, привлекает внимание адресата и создает неформальную атмосферу между автором статьи и ее читателями. Как показывают результаты проведенного анализа, при метафоризации книжной речи автор редко ограничивается только одной метафорой. Подобный лингвистический прием обусловлен желанием автора статьи сформировать наиболее запоминающийся образ повествуемого в тексте события или явления.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора / Н.Д.Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 296 с.

Солганик Г.Я. О специфике газетно-публицистической метафоры / Г.Я.Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – №2.

Электронный ресурс: <https://www.inform.kz/>

Электронный ресурс: <https://tengrinews.kz/>

Электронный ресурс: <https://vesti.kz/>

Электронный ресурс: <https://bnews.kz/>

Ерофеева Ирина Валерьевна
Казанский федеральный университет
УДК 811.161.1

**Жизнь, посвященная языку:
Эмилия Агафоновна Балалыкина**

*лингвистика, этимология, Э.А.Балалыкина, литовский язык,
балто-славянские языковые отношения*

Есть люди, жизнь которых посвящена одной высокой идее, служению делу. Такой была Эмилия Агафоновна Балалыкина. Ученый с большой буквы, специалист в области русского и славянского языкознания, она всю сознательную жизнь посвятила исследованию и преподаванию русского языка. Обладая незаурядным умом и нестандартным мышлением, она обнаружила и проанализировала немало интереснейших закономерностей в области классической лингвистики, в которой, казалось бы, все уже достаточно изучено. Она всегда находила интересные повороты, создавала собственные классификации, имела неординарный взгляд на многие явления, относящиеся к разным языковым процессам. Ее ценили многие специалисты не только в России, но и за рубежом, к ее мнению прислушивались, считали ее очень авторитетным специалистом.

Ее судьба была predetermined удивительным образом – знанием литовского языка. В детстве она попала в Литву с родителями и изучила этот язык в совершенстве. А каждый линг-

вист знает: литовский – самый близкий к индоевропейскому праязыку. И когда ее учитель Виталий Михайлович Марков – ученый незаурядного масштаба – узнал об этом, он уже не отпустил ее заниматься литературой, хотя именно из любви к литературе Эмилия Агафоновна и поступила учиться на историко-филологический факультет.

В.М.Марков дал ей интереснейшую тему – сравнительное словообразование славянских языков. Тема была сложная, предполагающая знание славянских и балтийских языков. Кандидатская диссертация Э.А.Балалыкиной была посвящена индоевропейскому суффиксу **-in* – и направление, предложенное ее научным руководителем, специалистом высочайшего класса, которого она боготворила как ученого всю свою жизнь, так и осталось с ней на всю ее научную и творческую жизнь, чем бы она ни занималась.

В своих трудах она опиралась прежде всего на разработки наиболее авторитетного языковеда, И.А.Бодуэна де Куртенэ, чья деятельность была связана с Казанским университетом. И.А.Бодуэн де Куртенэ как основатель целой лингвистической школы обладал незаурядным умом и даром понимания сути языковых процессов, поэтому он сделал множество открытий, предопределив развитие науки о языке на столетия вперед. Э.А.Балалыкина учитывала результаты его исследований в области сравнительного языкознания, принципы типологического изучения языков, что позволило ей применить бодуэновский алгоритм исследования разных языков к собственному матери-

алу. Именно И.А.Бодуэном де Куртенэ были разработаны научные подходы к сопоставлению языков, включающие целый ряд факторов, относящихся к разным сторонам языковой и внеязыковой действительности. И.А.Бодуэн де Куртенэ и его ученики говорили о том, что комплексный анализ языковых явлений, учет фонетических, морфологических, синтаксических особенностей разных языков позволяет определять степень родства изучаемых языков и определять степень их близости в типологическом отношении.

Будучи еще совсем молодым, начинающим ученым, Эмилия Агафоновна усвоила бодуэновский подход и никогда в дальнейшем ему не изменяла. Вслед за изучением именных образований с суффиксом **-in* она стала исследовать другие общеиндоевропейские форманты в сфере адъективного словообразования: **-ikos*, **-lo*, *-*to*, **-mo*, **-sko*, последовательно двигаясь к следующей ступени в своей исследовательской деятельности – к написанию и защите докторской диссертации.

Ее докторская диссертация, которую она защитила в 1985 году в Ленинграде, “Словообразовательная структура прилагательных с индоевропейскими формантами **-no*, **-to*, **-lo*, **-mo*, **-sko* в истории русского языка (в сопоставлении с родственными языками)”, была оригинальным исследованием, высоко оцененным научным миром. Ее оппоненты, коллеги, научные соратники стали впоследствии и ее личными друзьями. Среди них самые известные российские ученые – Владимир Викторович Колесов, Александр Владимирович Бондарко, Евгений Ми-

хайлович Верещагин, Юрий Владимирович Откупщиков, Людмила Алексеевна Вербицкая, Виталий Григорьевич Костома-ров, София Петровна Лопушанская и многие другие.

Сопоставительное изучение адъективных образований в славянских и балтийских языках позволило ученому сделать ряд интересных выводов о сходствах и различиях между ними, и материал литовского языка в этом отношении оказался чрезвычайно полезным, поскольку дал возможность показать те особенности, которые восходили корнями к глубокой древности и которые были утрачены в славянских языках. Идя индуктивным путем, Э.А.Балалыкина изучала и систематизировала данные отдельных языков и в оригинальном ключе решала вопрос о путях развития словообразовательных категорий в целом, например, о судьбе суффикса **-in* в славянских и балтийских языках: в литовском языке большее распространение получил мягкий вариант данного суффикса **-inis*, в то время как в русском более продуктивен твердый вариант *-*inъ*.

Помимо интереса к балто-славянским языковым отношениям, который Э.А.Балалыкина проявляла всю свою сознательную жизнь, она также большое внимание уделяла изучению лексической семантики, морфологии, стилистики, методики преподавания русского языка как иностранного, а также таким более частным для лингвистики областям, как этимология, грамматическая лексикология, всегда интересовалась нестандартными явлениями в лексике и словообразовании – энантиосемией, паронимией, в том числе межъязыковой, нерегу-

лярными морфемами, противоречиями между производящей и производной основами в процессе словопорождения и др.

В изучение всех отмеченных проблем ею был внесен ощутимый вклад. Так, результаты исследования этимологических явлений на протяжении всей жизни вылились в издание учебного пособия "Метаморфозы русского слова", неоднократно переиздававшегося с авторскими дополнениями и в результате вышедшего в Москве в издательстве "Флинта: Наука". Данное пособие отличается оригинальностью в характеристике особенностей происхождения слов. Ни у одного ученого нет такого четко разделения в учебниках по этимологии на разделы, каждый из которых отражает отдельную сторону этимологических разысканий. Главы учебника посвящены звуковым изменениям и звуковым соответствиям, структурным изменениям и словообразовательным соответствиям, словообразовательным отношениям и этимологическим гнездам, семантическим процессам и энантиосемии, деэтимологизации и реэтимологизации в языке; этимологизации заимствованных слов.

Последовательно применяя к поиску внутренней формы слова комплексный подход, начиная с фонетического уровня и заканчивая синтаксическим и при этом учитывая историю слов, Эмилия Агафоновна сделала интереснейшие обобщения, показала действие принципа аналогии, когда недостающее звено в языковой пропорции можно восстановить и тем самым более глубоко понять не только суть слова, но и суть явления, им обозначенного.

Например, в ряду глаголов с конфи́ксом *о...еть* с общим значением “становиться твердым, неподвижным, подобно тому, что указано производящим словом”, большинство из которых имеет легко восстанавливаемую внутреннюю форму: *(о)костенеть* – (“стать неподвижным”) “стать подобным *кости*”, *(о)столбенеть* – (“замереть от потрясения”) “стать подобным *столбу*”, *(о)коченеть* – (“замерзнуть”) “стать подобным *кочану*”, *(о)колеть* – (“умереть”) “стать неподвижным подобно *колу*” – находится глагол *оцепенеть*, лишенный мотивировки в современном русском языке. Принцип аналогии позволяет ее восстановить: *(о)цепенеть* – (“замереть”) “стать неподвижным подобно *цепу*”, где *цеп* – “орудие для молотьбы” [Балалыкина 2012а: 30-31].

Эмилия Агафоновна всегда говорила: “Лингвистика родственна математике: при ее изучении нужна логика”. И сама она ею обладала в полной мере. Большой интерес проявляла Эмилия Агафоновна к такому необычному языковому явлению, как энантиосемия, отстаивая данный термин применительно к названию этого необычного языкового процесса, имеющего целый ряд других обозначений в лингвистике: омоантонимия, внутрисловная антонимия и другие. Знание славянских языков, особенно польского, которым она владела в совершенстве, позволило ей рассмотреть данное явление на межславянском фоне, показав, что один и тот же корень, древнейший, синкретичный изначально, подвергается изменениям в разных направлениях вплоть до противоположных. Например, корень

von с общим древним значением "запах" развил два противоположных значения – "благоухание, аромат" и "дурной запах": в польском *woń* "зловоние" и *woń* "благоухание". Связанные с общим корнем "род" слова с приставкой *у-*, усиливающей их значение, разошлись по значению до крайней степени: *урод* в русском "некрасивый человек, с физическими недостатками" (*у-род* от "плод, рожденный"), в польском – *uroda* "красота".

Наиболее ярко данное явление представлено на словообразовательном уровне, в приставочном глагольном словообразовании. Именно омонимичные приставки, способные к выражению первоначально пространственных отношений, развили противоположные словообразовательные значения: *вырубить* "уничтожить рубкой" (вырубить лес) и *вырубить* "изготовить рубкой" (вырубить фигуру из дерева); *вывести* "истребить, уничтожить" (вывести тараканов) и *вывести* "расплодить, произвести" (вывести новый сор яблок); *вырезать* – "удалить что-либо" (вырезать аппендицит) и *вырезать* – "создать что-либо чем-либо режущим" (вырезать на камне узор) и т.д.

Отдельное внимание в своих исторических изысканиях Э.А.Балалыкина уделяла исторической семантике, и в частности действиям семантических законов. Расширение и сужение значения слова – объективные процессы, происходящие в языке постоянно, а потому требующие специального изучения и комментария, в том числе для лучшего понимания языка отдаленных от нас эпох. Значительное количество примеров как производной, так непроизводной лексики находилось в поле

зрения ученого и получало интерпретацию в ее многочисленных статьях. В том числе она анализировала заимствованную лексику, поскольку и она подпадала под действие общеязыковых законов. Например, слово *гараж* заимствовано из французского и обозначает “помещение для машин”, во французском языке “вхождение в бассейн”, “переход на запасной путь” и др. Латинское слово *professor* называло преподавателя вообще вплоть до XVIII века, далее оно стало обозначать должность преподавателя в вузе. Изменения значений могут сопровождаться и изменениями коннотаций, вплоть до развития противоположной семантики по отношению к исходной, например, польское *frant* “жулик, шельма” в русском изменило семантику и стало называть человека, любящего красиво одеваться [Балалыкина 2012а: 197].

Эмилия Агафоновна – автор учебника по морфологии современного русского языка в трех частях, ставшего главным учебным пособием, по которому студенты Казанского университета изучают данный предмет в течение уже многих лет, начиная с 2003 года. В нем она смогла представить материал по грамматике в увлекательной и интересной форме, приведя множество иллюстраций из произведений русской литературы, позволяющих студентам убедиться в реализации потенциальных возможностей языковой системы, в преемственности исторических процессов в языке. В том числе она уделяла особое внимание дискуссионным вопросам классификации частей ре-

чи, высказывая свою точку зрения на это сложное и неоднозначное явление.

Рассматривая целый ряд спорных теорий, касающихся классификации частей речи, и разбирая их основания, она подтверждает свое мнение убедительными иллюстрациями. Приведем лишь один пример: как она мастерски показала отличия счётных существительных от числительных. Во-первых, она применила семантический критерий – у счётных существительных значение количественное сливается с предметным: *тройка, пятка, пятерка* и др. Нельзя при перечислении использовать такое слово: *98, 99, сотня* (только *сто*). Невозможно по-русски сказать *купил за сотню двадцать рублей*. Кроме того, для подтверждения своей точки зрения автор приводит целый ряд доказательств:

1. Счетные существительные имеют предметное значение: *бежит тройка, надеть новую тройку, ехать на тройке*.

2. Счетные существительные нельзя обозначить цифрами: *дюжина, десяток, сотня – 12 стульев, 10 карандашей, 100 картин*.

3. У счетных существительных сочетаемость ограничена: *дюжина стаканов* (но не *магазинов*), *тройка лошадей* (но не *столов*), у числительных сочетаемость не ограничена: *тысяча книг, фильмов, показов*.

4. Счетные существительные имеют при себе определение числительные – нет: *четная сотня, лихая тройка, модная тройка, забитая семерка* и др. [Балалыкина 2003: 118].

Предметом отдельного рассмотрения у Э.А.Балалыкиной были вопросы грамматической лексикологии. Она всегда с интересом находила единичные, выпадающие из общих грамматических закономерностей случаи употребления форм и объясняла их лексическими особенностями. В этом она видела тесную связь разных уровней языковой системы – лексикологии и грамматики. В центре внимания исследований по грамматической лексикологии находятся вопросы о неполных грамматических парадигмах, отклонениях от нормы. Дефектность парадигмы обусловлена семантическими причинами. Так, слова типа *рожь, стыд, боль, тоска* не могут иметь форму множественного числа. При семантических сдвигах в подобных именах они могут приобретать возможность изменения по числам: *любви, дружбы* и др. Причинами невозможности образования какой-то формы слова могут быть и структурные, орфоэпические особенности: слова *мечта, пригоршня, распря, кума, господа, карга, корчма* и под. не имеют форм род. п. мн. числа [Балалыкина 2012б: 100]. Такие особенности получили название “грамматические тупики”.

И, наконец, особый интерес вызывал у ученого язык художественной литературы. Э.А.Балалыкина изучила немало произведений известных писателей и поэтов с точки зрения их языковых особенностей. Ее внимание привлекал язык А.С.Пушкина, Г.Р.Державина, Е.А.Баратынского и других известных авторов. Она применяла к изучению их творчества комплексный филологический подход, так как выбрала профес-

сию своей жизни из любви к литературе и никогда эту любовь не утрачивала, а проявляла на новом уровне – через постижение глубинных смыслов слова, его грамматических, фонетических, словообразовательных особенностей, своеобразия этимологии.

Литература

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Ч.1. Имена. Наречия. Категория состояния / Э.А.Балалыкина. – Казань, 2003. – 172 с.

Балалыкина Э.А. Метаморфозы русского слова / Э.А.Балалыкина. – М.: Флинта: Наука, 2012а. – 260 с.

Балалыкина Э.А. Мир языка и языки мира: Избр. тр. по рус. яз. и балт.-славян. отношениям / Э.А.Балалыкина. – Казань: Яз, 2012б. – 319 с.

Жужгов Сергей Владиславович

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина

УДК 81'2

**Об идеографическом своеобразии
нонстандартной геммонимии**

*идеография, лексика камня, геммонимия, семантические группы,
нонстандартная лексика, социолингвистика*

В рамках проекта “Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования” сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ изучается тема ““Каменная” лексика и ономастика Урала”. Объектом изучения в данном случае являются *нонстандартная лексика* (минералонимия и сопутствующие явления), *топонимия* (названия месторождений, копей, карьеров и др.), а также *этнография* камня (легенды, поверья, связанные с добычей минералов). Под *нонстандартной лексикой* камня “мы понимаем названия минералов, минераловидов, горных пород (т.е. всего того, что наивное сознание категоризирует как “камень”), не относящиеся к официальной (научной) минералогической и геологической номенклатуре [Березович 2020]. В составе нонстандартной лексики камня выделяется *геммонимия* — совокупность названий драгоценных и полудрагоценных камней, в первую очередь, кристаллов (тер-

мин соответствует термину *земмология*, который обозначает науку о самоцветах).

В настоящем докладе анализируется идеографическая специфика этого практически не изученного пласта лексики. Эти вопросы мы рассмотрим на примере нестандартных геммонимов, бытующих на территории Среднего Урала, знаменитого самоцветами. Важно обозначить, что лексика, отобранная для анализа, относится к названиям только тех кристаллических минералов, которые являются таковыми в наивной картине мира, с точки зрения визуального восприятия. При этом анализируемая лексика разнообразна в социолингвистическом отношении, представляя собой как диалектную лексику, так и факты профессиональной коммуникации.

Для рассмотрения было отобрано 160 лексических единиц, на примере которых демонстрируется базовое идеографическое членение. Выборка производилась из почти четырех тысяч языковых фиксаций, составляющих картотеку ЛТЭК (“Лексика, топонимия, этнография камня”), созданную сотрудниками кафедры, основанную на материале полевых сборов, а также данных из письменных источников; при этом основное внимание уделяется именно полевым материалам.

При формулировании идеографических оснований для распределения материала отчетливо прослеживается междисциплинарный характер исследования – обоснование и формулировка семантических групп происходит с учетом минералогической классификации, но с существенными поправками, свя-

занными, как говорилось выше, с характером материала (лексика, отражающая "наивную", а не научную картину мира).

Идеографическая классификация представлена семью основными группами.

1. Цветовая характеристика кристаллов: *траурный камень* "камень черного цвета (как правило, морион)", *со шторками* "о непрозрачных кристаллах горного хрусталя", *голова араба* "полихромный кристалл турмалина с темной головкой", *вышак* "о кристалле густого, насыщенного цвета".

2. Специфика роста и тип образования: *адуйский глянец* "о кристалле дымчатого кварца с глянцевыми ровными гранями", *рыбка* "о кристалле горного хрусталя уплощенной формы", *шуруп* "скелетный рост кристалла", *пейзажный камень* "тип кристалла сложной структуры с верхней частью, образованной прозрачным кварцем".

3. Включения в кристаллах: *нафаршированный* "закрывающий в себе что-либо (включения и пр.)", *матрёшка* "о кристалле кварца с включениями остаточных твердых фаз", *стрела* "игольчатое включение рутила в кварце".

4. Размер кристаллов: *клопки* "мелкие кристаллы монацита"; *зубья* "мелкие осколки минералов", *булыга* "о кристалле большого размера", *малюлька* "маленький кристалл, осколок".

5. Части кристаллов: *голова, головка* "верхняя часть кристалла", *носик* "верхняя часть кристалла", *полка* "основание, нижняя часть кристалла", *изюм* "самая красивая, ценная, "юве-

лирная” часть камня”, *мозоль* “шаровидное образование внутри кристалла”.

6. Процессы внутри кристаллов: *взрослеть* “расти (о кристалле)”, *пожирать* “в процессе роста включать в себя другой кристалл”, *лечить* “восстановить кристалл, избавиться от трещин и пр.”.

7. Качественная, драгоценностная характеристика кристаллов: *чистая вода* “о кристалле высокого качества”, *блатной* “о драгоценном кристалле”, *вшивый* “о кристалле низкого качества”, *собакит* “кристалл низкого качества”.

Оговорим некоторые **особенности отбора материала**. В работе не учитываются номинации, входящие в семантическую группу “Ограничная лексика”, за исключением идеограмм типа *кристалл, подходящий для огранки / кристалл, не подходящий для огранки*. Ограничная лексика должна рассматриваться обособленно и в сравнении с лексикой добычи. Некоторые окказиональные, индивидуальные или узколокальные фиксации в работе также приводятся для большей репрезентативности, ср., например, *шухрум* “мелкий колотый камень (по прозвищу человека)” [ЛТЭК]. Не учитываются названия, представляющие собой словообразовательные и фонетические вариации общеупотребительной лексики, ср., например, *кварчик* “кварц” или фонетические варианты по типу *аматис* “аметист”, *скварец* “кварц” [ЛТЭК].

В классификации имеются слова, характеризующие **кристаллы** не какого-то одного, а **различных минералов**, а также

лексические единицы, описывающие кристаллы определенного вида, но при этом реализующие признаки, которые могут быть выделены у разных кристаллических разновидностей. Так, слово *тяжеловес*, являющееся неофициальным обозначением топаза, не включено в нашу классификацию, поскольку в его основе мотивационный признак (вес кристалла), являющийся уникальным или редким. В то же время слово *смоляк*, относящееся к мориону, представлено в классификации, поскольку признак цвета повторяется в обозначениях разных кристаллов.

Говоря об **идеографической специфике** “каменной” лексики, стоит выделить некоторые основные черты.

Если говорить об условности собственно классификации как способа выстраивания модели лексико-семантического поля, то следует отметить, что определенные идеограммы могут быть включены в разные классификационные рубрики: в зависимости от выделяемого семантического признака (первичного, вторичного etc.). Так, выделяется еще одна специфика изучаемого пласта лексики — **комплексность семантики**.

В контексте обоснования принципов построения идеографической классификации также стоит отметить еще одну, очевидно, главную специфическую черту исследуемого материала — привязка к **категории драгоценности**, чем отчасти и обусловлена комплексность семантики. Выделяется отдельная группа, основанная на качественно-драгоценностной характеристике, однако влияние специфики реалии прослеживается и на других семантических уровнях. Например, актуализация

признака насыщенности цвета, как кажется, прочно обусловлена категорией драгоценности.

Еще одной специфической чертой работы с исследуемым материалом можно назвать и **нестандартную природу идеограмм**. В разработке идеографической классификации учитывались и такие идеограммы, которые специфичны именно для нестандартной (а не для "официальной") лексики камня. Ср., например, *дыроватик* "горный хрусталь с опустошенными от включений каналами [ЛТЭК]. Так, отсутствие стандартизированных, официальных терминов порождает лексемы, которым в кодифицированной лексике не находится аналогов. В работе также фиксируются некоторые номинации, официальный статус которых может быть оспорен в силу их образности. Такие лексемы фиксируются некоторыми словарями, однако обозначаются нами как нестандартные, ср., например, *фантом* "о кристалле кварца с включениями остаточных твердых фаз" или *волосатик* "кварц с игольчатыми включениями, в основном, рутила" [ЛТЭК].

На данном этапе нами выделены только базовые, основные идеографические уровни изучаемой лексики. Исследуемый материал будет пополняться, а намеченные идеографические категории – модифицироваться. Но уже вполне понятно, что лексика камня имеет свои закономерные и индивидуальные черты: очень явственно выражен антропоморфизм "каменных" номинаций, на каждом идеографическом уровне могут просле-

живаться своис ловообразовательные тенденции, фиксируются идеограммы, не имеющие аналогов в научной терминологии.

Литература

Березович Е.Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса / Е.Л.Березович // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2020. – Т.22, №4. – С.9–28.

Kalinina Galina Sergeevna

Kazan (Volga region) Federal University

УДК [81"271:159.947.5]:001.1-051

**The main approaches to the concept of intention
in linguistics**

intention, speech act, speech etiquette

The concept of the speaker's intention is included in the range of interests almost all modern theories of communication analysis: speech act theory (J.L.Austin, J.Searle, P.F.Strawson), speech activity theory (A.A.Leontiev, O.G.Pocheptsov), speech influence theory (P.M.Blakar, O.S.Issers, V.I.Karasik, K.Kellermann). The widespread use of this concept by domestic and foreign researchers in the analysis of the human communication fundamental principles makes it possible to attribute the intention to the basic concepts of modern linguistics.

Speech intention is actively studied from the standpoint of various sciences, this term is used in psychology and linguistics, but, as a rule, it is not given a clear definition.

Analysis of modern speech communication theories allows us to conclude that the selection of individual theories in speech communication study is associated not so much with the variation of the subject of research, but with the emphasis on various aspects of the studied phenomena. Modern analysis presupposes the integration of scientific ideas and directions, the complex use of tools from re-

lated areas of pragmatics. The concept of *intention* has a long history (from the Latin *intentio* – intention, striving), since it appeared in medieval scholasticism and denoted the intention, purpose and direction of consciousness, thinking on some object.

The term *intention* was introduced into modern linguistics by the followers of J.L.Austin, one of the founders speech act theory, in order to achieve higher accuracy in describing illocution and illocutionary function [Austin 1999: 6].

In the existing definitions of intention, various aspects of this phenomenon are emphasized. G.P.Grice noted that the intention is the speaker's intention to communicate something, to convey a certain subjective meaning in the utterance [Grice 1985: 237].

In turn, J.Searle noticed that when identifying the intention, realized in the next speech act, the speaker and the listener are guided by what they said earlier at the time of this speech act, that is, by presupposition [Searle 1987: 100].

According to A.I.Dunev, under the intentional content the scientist understands the aspect of the utterance meaning, including linguistic means, which reflect the connection between the concept and the speech situation [Dunev 2016: 92].

O.G.Pocheptsov in his book "Fundamentals of the Pragmatic Description of a Sentence" described two types of intentions: the speaker's general intention and its partial components – initial and final. In this case, the intention includes two components: the presence of a communicative intention in the speaker and the object of

this intention, which entails the performance of a certain speech act [Pocheptsov 1986: 115].

Intentions classification by A.V.Antonova represents interest, correlating certain speech acts with specific classes of intentions, for example: the informing intention corresponds to a speech act of informing, the request intention is a speech act of a request, the promise intention is a speech act of a promise, etc. Formulating this hypothesis, A.V.Antonova argues that intentions can be distributed into different classes and subclasses according to such criteria as: 1) the object of expression; 2) way of expression; 3) the expected effect as a result of the expression [Antonova 2012: 67].

Numerous interpretations of speech intentions in scientific research of recent decades have made it possible to outline the following directions of interpretation:

- motive, concept, purpose, which determine the content and form of the statement. O.S.Akhmanova is inclined towards the definition, according to which the intention is understood as the potential or virtual content of the utterance [Akhmanova 1969: 223]; in this definition, the intention is opposed to the actual or expressed content (O.V.Aleksandrova, V.Ya.Zadornova, A.A.Lipgard, I.M.Magidova, S.G.Ter-Minasova).

- speech act motivation (N.I.Formanovskaya, compilers of programs for RFL: N.P.Andryushina, M.M.Nakhabina, A.V.Velichko, T.E.Vladimirova, etc.);

- a communicative move (O.S.Issers), speech intention, which is realized in a speech situation [Issers 1999: 93]. It is from these

positions that, for example, the request intentions (T.P.Akimova), the promise intentions (A.V.Antonova), and the farewell intentions (E.V.Vdovina) are studied. Linguists note that the intention is not always presented in its pure form, it can be latent or even change in the communication process, for example, Yu.N. Antonova calls it "echelons of intentions" [Antonova 2012: 284]. For the purpose of an accurate description, the intention is singled out by us as an independent unit.

Having analyzed the main approaches to the definition of intention, we largely rely on the latest definition of intention, which is traditionally used in the study of speech etiquette in dissertations and articles of the last decades, the definitions of which were considered above, – explicit or hidden intention, expressed directly or indirectly with the help of verbal and non-verbal means of communication and associated with a formal or informal speech situation.

References

Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / O.S.Ahmanova. – Moscow, 1969. – V.2. – 607 p.

Antonova A.V. Sistema sredstv rechevoj manipulyacii: recipient-centricheskij podhod. Dokt. Diss. [Speech manipulation system: recipient-centric approach] / A.V.Antonova. – Orenburg, 2012. – 386 p.

Austin J.L. Izbrannoe [Selected] / J.L.Austin. – M., 1999. – 332 p.

Dunev A.I. Intentionality of the lexicographic text / A.I.Dunev // Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora

filologicheskikh nauk, professora L.G.Babenko [New Russia: traditions and innovations in language and the science of language: materials of reports and messages of the International Scientific Conference dedicated to the anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor L.G.Babenko], 2016. – Pp.92-99.

Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Dokt. Diss. [Communication strategies and tactics of Russian speech] / O.S.Issers. – Ekaterinburg, 1999. – 30 p.

Grice G.P. Logic and speech communication / G.P.Grice // Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]. – 1985. – Pp.217-238.

Pocheptsov O.G. Osnovy pragmaticheskogo opisaniya predlozheniya [Fundamentals of the pragmatic description of the proposal] / O.G.Pocheptsov. – Kiev, 1986. – 115 p.

Searle J. The nature of intentional states / J.Searle // Filosofiya, logika, yazyk [Philosophy, logic, language], 1987. – Pp.96-126.

Кириллова Зоя Николаевна

Казан (Идель буе) федераль университеты

УДК 81.272

Казан лингвистика мәктәбенең күренекле галиме

Сәгадәт Ибраһимов

Казан лингвистика мәктәбе, татар теле, С.М.Ибраһимов,

синтаксис, тел укыту

Сәгадәт Мөгаллим улы Ибраһимов (1928–2008) – татар теле белгече, филология фәннәре кандидаты (1964), Татарстан Республикасының атказанган укытучысы (1994). Хезмәтләре татар теле синтаксисы һәм стилистикасына карый. Урта мәктәпләр һәм югары уку йортлары өчен уку-укыту ярдәмлекләре һәм программалар авторы.

Сәгадәт Ибраһимов 1928 нче елның 25 нче маенда Татарстанның Азнакай районы Таллы Бүләк авылында дөньяга килә. Башлангыч белемне туган авылында ала, аннары Карамалы мәктәбендә укый, ә урта белемгә исә Ютазы районы Кәрәкәшле мәктәбендә ия була. Аннары Казанга килеп, 1946–1951 нче елларда Казан дәүләт университетының тарих-филология факультеты татар теле һәм әдәбияты бүлегендә белем ала. Аны тәмамлаганнан соң, 1951–1954 нче елларда Мөслим урта мәктәбендә татар телен һәм әдәбиятын укыта, 1954–1958 нче елларда Мөслим һәм Лениногорск районнарында мәктәп инспекторы вазыйфасын башкара, 1958–1960 нчы

елларда Лениногорск һәм Лаеш район газеталарында эшли, шул рәвешчә, мәгариф өлкәсендә дә, вакытлы матбугатта да гамәли яктан чыныгу ала.

1960 нчы елда Сәгадәт Ибраһимов Казан дәүләт университеты аспирантурасына керә һәм тюркологиядә аз тикшерелгән аналитик төзелмәләрне өйрәнә башлый. Уку вакыты төгәлләнү белән үк, 1964 нче елда, “Татар телендә аналитик төзелмәләр” темасына М.Зәкиев житәкчелегендә язылган кандидатлык диссертациясен бик уңышлы яклап чыга [Ибраһимов 1964]. Шул ук елда ул университетның татар теле кафедрасына эшкә чакырыла һәм студентларның яраткан укытучысына әверелә. Татар теленең катлаулы булып саналган синтаксис һәм стилистика тармакларын укыта, курс һәм диплом эшләре белән житәкчелек итә. Шул ук вакытта фәнни эш белән шөгыльләнүен дә дәвам итә, татар һәм рус телләрендә күп санлы мәкаләләр яза һәм монографияләр чыгара. Аларда автор аңа кадәр татар телендә бөтенләй өйрәнелмәгән аналитик төзелмәләрне, синтаксик синонимнарны, чагыштырулы төзелмәләрне тикшерә. Мәсәлән, синтаксик синонимнарны тикшереп, татар теленең байлыгын күзалларга мөмкинлек бирә, ягъни бер үк мәгънәне белдерү өчен, телдә әллә ничәшәр вариантларның булуын күрсәтә. Мисал итеп бер жөмләсен китерик: “...Телебездәге синонимик байлыкның ни дәрәжәдә мөмкин икәннен менә шуннан да күрергә була: сәбәп нисбәтен бирү өчен генә дә, татар телендә 43 синонимнан, дистәләгән тәңгәл һәм варианттан файдалану мөмкинлеге бар. Вакыт нисбәте белән

бәйле төзелмәләрнең дә синонимнары дүрт дистәгә якин. Моңа эле тагын сөйләм телендә кулланылып йөри торган вариантларны да өстәсәк, бу сан бермә-бер артып китә” [Ибраһимов 1989: 50]. Шулай итеп, галим сөйләм өчен зур әһәмияте булган синтаксик синонимнарның төрләрән һәм кулланылышын өйрәнәп, аларның телебезне баетудагы, сөйләм матурлыгын арттыру һәм стильне камилләштерүдәге урынын билгели [Ибраһимов 1976], моның белән татар теленең вариатив синтаксисына нигез сала, татар тел белемендә беренчеләрдән булып яңа бер өлкәне ачып жиберә.

Сәгадәт Ибраһимов татар телендәге аналитик төзелмәләрне тикшереп, синтетик иярчен жөмләнә – аналитик жөмлөгә, гади жөмләнә аналитик иярченле кушма жөмлөгә әйләндерү, берничә гади жөмләдән аналитик яки синтетик бәйләнештәге кушма жөмлөләр төзү һ.б. үзенчәлекләрен ачыклай. Кушма жөмләдә кулланыла торган аналитик бәйләүче чараларның төп үзенчәлекләрен төгәл итеп билгеләп, тюркологиядә беренче тапкыр мөнәсәбәтле сүзләр, ияртүче теркәгечләр һәм теркәгеч сүзләрен аеру мәсьәләсен күтәрәп чыга, һәрберсенең төп билгеләрен аерып күрсәтеп, ныклы фәнни нигез барлыкка китерә. Бер үк мәгънәдәге кабатлауларны булдырмау, кирәк урында бер төр жөмләнә икенчесе белән алыштыру өчен, телебездә бик күп чараларны кулланырга, фикерне укучыга төгәл җиткерүдә шуларның иң уңышлысын сайлап алырга тәкъдим итә.

Татар телендәге газеталарның телен тикшерүгә багышланган хезмәтләрендә галим төрле газеталарны жентекләп өйрәнеп, аларның нинди юнәлештә үсә баруын күрсәтә, бу эштәге уңышлар һәм кимчелекләрне яктырта, киләчәк өчен төп бурычларны билгели. Газета телен төрле терминнар, халыкка аңлаешсыз сүзләр белән чуарламаска, ясалма сүзләрдән, калькалардан котылырга, сүзтезмәдәге аерым сүзләрнең үзара яраша алу яки ярашмау мәсьәләләрен дә читләтеп үтмәскә, бәйләүче чараларның күп төрләрәннән файдаланырга чакыра, яңа сүзләр кулланганда, тел хасиятләрен исәпкә алырга кирәклеке басым ясап күрсәтә.

Гыйльми эш алып бару белән беррәттән, С.М.Ибраһимов күп вакытын һәм көчен татар теленнән күп санлы дәрәслекләр, төрле методик кулланмалар, күнегүләр жыентыгы, татар теленең төрле тармакларына караган программалар төзүгә багышлый. Алар арасында татар теле синтаксисыннан мәктәп һәм вуз дәрәслекләре [Сафиуллина 1997 һ.б.], методик кулланмалар, күнегүләр жыентыгы, методик күрсәтмәләр, синтаксик стилистикадан күнегүләр, татар теле һәм әдәбиятыннан программаларны аерып алып әйтергә мөмкин. Мисал өчен, синтаксистан татар мәктәпләре өчен Мирфатыйх Зәкиев белән берлектә төзегән, ә рус мәктәпләрендә укучы татар балалары өчен Флера Сафиуллина [Кириллова 2018: 104-108] белән чыгарган дәрәслекләре зур уңыш казанып, күп тапкырлар нәшер ителә һәм дүртәр басмада дөнья күрә. Моннан тыш, 1977 нче елда Мирфатыйх Зәкиев,

Клара Зиннәтуллиналар белән язган рус һәм татар телләренең чагыштырма синтаксисы югары уку йортлары дәрәслеге сыйфатында озак еллар дәвамында кулланылды, 30 елдан соң исә авторлар исемлегенә Флера Сафиуллина да өстәлеп, кабат нәшер ителде.

Сәгадәт Ибраһимовның шулай ук Флера Сафиуллина белән берлектә төзегән “Татар телендә тыныш билгеләре” белешмәсе [Сафиуллина 2004] тел белгечләре, укытучылар һәм укучы-студентлар өчен генә түгел, язучы-шагыйрьләр, журналистлар, нәшрият хезмәткәрләре һәм, гомумән, татар теле белән кызыксынучыларга күп еллар дәвамында өстәл китабы сыйфатында хезмәт итте.

Бергәләп күп дәрәслекләр, фәнни хезмәтләр язган, озак еллар бер кафедрада эшләгән Флера Сафиуллина Сәгадәт Мөгаллим улы турында болай дип яза: “Ул тотнаклы, ипле, табигый нәзакәтле кеше, <...> аның белән юлда да, эштә дә, кунакта да, фәнни кулланмалар язганда да бик тә рәхәт, жиңел, ышанычлы. Ул – исеме жисеменә туры килгән бәхәтле кеше. Аның дус-тату гаиләсе, уллары-кызлары, оныклары бар. Ул аларны, алар аны бик тә яраталар” [Сафиуллина 1994].

С.Ибраһимовның хезмәтләре фикер тирәнлегенә, фән мантийгы, искиткеч зур фактик материалга нигезләнүе белән татар тел белемендә югары бәя алды. 2003 нче елда лаеклы ялга китсә дә, ул аннан соң да фәнни эш белән шөгыйльләнүен дәвам итте, ләкин, кызганыч, 2008 нче елның 5 нче октябрәндә авырудан соң арабыздан китте.

Үтә тыйнак, сабыр холыклы, хезмәт сөючән, тирән белемле Сәгадәт Мөгаллим улы Ибраһимов хезмәттәшләренә дә, студентларга да һәрвакыт хәерхәһлы булды, биргән белемнәрен укучыларының аңлап кабул итүләренә чын күңелдән сөенә иде, үз сүзләре белән әйткәндә, математикага охшаш синтаксисны авыр кабул иткән студентларга да, гади итеп аңлатып, ихлас күңелдән төшендерергә тырышты. Гомере буге татар сөйләменең сафлыгы өчен көрәшкән, белеме белән дә, шәхси сыйфатлары ягыннан да зур хөрмәт казанган Сәгадәт Ибраһимов хезмәттәшләре һәм күп санлы укучылары күңелендә якты эз калдырды.

Әдәбият

Ибраһимов С.М. Татар телендә аналитик төзелмәләр / С.М.Ибраһимов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964. – 134 б.

Ибраһимов С.М. Татар телендә синтаксик синонимнар / С.М.Ибраһимов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1976. – 168 б.

Ибраһимов С.М. Синтаксик стилистика. Студентлар өчен кулланма / С.М.Ибраһимов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1989. – 150 б.

Кириллова З.Н. Төрки тел белеменең күренекле вәкиле Флера Сафиуллина / З.Н.Кириллова // Научное наследие В.А.Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казан. федер. ун-т, 14-17 окт. 2018 г.): в 2 т. / под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Е.А.Горобец, Э.А.Исламовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 104-108.

Сафиуллина Ф.С. Татар теле: Рус мәктәпләренең 11 нче сыйныфында укучы татар балалары өчен дәреслек / Ф.С.Сафиуллина, С.М.Ибрагимов. – Казан: Мәгариф, 1997. – 191 б.

Сафиуллина Ф.С. Татар телендә тыныш билгеләре: Белешмә / Ф.С.Сафиуллина, С.М.Ибрагимов. – Казан: Мәгариф, 2004. – 47 б.

Сафиуллина Ф.С. Щедрый дар души / Ф.С.Сафиуллина // Казанский университет: время, события, люди. – Казань, 1994.

Киров Евгений Фролович

Московский городской педагогический университет

УДК 811.221.18

Неуслышанный “аккорд” Бодуэна

*фонема, различительный признак,
язык говорящего/слушающего/социолект, структура*

В вопросе осмысления творчества И.А.Бодуэна де Куртенэ остается немало белых пятен. В этой связи мы уделим внимание одной идее Бодуэна в области фонологии, которая имеет важное значение для лингвистики и была воспринята во многих разделах языкознания.

Пожалуй, всем известно крылатое определение фонемы, предложенное Р.Якобсоном: “Фонема – это пучок различительных признаков”. В подобном ключе писал также Н.С.Трубецкой, называя фонему “совокупностью фонологически существенных признаков”, т.е. структурой дифференциальных признаков [Трубецкой 1960: 45]. Н.С.Трубецкой писал, что “наша сегодняшняя точка зрения (Якобсона и моя) продолжает развивать эти системы (речь идет о фонологических построениях И.А.Бодуэна де Куртенэ и раннего Л.В.Щербы, которые совпадали. – Е.К.), не отменяя их”.

Далее, полемизируя с ментальным определением фонемы, которое на протяжении всей жизни И.А.Бодуэн де Куртенэ считал основным, называя фонему “психическим эквивалентом зву-

ка” (в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, том 36), Трубецкой высказывает свое мнение о том, что фонема прежде всего должна быть функциональным понятием [Трубецкой 1960: 48]. Но Н.С.Трубецкой ломится в открытую дверь, потому что Бодуэн считал в одном из определений (всего их четыре – см. [Киров 1997]) фонему функциональной единицей, что потом было развито учеными Московской фонологической школы (понятие о фонеме как о подвижном элементе морфемы).

Вернемся к определению фонемы как пучка различительных признаков, о котором говорилось выше.

Поразительно, но подобное определение фонемы, о котором не упоминают ни Р.Якобсон, ни Н.С.Трубецкой, имеется в более развитой и теоретически богатой форме у И.А.Бодуэна де Куртенэ, и оно звучит так: “Фонема – соединение нескольких далее неразложимых произносительно-слуховых элементов (кинем, акусм, кинакем) в одно целое” [Бодуэн 1963: 289-290].

Далее И.А.Бодуэн де Куртенэ предлагает более изящную метафору, нежели Р.Якобсон: “Сочетание кинем и акусм в единое целое составляет фонему. Фонемы представляют собой не отдельные ноты, **а аккорды, составленные из нескольких элементов**” [Бодуэн 1963: 203]. Другими словами, Бодуэн первым эксплицитно высказал мысль о членимости фонем на атомы, подобно молекуле: “Анализ фонемы, т.е. понятия объективно сложного, приводит к ее разложению на мельчайшие элементы, неделимые с психической точки зрения. Со стороны произносительной – это представления особых работ, а со сто-

роны слуховой – это представления акустических нюансов. Я позволяю себе называть эти представления (точнее, образы. – *Е.К.*) произносительных работ **кинемами**, а представления акустических нюансов, неделимых с психической точки зрения, **акусмами**” [Бодуэн 1963: 203].

Сразу становится ясной более богатая теоретически ориентация Бодуэна на язык говорящего (аккорд кинем) и язык слушающего (аккорд акусм), но Бодуэн отчетливо представляет себе, что язык говорящего и язык слушающего – это основные части языка общества в едином целом, поэтому вводит понятие **кинакемы**, понимаемой как общий образ звука в сознании всех говорящих и слушающих, слитый как сумма представлений, т.е. кинакема – межличностное единство в племенном языке, построенное на однотипности проговаривания и восприятия звуков языка в речи [Бодуэн 1963: 289].

Следовательно, атомарно-молекулярное представление о фонеме в теории И.А.Бодуэна де Куртенэ возникло задолго до появления “пучка” Р.Якобсона, причем с ориентацией на язык говорящего (назовем его артикулолект), на язык слушающего (назовем его аудиолект) и на язык общества (И.А.Бодуэн де Куртенэ называл его “племенным языком”). Фактически Пражская школа взяла за основу то, что И.А.Бодуэн де Куртенэ назвал “кинакема”, расширила и углубила это понятие и обобщила его в термине “различительный признак фонемы” [Трубецкой 1960].

Ни одна фонологическая школа не разработала понятия фонемы и различительных признаков фонемы во всей глубине теории И.А.Бодуэна де Куртенэ; видимо, это дело будущего. Однако некоторые наработки в этом направлении ведутся (введение понятий акусты, кинеты, кинакеты, артикуляемы (кинетофонемы) и акусмофонемы, а также коммуникативной фонемы – см. в [Киров 1997]).

Вернемся к идее атомарного расчленения фонемы на признаки, которая принадлежит И.А.Бодуэну де Куртенэ, что не подлежит сомнению. Эта идея позже начала распространяться в лингвистике довольно широко: достаточно упомянуть компонентный анализ (Й.Трир, В.Порциг, Й.Вайсгербер и др.) в лексикологии, падежно-ролевой синтаксис пропозиции предложения/высказывания (Ч.Филлмор, Л.Теньер). В наши дни разрабатывается понятие дискурсема и ее составляющих. Однако намеченной Бодуэном дифференциации описания единицы языка (подобно фонеме у Бодуэна) с ориентацией на язык слушающего, язык говорящего и социоязык лингвистика еще не достигла.

Рассмотрим понятия “фонема языка говорящего и слушающего”, предложенные в “Фонологии языка” [Киров 1997]. В сущности, это реализация аспектного представления о фонеме Бодуэна как аккорда кинем, акусм и кинакем. Так, в фонетике в целом различаются **аспекты** описания фонетического строя: **артикуляционный, слуховой, физико-акустический, функционально-фонологический**. Звук как прообраз и фонема как

образ звука (более точно – звукотипа) соответствуют друг другу. В артикуляционном аспекте артикулолекта этическая единица может быть представлена как артикулятета, т.е. соположение органов речи, на базе которой производится реальный звук. Образ артикулятеты в сознании и представляет собой эмическую единицу – артикулятему, понимаемую как аккорд кинем (кинема – это тоже образ, но образ отдельно взятой артикуляционной черты, например, огубленности, назальности и т.д. [Бодуэн1963]).

При переходе в другой аспект рассмотрения звук представляет собой физическую субстанцию волны (звук как волна воздушной среды в межличностной сфере получает чисто физическое формантное экспериментально-фонетическое описание). Однако звук достигает человеческого уха и предстает в третьем аспекте рассмотрения – слуховом. Слуховая “акусмофонема” в аудиолекте познается слушающим как аккорд слуховых образов, т.е. может состоять из осознанных отдельно образов **тоналности, шумности, низкотоналности, дизности** (соответствует *мягкости* – сам по себе этот термин *мягкость* тактильный, ему нет места в системе фонетических терминов, как и термину *твердость*) и т.д. (см. [Киров 1997]).

И в этой связи чрезвычайно важно создать последовательно слуховую фонетическую систему терминов, не смешивая ее с артикуляционной системой терминов. Например, “кинетофонема”, т.е. аккорд кинем звука “Б”, имеет признаки: **преградность, губность (билабиальность), смычность,**

палатализованность; при этом термин “звонкость” здесь неуместен, и в артикуляционном аспекте его придется представить как работу голосовых связок, т.е. “**связкодрожание**”. Этим артикуляционным признакам языка говорящего строго соответствуют акузмы, образующие “акусмофонему” в языке слушающего (аудиолекте), например, акусмофонема “Б” характеризуется аккордом акузм как образов, прообразами которых будут акусты: *шумный, низкотональный, взрывной, звонкий, недиезный*. Обе системы терминов строго соответствуют друг другу.

В лингвистической фонетической системе есть еще один аспект собственно функционально-фонемного описания, соотносящийся с языком общества (социолектом), и для его фонемного описания необходима своя система терминов. Сам И.А.Бодуэн де Куртенэ, как известно, предложил четыре понимания фонемы [Киров 1997]: из них три теории фонем были разработаны в трех фонологических школах – Московской, Пражской и Петербургской (старой), а затем еще Ленинградская после 1930 г. разработала новую фонемную теорию (стараниями опять же Л.В.Щербы). Но ни одна из школ не сохранила ментальное, образное понимание фонемы, однако Л.В.Щерба уточнил, что язык имеет дело со звукотипами, поэтому мы предлагаем говорить о фонеме как об образе звукотипа.

Итак, фонема как образ звукотипа также представляет собой аккорд **кинакем** (прообраз – **кинакета**, имеющая объективную спектральную характеристику межличностного звука). Про-

образом такой фонемы языка общества является физический звук в межличностном пространстве, имеющий формантную характеристику. Именно такая теория фонемы может стать основой теории значения слова. **Фонемы как образы звуко-типов составляют ментальное тело означающего в модели значения слова** [Киров 1997].

Использование морфемного критерия МФШ следует признать обязательным для описания фонем языка общества. Также для этого следует использовать бинарную систему терминов Р.Якобсона, Г.Фанта и М.Халле [Якобсон 1962]. При этом термины **кинема** (прообраз – кинета как черта артикуляции) и **акусма** (прообраз – акуста как слышимая черта звука) соотносятся соответственно с языком говорящего и языком слушающего и имеют свою терминологию описания – артикуляционную и слуховую.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. - Т.2. – 400 с.

Киров Е.Ф. Фонология языка / Е.Ф.Киров. – Ульяновск: ИСНЦ, 1997. – 541 с.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С.Трубецкой. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 372 с.

Якобсон Р. Введение в анализ в речи / Р.Якобсон, Г.Фант, М.Халле // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – Вып.2. – С.173-230.

Малькова Яна Владимировна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
УДК 81

**О семантико-мотивационных связях
экспрессивной лексики с семантикой брезгливости,
капризности (*чувы́риться, чупы́риться,
чуфы́риться и др.*)**

*русская диалектная лексика, этимология,
семантико-мотивационная интерпретация, лексика эмоций*

Статья посвящена изучению экспрессивных лексем, зафиксированных Топонимической экспедицией Уральского университета (далее – ТЭ) в Костромской области: *чувы́риться, чупы́риться* “брезговать едой”, *чуфы́риться* “капризничать, баловаться” [ЛКТЭ]. Однако попутно рассматриваться будут и некоторые другие однокоренные им слова.

Желание исследовать приведенные языковые факты совместно рождается из схожести лексем, функционирующих на одной территории. Данные слова обнаруживают близость в своей семантике: все они обозначают тип поведения, при котором человек проявляет необоснованные прихоти, капризы. С другой стороны, привлекает и формальное сходство лексем, несмотря на их различное происхождение (о чем будет сказано ниже).

Итак, в поле нашего внимания оказываются, с одной стороны, мотивационные линии, которые привели к возникновению семантики брезгливости, капризности в рамках исследуемой лексики. С другой стороны, нас интересует собственно происхождение данных слов, их морфемная структура и соотношение корней.

Обратимся к глаголу **чувыриться**. В материалах картотеки ТЭ находятся следующие языковые факты: костр. *чувыриться* "брезговать, отказываться от еды": *Сидит чувыриться, не ест ничего; исчувыриться* "побрезговать" [ЛКТЭ], а также костр. *чувыристый* "капризный, разборчивый в еде" [ЛКТЭ]. В словарях, по нашим сведениям, эти лексеммы не зафиксированы.

Вероятно, приведенные слова связаны отношениями производности с костр. *исчувыриться* "сморщиться, скривить лицо, морду": *На повити мужик весь грязный лежит, пришла свинья исчувырилась. Морду значит сморщила, не понравилось* [ЛКТЭ] и далее костр. *исчувыриться* "изогнуться" [Там же]. При этом можно предполагать корень *-выр-* с семантикой верчения. В картотеке ТЭ обнаруживаются также лексеммы с вариантом корня *-вер-*: костр. *исчувэриться* "сморщиться", "искапризничаться" [Там же].

Перейдем к рассмотрению лексеммы **чупыриться**. В картотеке ТЭ находим костр. *чупыриться* "брезговать едой": *Чё чупыришься сидишь, не ешь нашу еду* [Там же], а также близкое костр. *чупыристый* "хвастливый, задающийся (о человеке)": *Про человека говорили "чупыристый", когда он не такой,*

как все, ничего не стоящий, но мнящий о себе много [Там же]. Кроме того, на контактной территории, в Ярославской области, обнаруживаем *чупыриться* “есть плохо, без аппетита” [ЯОС 10: 64], которое, по-видимому, является производным к значению “брезговать едой”.

Вероятно, в данном случае связью обладает семантика брезгливости и чрезмерного самомнения, сближаются значения “брезговать едой” и “хвастливый, задающийся (о человеке)”. Пересечения же данных смысловых областей обладают частотностью в языке, ср. *спесивиться* “брезговать” [СРНГ 40: 135].

По нашему мнению, слова *чупыриться*, *чупыристый* имеют корень *-пыр-* и обладают связью с такими лексемами, как костр. *пыреть* “расти, увеличиваться в размерах” [СРНГ 33: 195], без указ. места *пыриться* “поднимать торчком шерсть, иглы и т. п., щетиниться” [Там же: 196]. Предполагаем при этом, что основным значением корня является семантика выдавания вперед, топорщенья, ср. рус. *растопыривать*. О регулярности модели, согласно которой значение гордости происходит от идеи увеличения в объемах, пишет О.А.Кузнецова [Кузнецова 2015: 145].

С другой стороны, семантика высокомерного и брезгливого поведения может пересекаться с идеей нарядности, ср. костр. *причепуриться* “принарядиться, придать себе более красивый вид (причесаться, напудриться, подрумяниться и т. п.)” [ЛКТЭ]. При этом, по-видимому, *чупыриться* и *причепуриться* являют-

ся родственными и соотносятся с прасл. **čepuriti se*, **čepuriti se*. Для последних авторы ЭССЯ предполагают сложение экспрессивной приставки *če-* и глагольных основ *-puriti* и *—pyriti*, которые вступают в чередование [ЭССЯ 4: 56–58].

Перейдем к следующей лексеме – **чуфыриться**. В карточке ТЭ находим следующие фиксации: костр. *чуфы́риться* “капризничать, баловаться”: *чуфы́рится, бахвалит, чего-нибудь вытворяет* [ЛКТЭ] и близкое костр. *чуфы́ниться* “чваниться, вести себя заносчиво” [Там же]. Семантику отсутствия аппетита, брезгливости, характерную для лексем, рассмотренных ранее, обнаруживаем на другой территории: яросл. *чуфы́риться* “есть плохо, без аппетита” [ЯОС 10: 65], твер. *чуфы́ркать* “пренебрегать предлагаемым предметом” [Опыт/Д: 302].

Как кажется, семантическое развитие могло происходить в направлении “важничать, гордиться” → “брезговать, пренебрегать” → “есть плохо, без аппетита”. Рождение значения *чуфы́риться* “капризничать, баловаться” также можно объяснить связью с семантикой чванства. Человек, придерживающийся высокого мнения о себе, может вести себя развязно, не соглашаясь с социальными нормами.

Возникновение семантики высокомерия, кажется, можно связывать с *фуфы́риться* олон. “гордиться, важничать”, “быть недовольным, сердиться” [СРНГ 49: 202], *фы́риться* карел. “важничать, щеголять нарядами”, “сердиться, злиться” [СРНГ 49: 205]. Для *фуфы́риться* “надуваться, злиться” М.Фасмер

предполагает оноματοпоэтическое происхождение и сопоставляет с венец. *fofio*, исп., порт. *fofo* “надутый” [Фасмер 4: 212]. Вероятно, мотивационная линия, представляющая проявление высокомерия как увеличение в объемах, может иметь место и в нашем случае.

Для приведенных фактов также можно предположить контаминацию с общерус. *чүфь́кать, чүфь́ркать, чүфь́скать* “издавать при токовании звуки “чүф-ффы”, о тетеревах” [ССРЛЯ 17: 1214–1215]. Хвастливое поведение уподобляется повадкам птиц, для которых во время токования характерно демонстративное поведение.

Представляется, что глаголам *чүфы́риться, чүфы́ниться* родственны такие слова из [ЛКТЭ], как *чүфь́ня* “брезгливый человек” и *чүхв́ня* “о человеке с плохим аппетитом”. Варьирование *ф/хв* объясняется характерным для русских говоров переходом *ф > хв* (ср. также *чүхв́риться* “важничать, надуваться” (приводится по [Фасмер 4: 388])).

Слово *чүхваня*, как кажется, могло испытывать влияние со стороны обл. глагола *чүхать* “распознавать чувством (обонянием, вкусом), чувствовать, ощущать” [ССРЛЯ 17: 1215], ср. волог. *нью́хлый* “разборчивый в еде, брезгливый” [КСГРС].

Возможно, в контаминационном отношении имело значение и *фь́нькать* карел. “выражать недовольство, фыркаать, ворчать” [СРНГ 49: 204], ср., например, вят. *брюзга́* “брезгливый, слишком разборчивый в еде и т. п., требовательный человек” [СРНГ 3: 221].

Итак, мы рассмотрели костромские лексемы *чувыриться*, *чупыриться* и *чуфыриться*. Несмотря на схожесть, все они обладают различным происхождением и собственными путями формирования семантики брезгливости, капризности. Тем не менее, подчеркнутая экспрессивность каждой из лексем заставляет их вступать в разнообразные контаминационные процессы.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 “Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики”.

Литература

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Кузнецова О. А. Лексико-семантическое поле “Гордость”: мотивационно-генетический аспект: дис. ... канд. филол. наук / О.А.Кузнецова. – Томск : [б. и.], 2015. – 359 с.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Опыт/Д – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря : Издание Второго отделения Импер. академии наук. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1858. – 328 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П.Филин, Ф.П.Сороколетов, С.А.Мызников. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. – Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А.А.Шахматова. – М.; Л.: Наука, 1948–1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева; под. ред. и с предисл. Б.А.Ларина. – 2-е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г.Г.Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д.Ушинского, 1990.

Медведев Владимир Борисович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 81-811

Очерк сравнительного исследования фразеологических единиц иврита и идиша

фразеологизм, пословица, взаимодействие языков, идиш, иврит

Известно стремление создателей иврита к новотворчеству в области лексикологии, направленное на создание лексикона с сохранением языковой идентичности [Zuckermann 2003]. Данная задача облегчалась двухтысячелетним пробелом в истории развития разговорного иврита, которому не дано было, подобно прочим языкам, обогатиться заимствованиями из древнегреческого и латыни [Друскинас 2002: 89].

Однако устойчивые выражения, вобравшие в себя народную мудрость не одного поколения носителей языков из стран исхода, должны были бы в данном случае представлять собой исключение из правил и войти во фразеологическую систему обновленного библейского языка. Имеются в виду не библеизмы, присутствующие во многих современных языках, и не изречения из Талмуда, Танаха и Торы, которым уготовано было стать неизменным атрибутом иврита, а именно те сочные и меткие выражения, которые являются духом народа и украшением родного, а точнее, этнического языка. Таковым для подавляющего большинства переселенцев на историческую Ро-

дину являлся идиш, не исключая, хотя и не столь существенно выраженного, участия в этом созидательном процессе носителей других еврейских языков.

В связи с этим обстоятельством возникает вопрос относительно возможного взаимодействия фразеологических систем языка идиш и возрождающегося усилиями энтузиастов иврита, а также степени участия идишских фразеологических единиц (ФЕ) в формировании фразеологического корпуса иврита.

В основе данного предположения лежит известное высказывание В. фон Гумбольдта относительно невозможности индивида покинуть пределы родного языка при смене языка коммуникации [Гумбольдт 1859: 56], а также исследования отечественных лингвистов Э.М.Ахунзянова [Ахунзянов 1978], Э.М.Солодухо [Солодухо 2008] и др. и зарубежных ученых У.Вайнрайха [Weinreich 1979], Г.Цукерман [Zuckermann 2003] и др., посвященных анализу языковых контактов. Однако в этом ряду трудов отсутствуют работы, в которых рассматривается проблема возможного влияния языка идиш на формирование фразеологической системы иврита.

Цель данной научной работы заключается в изучении путей формирования фразеологической системы иврита в свете возможного влияния на этот процесс языка идиш, что, в конечном счете, могло бы раскрыть преемственность культур, закрепленную за языковыми знаками.

В изученных нами работах описание фразеологических единиц идиша и иврита проводилось, как правило, отдельно

друг от друга [Дербаремдикер 1999, Друскинас 2002, Ниран 2011, Трахтман 1996, Adalberg 2020, Landsberger 1912] или параллельно [Гури 2012], но без соответствующего сопоставительного анализа фразеологических систем и особого внимания к фразеологическому образу, заключенному во фразеологических элементах как составной части национально-языковой картины мира. *Новизна* проведенного исследования состоит в изучении взаимодействия отдельных сегментов фразеологических систем иврита и идиша в целях установления возможных параллелей и/или точек соприкосновения обеих систем.

В *задачи* настоящего исследования входил анализ ФЕ из источников, изданных в странах с компактным проживанием еврейского населения, говорящего на идиш: России (в определенный период СССР и стран постсоветского пространства), Германии с последующей тематической систематизацией материала:

- выборочная тематическая комплектация групп ивритских и идишских устойчивых выражений;
- сравнительное исследование избранных тематических групп ФЕ обоих языков в целях выявления предполагаемого влияния языка идиш или отсутствия такового на формирование фразеологической системы иврита.

Исследованием было охвачено пять групп фразеологизмов:

- конфессиональная принадлежность и межконфессиональные отношения;
- особенности национального характера;

- самоирония как способ выживания;
- народ-борец/народ-терпивец;
- трудовые будни;
- флора и фауна.

Проведенное исследование показало, что в рамках анализируемых тематических групп устойчивых выражений фразеологической системе идиша, к сожалению, не суждено было передать культурно-языковую эстафету ивриту, обогатив его тем самым многовековым собранием кладези мудрости, неизбывной печали, искрометного юмора народа, создававшего на этом языке шедевры народного творчества и мировой литературы.

С возрождением иврита фразеологическая система идиша замедлила свое поступательное движение, а иврит, как показывает проведенное исследование, продолжил свое самостоятельное движение к формированию уникальной системы фразеологизмов с собственными фразеологическими образами, несовместимыми с символикой ФЕ идиша. Процесс этот носит закономерный характер в силу многих причин:

- значительный пласт устойчивых выражений, накопленный носителями идиш в диаспоре, оказался неприемлемым в жизни народа, строящего собственное независимое государство;
- часть идишских ФЕ отжила свой век с переменной общественно-экономического уклада;

– переход к новой фразеологической системе был неизбежен ввиду смены реалий, способствовавших формированию нового фразеологического образа;

– собственные силы языка иврит способны были придать импульс формированию самостоятельной фразеологической системы, независимой от внешнего языкового влияния.

Тем не менее, как свидетельствуют некоторые примеры, можно предположить, что в дальнейшем развитие фразеологической системы иврита будет происходить, в том числе, и за счет более тесного взаимодействия с системой языка идиш по мере популяризации этого языка.

Литература

Ахунзянов Э.М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция / Э.М.Ахунзянов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1978. – 187 с.

Гури Й. Сокровищница идиом языка идиш / Й.Гури. – אוצר הניבים גורי יודיש. Иерусалимский университет, 2012.

Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное различие человеческого рода / В.Гумбольдт. – СПб., 1859. – 366 с.

Дербаремдикер М.Л. О чем говорят пословицы на идиш? / М.Л.Дербаремдикер // The Center of Jewish Education in Ukraine: [электронный ресурс]. – Режим доступа: SEM40 [<https://sem40.co.il>].

Друскинас З.И. Фразеология и идеографическая классификация ивритских фразеологизмов / З.И.Друскинас // Язык иврит: исследование и преподавание: материалы Девятой ежегодной меж-

дународной междисциплинарной конференции по иудаике. – М.: Пробел-2000. – С.89–100.

Ниран М. Пословицы и поговорки на иврите. פתגמים בעברית עם תרגום לרוסית [электронный ресурс] / М.Ниран. – Режим доступа: axaz.org<https://axaz.org> › 2011/05/24 › pitgam-ivrit.

Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп / Э.М.Солодухо. – М.: URSS, 2008. – 294 с.

Трахтман Э. Пословицы и поговорки на иврите / Э.Трахтман. – Иерусалим, 1996.

Adalberg S. Przysłowia żydowskie / S.Adalberg. – Wydawnictwo Armoryka, 2020. – 50 s.

Landsberger A. Jüdische Sprichwörter / A.Landsberger. – Leipzig: Ernst Rohwolt VEIlg. Spamersche Buchdruckerei 1912. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexikus.de/bibliothek/Juedische-Sprichwoerter>.

Weinreich U. Languages in Contact / U.Weinreich. – De Gruyter Mouton. 1979. – 148 p.

Zuckermann G. Language Contact and Lexical Enrichment in Israeli Hebrew / G.Zuckermann. – NewYork: Palgrave Macmillan, 2003. – 294 p.

Мирхаев Рифат Фирдинатович

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе

Г. Ибраһимов исемендәге

Тел, әдәбият һәм сәнгать институты

УДК 81-114.2+84.512.145

Татар мәгърифәтчелек прозасы телендә инфинитив формасындагы фигыльләрнең стилистик кулланылышы

татар мәгърифәтчелек прозасы теле, стилистика, затланышсыз фигыльләр, инфинитив

Әлеге эшнең актуальлеге татар теленең, аның аерым яшәеш формаларының грамматик структурасын функциональ-стилистик аспектта өйрәнү зарурлыгы белән билгеләнә. Ул үз чиратында хәзерге лингвистиканың фәнни тикшеренүләрдә структур-системалы парадигмадан тел берәмлекләре потенциалының теге яки бу коммуникатив ситуациядә реальләшү механизмын аңларга һәм аның асылын ачарга мөмкинлек бирә торган функциональ парадигмага күчүе нәтижәсе булып тора.

Бу очракта үзләрендә һәртөрле мәгълүматны, модаллек һәм экспрессивлык һ.б. мәгънә төсмерләрен ташыган фигыльләрне, аерым алганда затланышсыз фигыль формаларын өйрәнү аеруча әһәмияткә ия. Алар татар теле диалектлары материалы нигезендә функциональ аспектта жентекле тикшерелгән булуга карамастан, татар әдәби теле

тарихына караган хезмәтләрдә фрагментар рәвештә генә тасвирланалар, яки авторлар әлеге берәмлекләргә телгә алу белү генә чикләнәләр. Шуңа күрә вакытта татар әдәби телендә төрле тарихи чорларда кулланылган фигыль формаларын күрсәтелгән аспектта өйрәнү аның торышын тарихи үсеш-үзгәрештә тулырак күзалларга мөмкинлек бирер иде.

Хәзерге татар тел белемендә инфинитив исем астында эш-хәрәкәтне субъектка һәм зат, сан, заман категорияләренә бәйсез рәвештә атап килгән затланышсыз фигыль формасы карала. Морфологик планда ул барлыкта-юклыкта килә һәм юнәлеш кушымчаларын ала. Бүгенге көндә татар теле диалектларында инфинитивның сиез формасы кулланыла [Юсупов 2004: 190–240].

Әдәби телдә аның *-(ы)рга* кушымчасы ярдәмендә ясалган формасы норма буларак аерып чыгарыла [Татар грамматикасы 2016: 258–260]. Әлеге затланышсыз фигыльнең төрле дәрәжәдә XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар әдәби телендә дә кулланылуы күзәтелә. Шунның белән бергә татар мәгърифәтчелек прозасы әсәрләрендә аны күпчелек очракта *-мак* кушымчалы исем фигыльләр алыштырып килә [Мирхаев 2021: 45–46].

М. Акъегетнең “Хисаметдин менла” романында *-(ы)рга* кушымчалы инфинитив формасындагы фигыльләр сирәк очрый. Автор аларны персонажлар сөйләмендә генә һәм нигездә хәрәкәт фигыльләре белән бергә куллана. Бу очракта ул башка эш-хәрәкәтнең максатын белдереп килә: – *Менла син*

улымның хәлене белергә күптән килмисең. – Хәзердә хәл белергә килдем, абыстай [Акъегет 1886: 48]; – Син кайда болай бик иртә барасың тутай? – сурды яшьрәк кадын. – Икмәкләремне пичкә куйганда көрәгем ярылды, көрәк сорарга барамын, – жавапланды карт кадын [Акъегет 1886: 51].

3. Бигиев романнарында *-(ы)рга* кушымчалы инфинитив формасындагы фигыльләр автор сөйләмендә дә, персонажлар сөйләмендә дә очрый. Биредә ул нигездә башка фигыльләр һәм модаль сүзләр белән бергә түбәндәге очрақларда кулланыла:

1) күчемле фигыльләр белән бергә алардан аңлашылган эш-хәрәкәтнең кыек объектын күрсәткәндә: *Жәмгъ улмыш жәмәгать номер эченә керергә нә кадәр касд итделәр исә дә, – [Бигиев 1887: 4]; Әфәндем, сезне бер адәм күрергә эстәйур, кертергә рөхсәт бармы? [Бигиев 1887: 10]; Берәз сабыр кылыңыз, ат йигәргә куштыраем, ат илә кайтырсыз [Бигиев 1887: 13]; – ләкин мин үз тарафымдан бу шәкердкә дамелла Габделкәрим хәзрәт мәдрәсәсенә керергә мәслихәт кылыр идем [Бигиев, 1890: 10]; Маһруй Ягубдан бөйләчә салкын сүзләр ишәдергә зан кылмаган иде [Бигиев 1890: 18]; – зинһар, карт көнемдә юк нәрсәләрдә хәвәфләнәдермә, нә кылаем, следовательгә нә тарика жаваб бирергә мәслихәт кыласың? [Бигиев 1890: 31];*

2) хәрәкәт фигыльләре белән бергә алардан аңлашылган эш-хәрәкәтнең башкарылу максаты турында язганда: *Муса әфәнденең хәлене белергә һәр көн килийурлар [Бигиев 1887:*

35]; *Кэзалик Габденнэсыр эфэнденең яшь хадиме сыщик господин Иванов да Самарга, Габденнэсыр эфэндейә вәгъдә кылдыгы кеби, хезмәт кылырга китде* [Бигиев 1887: 62]; *Мин өйдән киткәндә дә эчәргә китеп калды* [Бигиев 1890: 47]; *Анлар өйгә ашарга килгәч, –* [Бигиев 1890: 71];

3) *кирәк* модаль сүзе белән бергә үтәләше зарур булган эш-хәрәкәт турында сөйләгәндә: *Каен әткәеңезгә хәбәр итәргә кирәк* [Бигиев 1887: 16]; *Юк, бара алмамыз, чөнки тән буге йокламадык, берәз ятып йокларга кирәк* [Бигиев 1887: 17]; *Табибкә әйтергә, белдерергә кирәк* [Бигиев 1890: 56]; *Менә минем үзем тора торган бүлмәләрдә тәрәзәләрне буярга кирәк* [Бигиев 1890: 71];

4) *мөмкин* модаль сүзе белән бергә мөмкинлек мәгънә төсмере белән баетылган эш-хәрәкәтне белдергәндә: *Әгәр дә эстәсәң, мин балаңы воспитательный өйгә дә итәрмен, яки башка йиргә дә ташларга мөмкин* [Бигиев 1890: 19]; *Синең хуҗаң малдар кеше, сездән күп алырга да мөмкин, –* [Бигиев 1890: 21].

Шуның белән бергә язучының “Гөнаһе кәбаир” романында *-(ы)рга* кушымчалы инфинитив формасындагы фигыльләрнең мөстәкыйль кулланылыш очраklары да теркәлдә. Әлеге алымга автор персонажларның эчке психологик халәтен тасвирлаганда мөрәҗәгать итә: *“Кайдан икән акча алырга? Ничек икән бай булырга?” – дийү ачлык хәсрәтендә улып, Мәмәт илә Габделгафур сөйләшәп утырырларкән, ---* [Бигиев 1890: 52].

Р.Фәхретдин романнарында *-(ы)рга* кушымчалы инфинитив формасындагы фигыльләр шулай ук автор сөйләмендә дә, персонажлар сөйләмендә дә очрыйлар. Биредә алар башка фигыльләр һәм модаль сүзләр белән бергә түбәндәге максатларда кулланылалар:

1) *башлау* фигыле белән бергә *-а* кушымчалы хэл фигыльләр урынында: *Бу сәгатдә игътикад вә фикеремнең хата идегене гүзәл аңлап, үз-үземә шелтә идәргә вә тәәссеф кылырга башладым* [Фәхретдинев 1899: 20]; *Сәлимә туташ илә анасы алыш-вирешләрне низамга салып, сәүдәләрене мөкәммәл сурәтдә идарә итәргә башламышлар* [Фәхретдинев 1899: 34]; *Әхмәд агай бәнем янымарак килеп, ачы давыш илә бөйлә сөйләргә башлады* [Фәхретдинев 1903: 80]; *Күп вакыт үтмәде, хәзрәт килеп, дәрәс бирергә башлады* [Фәхретдинев 1903: 84];

2) күчемле фигыльләр белән бергә алардан аңлашылган эш-хәрәкәтнең кыек объектын күрсәтү өчен: *Бунлар арасына төшәргә рус вә нимсәләрнең йөрәкләре, әрмән вә яһүдиләрнең гайрәтләре йитмәз иде* [Фәхретдинев 1899: 11]; *Бу вакытда бер хәлгә төшдем ки, бәян кылырга көчем йитмәз –* [Фәхретдинев 1899: 36]; *Әтрафында улан меллалар һәр нә кадәр Гайшә абыстайда күңелләре улмакда исә дә, бөйлә фикерләренә аңладырга жәсарәт идә алмазлар иде* [Фәхретдинев 1903: 42]; *Балаларының намаз укып йөргәнәне күргән соң, ата вә аналары һәм укырга гадәтләнгәнләр* [Фәхретдинев 1903: 82];

3) хәрәкәт фигыльләре белән бергә алардан аңлашылган эш-хәрәкәтнең башкарылу максаты турында язганда: *Мәгәр дә конторга вардыгым илә бер груһ халык бәне каршы алып, озадырга килдекләрене вә бәнем ичүн билет алып урын хәзерләдекләрене бәян итделәр* [Фәхретдинев 1899: 9]; *Юкса, дәрес ишедергә килдеңезме?* [Фәхретдинев 1903: 84]; *Яңлышмаз исәм, ибдәшләрең илә Казан шәһәренә укырга китдегең вакытда исәнләшдегемез сәгатьдә син вирдең!..* [Фәхретдинев 1903: 130];

4) *тиешле, тиеш* модаль сүзләре белән бергә башкарылырга тиеш булган эш-хәрәкәт турында язганда: *Юлбашчыларымыз исә ислам гыйлеме илә замана әхвалене фәлсәфәсе илә белгән затлар улырга тиешледер* [Фәхретдин 1899: 10]; *Һәрвакытта хатынларны ригая идәргә вә анларга ярдәм вә мәрхәмәт кылырга тиешле,* – [Фәхретдинев 1899: 16]; *Бунсы мантыйкка маһир булырга тиеш* [Фәхретдинев 1903: 27]; – *утны очкын вакытында сүндерергә тиеш!* [Фәхретдинев 1903: 99–100];

5) *кирәк* модаль сүзе белән бергә үтәләше зарур булган эш-хәрәкәт турында сөйләгәндә: *Казандан берәр йөзне алдырып куярга кирәк!* [Фәхретдин 1903: 31]; *Бундан башка йорт хезмәтләре күп, сабан сөрүчеләргә икмәк пешерергә кирәк,* – [Фәхретдин 1903: 106].

Йомгаклап әйткәндә, татар мәгърифәтчелек прозасы әсәрләреннән алынган фактик материал *-(ы)рга* кушымчалы инфинитив формасындагы фигыльләренң, активлыклары

ягыннан ул кадәр аерылып тормавына карамастан, XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар әдәби телендә бай функциональ-стилистик потенциалга ия булгалыгын күрсәтеп тора. Аерым алганда, алар әдәби текстларда объект һәм максат мөнәсәбәтләрен, мөмкинлек, тиешлек һәм зарурлык кебек модаль мәгънә төсмерләрен белдерү өчен кулланылалар.

Әдәбият

Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя / М.Акъегет. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.

Бигиев З. Өлүф, яки гүзәл кыз Хәдичә. Роман / З.Бигиев. – Казан: типогр. Г.М.Вечеслава, 1887. – 77 б.

Бигиев З. Гөнаһе кәбаир. Роман / З.Бигиев. – Казан: типогр. Г.М. Вечеслава, 1890. – 72 б.

Мирхаев Р.Ф. Имя действия в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века: функционально-стилистический анализ / Р.Ф.Мирхаев, И.Б.Баширова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. – Т.14. Вып. 1. – С.44-48.

Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев. – тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 432 б.

Фәхретдинев Р. Сәлимә яки гыйффәт. Гафил бән Габдулла әсәре уларак бер хикәятдер / Р.Фәхретдинев. – Казан: типогр. Б.Л. Домбровского, 1899. – 80 б.

Фәхретдинев Р. Әсма яки гамәл вә жәза / Р.Фәхретдинов. – Оренбург: типогр. М.-Ф.Г.Каримова, 1903. – 130 б.

Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф.Ю.Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.

Мубаракшина Анастасия Михайловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК УДК 811.161.1

Типы гороскопического текста

*астрологический дискурс, гороскоп, прогностический текст,
тематическая классификация*

С древнейших времен человек пытается постичь глубины мироустройства и путем несложных манипуляций научиться влиять силой собственного духа или ресурсами “тонкой материи” на материальные аспекты бытия. Эти основания обуславливают развитие и распространение, например, астрологического, магического и профетрического видов дискурса.

Еще в дохристианскую эпоху правители великих государств не предпринимали попыток вторжения на территорию врага без консультации со звездочетом. Религиозные верования со временем еще больше внушили людям предрасположенность их поступков и предопределенность их судьбы. Данный факт обуславливает широкое распространение разного рода гороскопов в современных средствах массовой информации.

Как известно, гороскопы ориентируются на зодиакальный круг, состоящий в данный момент уже из 13 знаков Зодиака. Помимо всем известных нативов, современные астрологи выделяют еще знак Змееносца, который выпадает на период с 27

ноября по 17 декабря, однако в гороскопических прогнозах он описывается далеко не всеми. Необходимо отметить, что данный знак уже закрепился в сознании реципиентов особым образом: “к этой когорте относят только яркие личности, умеющие совершать поступки, изменившие историю, создавать картины, музыку, предметы искусства” [Perspective Vitae, URL]. Появление “новшеств” в Зодиакальной картине мира обуславливает необходимость расширения диапазона гороскопических текстов для носителей нового знака.

Стоит отметить, что гороскоп, как правило, является универсальным путеводителем для его читателей. В нашей работе под гороскопом мы понимаем текст, который “содержит краткосрочный или долговременный прогноз ожидаемых событий в жизни человека, сопровождаемый рекомендациями по усилению эффекта от положительных сценариев и избежанию негативных последствий при неблагоприятном развитии событий” [Мубаракшина 2021: 78].

Многообразие сфер человеческой деятельности, а также наличие “разномастной” читательской аудитории обуславливает различные типы гороскопического текста, то есть порождает классификации их по различным основаниям. Так, в соответствии с типом адресата выделяют: 1) гороскопы для молодежи; 2) гендерно направленные (преимущественно женские) гороскопы; 3) специальные астрологические прогнозы [Таюпова 2010: 356]. Второй тип гороскопа обусловлен стереотипом, свя-

занным с тем, что астрологией увлекаются преимущественно женщины.

Похожие основания имеются у классификации Е.Н.Азначаевой, которая выделяет любительские гороскопы и прогнозы для людей, обладающих некоторыми специальными знаниями (эзотерические гороскопы). Последние характеризуются большим объемом и наличием специальной терминологии [Азначеева 2011: 12].

Опираясь на форму подачи материала, Е.Р.Савицкайте предлагает классифицировать тексты гороскопа на вербальные, то есть классические в нашем понимании, невербальные, а также креолизованные, представляющие собой синтез словесной и иллюстративной составляющей [Савицкайте 2006: 9].

Невербальные гороскопы имеют обычно вид таблиц, графиков с характерными общепринятыми символами, например, сердце для обозначения любовной сферы отношений. Данный вид гороскопа не содержит комментариев и является менее востребованным, поскольку не дает рекомендаций для действий, а лишь указывает на вектор предстоящих событий.

Креолизованные тексты стали популярными лишь в конце XX века с развитием технических возможностей средств массовой информации. Данный гороскоп способствует созданию целостного образа в процессе интерпретации вербальной составляющей вкупе с иллюстративным контентом.

Немецкий исследователь Г.Зельманн-Гольцманн соотносит тексты гороскопов с видами астрологии: вульгарные, серьезные и популяризованные [Furthmann 2006: 50].

Серьезные гороскопы призваны решать те же задачи, что и психология, то есть давать практические советы в решении насущных вопросов.

Популяризованные тексты являются атрибутом СМИ и, как правило, носят развлекательный характер, поскольку рассчитаны на массовую аудиторию и не учитывают индивидуальных конфигураций относительно расположения небесных светил и даты рождения.

Вульгарные гороскопы максимально абстрактны и ориентируются в основном на общепринятые когнитивные доминанты при характеристике знаков Зодиака. Данный факт обуславливает гипертрофированную распространенность такого рода гороскопов в медиапространстве и минимальную степень доверия со стороны реципиентов.

Таким образом, классификации типов гороскопического текста не ограничиваются лишь тематической направленностью, но в то же время могут учитывать все основания для жанровой классификации в любом типе дискурса: потенциальную аудиторию, степень актуальности, научности, тематику сфер жизни человека и т.д. Упомянутые классификации лишь подтверждают факт недостаточной изученности гороскопического текста как языкового феномена.

Литература

Азначеева Е.Н. Лингвопрагматические особенности текстов астропрогнозов / Е.Н.Азначеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №10 (225). – Филология. Искусствоведение. Вып. 52. – С.11-15.

Мубаракшина А.М. Суггестивный потенциал гороскопического текста / А.М.Мубаракшина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2021. – №1(63). – С.77-83.

Савицкайте Е.Р. Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.Р.Савицкайте. – Воронеж, 2006. – 239 с.

Таюпова О.И. Сущность коммуникативно-прагматической нормы гороскопов / О.И.Таюпова, М.В.Богодерова // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2010. – Т.15. №2. – С.356-359.

Furthmann K. Die Sterne lügen nicht: eine linguistische Analyse der Textsorte Pressehoroskop / K.Furthmann. – Göttingen: V&R uni-press, 2006. – 546 S.

Perspective Vitae. URL: <https://pearative.ru/stati/13-znak-zodiakazmeenosecz/> (Дата обращения: 31.10.2021).

Мухаматьянова Мария Ивановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.161.1

“Температурные прилагательные”

в семантическом пространстве художественного текста

*перцептивные прилагательные, образность,
метафоризация, синестетический перенос*

Естественный язык включает в себя не только представления и понятия, но и эмоциональные концепты, в которых находят свое отражение эстетические оценки носителей языка. В настоящем исследовании класс перцептивных прилагательных рассматривается как неотъемлемый компонент создания эстетического образа в художественном тексте. Перцептивные адъективы, имея высокий потенциал к метафоризации, зачастую выступают инструментом передачи авторской идеи в литературном произведении.

Предметом непосредственного лингвистического анализа выступили прилагательные осязательного восприятия, обозначающие температурные признаки, в аспекте их эстетических свойств.

Цель работы – рассмотреть типы метафорических переносов и стилистические возможности адъективных слов данной лексической подгруппы.

Иллюстративным материалом для исследования послужили примеры из “Национального корпуса русского языка”.

Главной семантической особенностью эстетического значения является смысловая многоплановость. Так, А.А.Зайнульдинов пишет: “Эстетическое значение – термин, которым мы обозначаем различные типы индивидуально-авторских значений, их оттенки, эмоционально-экспрессивные, эмоционально-оценочные сдвиги в смысловой структуре слова. Многоплановость и символические возможности слов с эстетическим значением раскрываются в лингвистическом (языковом) и идейно-художественном (экстралингвистическом) контекстах” [Зайнульдинов 2009: 29]. Подобное динамическое употребление слова позволяет давать выход чувствам и эмоциям человека, создавать настроение, побуждать людей к каким-либо действиям и, тем самым, формирует образность художественного текста. Основным законом переноса выступает метафора, которая называет признак предмета опосредованно, через образ-символ, существующий в языковой картине мира носителей данного языка.

Невозможно переоценить стилистические возможности перцептивных прилагательных как источника речевой экспрессии в художественном тексте. Имена прилагательные по сравнению с существительными чаще актуализируют переносные и метафорические значения.

“Температурные метафоры” в наибольшей мере соответствуют потребностям смыслообразования художественного тек-

ста. Приведем развернутые контексты с адъективами, выражающими температурные признаки:

*Это вдруг с той стороны улицы от садов и гор налетел **теплый** нежный ветерок и принес целое облако, пахнущее дымом и яблоками* (Ю.Домбровский. Хранитель древностей).

Вызывает интерес факт семантического сдвига относительного прилагательного *родниковый* в следующем контексте:

*В столовой со свежих букетов падали на скатерть капли воды. **Родниковый** ветер продувал комнату. Полчаса назад он пролетел над Севастополем, над морем; в нем даже слышался запах водорослей, соли, женских ладоней* (К. Паустовский. Блистающие облака).

В словосочетании *родниковый ветер* относительное прилагательное становится качественным и приобретает значение "прохладный, свежий". Однако в толковых словарях такое значение слова *родниковый* не зафиксировано, поэтому в данном описании оно получает новое, метафорическое, индивидуально-авторское значение.

Особый интерес представляет оксюморон – стилистический прием, сочетание слов с противоположным значением, например: *грустная радость* [Евгеньева 1999: 613].

*Кожа на щеках и скулах странно натянулась, **ледяной огонь** моментально разлился и в ноги, и в голову* (В.Солоухин. Капля росы).

Мы любим всё — и жар холодных числ, и дар божественных видений (А.Блок. Скифы).

В художественных произведениях температурные метафоры часто используются для описания внутренних качеств героя:

*Суворин-фис очень **теплый** парень. С ним можешь быть вполне откровенен, он не продаст* (А.П.Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову).

***Душный** человек, когда он заходит в комнату, цветы вянут от аромата занудства. Душный человек – это сразу крест* (Т.Каверина. Душнила).

Прилагательное *жгучий* в метафорическом словоупотреблении актуализирует значение “мучительный, переживаемый остро”:

*Дома ждет его зрелище, полное **жгучего**, непереносимого отчаяния* (М.Е.Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы)

*Теперь-то я уверен, что он не хотел этой своей шуткой оскорбить или унижить меня, но тогда я почувствовал **жгучий** стыд и впервые враждебность к этому славному парню.*

Таким образом, адъектив *жгучий* используется в наименовании таких чувств и эмоциональных состояний, как горе, раскаяние, отчаяние, стыд.

А.Х.Мерзлякова подчеркивает, что для прилагательных поля “Температура” характерно развитие синестетических переносов. Так, температурные адъективы приобретают новые значения в характеристике зрительно воспринимаемых и слуховых признаков [Мерзлякова 2003: 65]. Автор отмечает, что в

русском языке не наблюдается перенос температурных признаков в сферу вкусовых и одоративных.

В следующем примере можно наблюдать перенос по модели “температура – слух” для положительной характеристики героя.

*Совсем большой и, кажется, красивый — вон какой у него лоб умный и какой **горячий** голос!* (В.Панова. Евдокия).

Прилагательное *ледяной*, наоборот, характеризует голос человека, который приносит те новости, которые воспринимаются человеком с болью и грустью. Например:

*Известно ли ему о вчерашнем убийстве двух подростков? **Ледяной** голос снизу: — Да, известно* (А.Толстой. Хожение по мукам).

При синестетическом переносе “температура – цвет” такие прилагательные, как *теплый, горячий, жгучий*, обычно используется для обозначения желтого, оранжевого, красного цветов, тогда как *прохладный, ледяной, холодный* – для синего, голубого, зеленого:

*Сначала Свет превратился в **огненный, горячий** (красный) цвет, далее, по убывающей, **тёплые** цвета (оранжевый и жёлтый), далее соединение тепла с прохладой (зелёный), далее, по нарастающей (голубой, синий, фиолетовый), **холодные** цвета* (Л.Васильева, В.Правоторов. Весть Василисы, или тайна, открытая всем).

Таким образом, номинативное значение перцептивных прилагательных часто становится основой для индивидуально-

авторских метафорических переносов. Адъективы, обозначающие температурные признаки в переносном значении, используются в художественном тексте как яркое изобразительно-выразительное средство.

Литература

Зайнульдинов А.А. К вопросу о соотношении семантических категорий: экспрессивность, эмоциональность, эмоциональная оценочность / А.А.Зальнутдинов // Мир русского слова. – 2009. – №2. – С.28-34.

Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля “Восприятие” (на материале английского русского и французского языков) / А.Х.Мерзлякова. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2012. – 352 с.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // Информационно-справочная система. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 29.10.2021).

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т.2. – 736 с.

Набиуллина Гузель Амировна

Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ

Камалова Венера Михайловна

Детский сад № 379 комбинированного вида

с воспитанием и обучением на татарском языке г.Казани

УДК 81

Мәктәпкәчә яшьтәге билингваль балалар сөйләме:

грамматик интерференция очракларына күзәтү

балалар сөйләме, татар теле, рус-татар икетеллелеге,

грамматик интерференция, сөйләм хаталары

Балалар сөйләме проблемасы элек-электән татар-рус икетеллек шартларында Татарстан төбәгендә аеруча актуаль. Бүген Татарстанда барлык татарлар да диярлек рус телен белә, ә рус халкының бер өлеше татар телен белә. Бу планда татар-рус теле шартларында балалар сөйләмен өйрәнү зур кызыксыну уята. Шул уңайдан әлегә мәкаләнең максаты булып билингваль балаларның татар телендәге гадәти-көнкүреш сөйләмен өйрәнү тора. Билингваль балаларның туган телендә ике тел арасында интерференция күренешен, аерым алганда, рус теленең грамматик элементларын куллану проблемасын өйрәнү аеруча мөһим [Белем 2000]. Тикшеренү эшендә Казан шәһәре Идел буе районының “Татар телендә тәрбия һәм белем бирүче катнаш төрдәге 379нчы номерлы балалар бакчасы” Муниципаль автономияле мәктәпкәчә белем учреждениесендә

тәрбияләнүче 5-6 яшьлек билингваль татар балалары информант буларак катнаштылар.

Туган телгә мөнәсәбәт балачакта ук формалаша. Аның ярдәмендә бала мәдәни гореф-гадәтләрне һәм нормаларны үзләштерә, мәгълүмат ала һәм башка кешеләр белән аралаша. Телне билингваль мохитта укытканда, бала аңына ике тел системасы турында күзаллаулар салына. Шулай ук билингвизм тел компетентлыгы үсешенә уңай йогынты ясавын да билгеләп үтәргә кирәк. О.В.Бернгард язганча, билингваль бала дөньяга уникаль карашка ия. Аны кабул итүдә берничә культураны берләштерү чагылыш таба. Бу уникальлек, беренче чиратта, тел дәрәжәсендә чагыла, шул рәвешле, тел баланың күпмәдәниятен чагылдыра [Бернгард 2009].

Татар-рус икетеллелек шартларында төрле структуралы, типологик төрле телләр: коллектив рус һәм аглютинатив татар телләре үзара бәйләнештә тора. Бу исә татар теленең рус теленә дә, рус теленең дә татар теленә дә йогынтысы турында сөйли. Нәтижәдә телнең барлык дәрәжәләрендә дә ике яклы интерференция барлыкка килә. Бигрәк тә безнең төбәк шартларында рус теле йогынтысында татар телендә структур грамматик үзгәрешләр бара, нәтижәдә, балалар сөйләмдә төрле сөйләм хаталары барлыкка килә.

Татар телен гамәли үзләштерү процессына бәйле сөйләм хаталары ачыкланды.

Грамматик категорияләрнең өлкәсендәге хаталар еш кына татар теленең грамматик формаларын куллану яки кулланмау

белән бәйле. Бу иң беренче чиратта килешләрне дәрәс кулланмау белән бәйле: Мин дуслым күрдәм. Без дуслар белән театрда бардык. Мин Сөембикә манарасыда, Казан Кремледә булдым. Мин ул белән аралашырга яратам.

Юнәлеш килеше урынына урын-вакыт килешен куллану: Корзиналарда күп тутыралар кишерләрне.

Рус теленең күплек санын татар сүзләренә кушып әйтү: күкәйки, песики, чебики. Мәсәлән: Аларны күкәйки собирают. Авылда песики есть.

Татар теленең күплек санын рус сүзләренә кушып әйтү: воспитательләр, подружкалар. Мәсәлән: Аннары воспитательләр килә.

Иялек килеше урынына -ныкы/-неке кушымчасы куллану: (дәүәтиемнеке исеме, әниемнеке эштә) Мәсәлән: Дәүәтиемнеке исеме – Фәрит, әтиемнеке – Рифат.

Тиңдәш кисәкләрне рус теркәгечләре белән куллану: Авылда сыерлар и тавыклар бар.

Фигыльләрнең заман һәм аналитик формаларын дәрәс кулланмауга бәйле хаталар очрый: Мин Тукай музеенда булганмын. Мин дәүәти балыкка барган бар. Алар инглиз телен өйрәнергә башлаганнар.

Татар жөмләсен төзүдә сөйләм хаталары жөмләнең структур схемасын дәрәс сайламау, синтаксик берәмлекләрнең бөйләнеш чараларын дәрәс кулланмау (яки бөтенләй кулланмау) белән бәйле. Мәсәлән, Ул китапханәгә барасы бар. Мин кибеткә барырга кирәк. Син нәрсә кирәк? Дуслымның сөйләүне

шатланып тыңладым. Мин спорт, музыка һәм тарих өчен кызыксынам.

1) Жәмләдәге сүз тәртибе бозыла: Дәүәниләрнең абзарда күп хайваннары. Бауман урамы, Курчак театры – минем иң яраткан урыннар Казанда. Хәбәр еш кына жәмлә башында кулланыла: Жыя малай кәбестә. Яшим мин Казанда.

2) Катлаулы жәмләләр рус теле үрнәкләре буенча формалаша: Когда воспитатель безгә уенчыклар жыярга әйтә, без уенчыклар жыябыз; Бүген мин күрдем кешеләрне, ничек алар эшкә баралар, ничек машиналарга утырып китәләр. Мин авылга вообще кайтырга яратмыйм, потому что андагы дәүәнием рано встает и миңга йокларга мешать итә.

3) Туры сөйләмнең дәрәс төзелмәве. Мәсәлән: Айнур Камиләгә: “Алманы сөртеп, менә шулай кәрзингә жый” әйтә.

Шулай итеп, балалар сөйләменең грамматик (морфологик һәм синтаксик) интерференциясе морфологик категорияләрнең туры килмәве (рус телендәге род категориясе - татар телендәге тартым категориясе; килеш, тартым, залог категорияләрендә аермалыклар) һәм синтаксик структураларның формаль оешмасында аермалар (татар теленең аналитик конструкциясе, сүзләр бәйләнешендәге типологик аермалар һ.б.) белән аңлатыла.

Әдәбият

Белем бирү һәм тәрбия процессында милли төбәк компоненты: балалар бакчалары тәрбиячеләре, татар телен

өйрәтүче тәрбиячеләр, башлангыч сыйныф укытучылары өчен методик кулланма / Төз.: З. М. Зарипова, ижади төркем. – Яр Чаллы, 2000. – 70 б.

Бернгардт О.В. Речь ребенка-билингва как предмет лексико-графического описания (ситуация русско-немецкого двуязычия): автореферат дис. ... канд. филол. наук / О.В.Бернгардт. – Ярославль, 2009.

Лексика одежды в татарском языке

*татарский язык, лексика одежды, этимология,
словообразовательные модели*

В последние годы все больше внимания обращается на изучение словарного состава татарского языка, лексики материальной и духовной культуры, этнокультурной лексики, в том числе названий одежды.

Исследовательский интерес к лексике, номинирующей и характеризующей одежду, определяется следующими обстоятельствами: во-первых, этот пласт тесно связан с практической и духовной жизнью человека, поэтому его изучение приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития этноса; во-вторых, описание данной лексики в виде лексико-семантического поля позволяет наиболее полно представить лексическое богатство языка.

Материалы для исследования были извлечены из толковых словарей татарского языка [Толковый словарь татарского языка 2005; Толковый словарь татарского языка 1977, 1979, 1981]; некоторые данные получены из этимологических словарей [Ахметьянов 2015; Этимологический словарь Крылова; Этимологический словарь Фасмера].

В настоящем исследовании семантическое поле “одежда” представлено на материале более 200 лексических единиц татарского языка. Большинство из них достаточно активно используется в наше время, однако среди них встречаются и устаревшие слова.

Генетические слои данных лексем разнообразны: среди них большое количество собственно татарских слов, однако встречаются и заимствования из других языков.

Для удобства восприятия фактического материала данные единицы целесообразно разделить на четыре микрополя: названия головных уборов, названия одежды, названия обуви и одежды для рук.

В микрополе “Названия головных уборов” входит около 50 лексем: *башлык* (вязаная шапка), *бөркәнчек* (покрывало, фата), *бүрек* (шапка), *калпак* (шапочка; поварский колпак), *калфак* (национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом), *кәләпүш* (ермолка, тюбетейка), *кушъяулык* (двойной платок, т.е. длина которого в два раза превосходит ширину), *кыекча* (косынка), *малахай* (шапка), *өрпәк* (прозрачная косынка), *түбәтәй* (тюбетейка, ермолка), *хиҗап* (вуаль, покрывало, чадра, паранджа), *чадра* (покрывало для лица у женщин-мусульманок), *чалма* (чалма, тюрбан – головной убор из ткани, который обёртывается вокруг головы), *шәл* (шаль), *шәляулык* (платок, преимущественно с крупными цветами и чуть больше обычного), *эшләпә* (шляпа), *яулык* (платок) и др. Среди данных предметов имеются повседневные женские

(*яулык, косынка, шәл*) и мужские (*бүрек, кепка, эшләпә*), военные (*каска, шлем, шишак, пилотка*), религиозные (*чадра, хижап, чалма*) и т.п. головные уборы. Естественно, некоторые названия перешли в разряд устаревших (*тастар, такыя, кушъяулык, картуз, капор, шишак* и т.п.).

Микрополе "Названия верхней одежды и их отдельных частей" состоит из 110 лексем. Данное микрополе условно можно разделить на несколько подгрупп.

Названия легкой (летней) верхней одежды: *кулмәк* (платье или рубашка), *камзул* (камзол), *казаки* (казакин, поддёвка), *жилән* (джилян, азам – летнее пальто без подкладки), *чапан* (верхняя одежда в виде халата), *жәббә* (халат из шелковой ткани), *ихрам* (одежда, надеваемая паломниками при вступлении на священную землю), *кәрти* (жилет стёганный или из меха); *жакет, свитер, трико, чалбар* (брюки), *галифе; итәк* (юбка), *фижма* и т.п.

Названия зимней и демисезонной одежды: *бишмәт* (бешмет, пальто), *чикмән* (чекмень, армяк, зипун), *әрмәк* (армяк), *күшәгә* (халат, верхняя легкая одежда), *тун* (шуба), *кәле* (стёганный из шерсти кудрявого барана бешмет или шуба из меха верблюженка), *толып* (тулуп), *куртка, тужурка, кожанка, вельветка, телогрейка* и т.п.

Также в отдельную группу можно выделить названия белья и отдельных частей верхней одежды: *бандаж, корсет, майка, күкрәкчә* (нагрудник), *кальсон* и т.п.; *изү* (нагрудник; вырез рубашки), *алтакта* (передняя часть одежды),

арттакта (задняя часть одежды), *яка* (воротник), *эзэр* (пояс), *арка* (спинка), *балитэк-бала итэк* (оборки платья), *билбау* (пояс), *кэмэр* (пояс), *каеш* (ремень), *пута* (пояс), *кесэ* (карман), *балак* (штанина), *жиң* (рукав) и т.п.

В микрополе “Названия обуви и их отдельных частей” входит около 50 лексем: *башмак* (тапочки), *бурка* (бурки), *бутый* (боты), *ботинка* (ботинки), *галош / калош* (галоша), *гетр* (гетры), *босоножка* (босоножки), *итек* (сапоги), *ката* (короткие валенки, коты), *кеда* (кеды), *киез итек* (валенки), *краги*, *кэвеш* (обувь из мягкой кожи, надеваемая, как правило, поверх ичигов; ботинки без шнурков), *оек* (чулки), *оекбаш* (носки), *пима* (валенки, пимы), *читек-кэвеш* (собир. всякая обувь, ичиги-галоши, сапожки-коты), *читек-ката* (собир. ичиги-коты), *сандал* (сандали), *чабата* (лапти), *читек* (ичиги), *тапочка* (тапочки) и т.п. Названия отдельных частей обуви: *алкын* (подъем сапога), *набойка*, *олтан* (подошва), *табанча* (заплата на подошву), *будыргыч* (резинка), *куныч* (голенище), *үкчэ* (каблук), *табан* (подошва), *күтэртмэ* (деревянные чурочки-подставки, прикрепляемые к лаптям в период образования талых вод, чтобы не промочить ноги) и т.п.

Микрополе “Названия одежды для рук и их отдельных частей” – самое малочисленное, в него входит 10 единиц: *биялэй* (варежки), *перчатка* (перчатки), *бишбармак* (перчатки), *жиңсэ* (нарукавник), *белэксэ* (нарукавник-опястье, надеваемое на пясть во время жатвы), *манжет*, *бармакча* (пальчик у перчатки) т.п.

С этимологической точки зрения, в лексике одежды выделяется три пласта: тюрко-татарские слова: *башмак, итек, читек, башлык, бөркәнчек, бүрек, яулык, күлмәк, итәк, түбәтәй, башмак, балак* и др.; арабо-персидские слова: *кәләпүш, чалбар, кесә, хиҗаб, җөббә, ихрам, пәрәнжә* и др.; русские и заимствованные через него европейские слова: *шарф, берет, капор, картуз, каска, каскетка, кепка, фуражка, шишак, бандаж, жилет, камзул, мантия, манто, мундир, пальто, юбка, трико, панталон, кальсон* и т.п.

Описание лексики одежды в виде лексико-семантических полей позволяет расширить представления об объеме семантики слов данной тематической группы, а этимологические наблюдения дают возможность проследить происходящие в ней изменения, а также языковые контакты народов.

По собранному материалу нами определены способы и модели образования названий одежды.

Морфологический способ наиболее продуктивен при образовании новых слов в татарском языке. Однако в системе словообразования названий одежды данный способ не столь популярен.

Проанализировав собранный материал, мы выделили следующие модели образования названий одежды: основа+ча/-чә (*бармак+ча, кыек+ча*), основа+-чык/-чек (*бөркән+чек*), основа+-ым/-ем-м (*ки+ем*), основа+-чын/-чен (*колак+чын*), основа+-са/-сә (*жиң+сә, беләк+сә*) и т.п.

Довольно часто встречаются названия одежды, образо-

ванные синтаксическим способом. Выделено три группы сложных терминов в составе лексики одежды татарского языка:

1) парные слова, к примеру, *итек-читек*, *оек-чабата*, *кием-салым*, *күлмәк-ыштан* – все они обозначают всякую обувь или одежду в совокупности;

2) сложные слова: *оекбаш* (носки), *шәляулык* (большой платок), *кушъяулык* (двойной платок), *бишбармак* (перчатки);

3) составные: *оеклы ыштан* (колготки), *баш киеме* (головной убор), *киез итек* (валенки), *эчке кием* (белье), *күкрәк жылысы* (душагрейка) и т.п.

Наименований одежды, образованных морфологосинтаксическим способом, не так много: *чолгау* “портянка, онуча; обмотка” от глагола *чолгау* “мотать, наматывать, обмотать”.

Названия одежды, образованные лексико-семантическим способом: *арка* “спина, спинка (рубашки, шубы, плаща и т.п.)” – *арка* “спина (у человека, животных; спинка (стула, дивана и т.п.)”; *үкчә* “пятки” – *үкчә* “каблук”; *табан* “ступня” – *табан* “подошва” и т.п.

Исследование названий одежды с точки зрения их производности выявило достаточно большое количество слов, образованных морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим способами.

Исследование показало, что в татарском языке лексика одежды представляет собой обширную тематическую группу, включающую как наименования, сложившиеся в древности, так

и новые лексемы, появление которых связано различными факторами.

Лексико-семантическое своеобразие изучаемой тематической группы состоит в наличии семантического поля "одежда", состоящего из четырех микрополей. Среди лексем имеются тюрко-татарские слова, заимствования из арабского, персидского, русского и европейских языков.

Полученные нами в ходе исследования лексики одежды татарского языка результаты можно использовать при изучении других лексико-тематических групп, при составлении регионального словаря наименований предметов материальной культуры.

Литература

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2-х т. Т.1 (А-Л) / Р.Г.Ахметьянов. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 543 с.; Т.2 (М-Я). – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 567 с.

Толковый словарь татарского языка. – Казань: Дом Прессы, 2005. – 848 с.

Толковый словарь татарского языка. В 3-х т. Т.1. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1977. – 475 с.; Т.2. – Казань: Казань: Татар. книж. изд-во, 1979. – 726 с.; Т.3. – Казань: Казань: Татар. книж. изд-во, 1981. – 832 с.

Этимологический онлайн-словарь русского языка Г.А.Крылова. Режим доступа: URL: <http://enc-dic.com/krylov/>.

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. Режим доступа: URL: <http://enc-dic.com/fasmer/A/>

Рацибурская Лариса Викторовна
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И.Лобачевского
УДК 811.161.1

**Динамические явления в сфере
словообразовательных формантов**

*русский язык, деривация, словообразовательный формант,
словообразовательное значение, синтагматика аффиксов,
интернационализация*

На рубеже XX–XIX веков русский язык, отвечая на цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического развития, что отмечается во многих научных трудах, и в частности в работах Э.А.Балалыкиной [Балалыкина 1985; Балалыкина 2007; Балалыкина 2008]. Современная словообразовательная система имеет динамический характер и отличается “активизацией определенных словообразовательных моделей, явно выраженной установкой на языковую игру, функциональным динамизмом” [Современный 2008: 464]. Динамизм словообразовательной системы современного русского языка проявляется в вовлечении аффиксальных элементов книжного, терминологического характера в создание экспрессивных новообразований. Так, Е.В.Сенько и Т.Г.Цакалиди связывают динамизм книжных

иноязычных аффиксов с расширением их сочетаемости в составе экспрессивно окрашенных новообразований [Сенько 2017]. Кроме того, динамизм словообразовательной системы связан и с появлением новых словообразовательных аффиксов, преимущественно заимствованного характера, что во многом обусловлено процессами интернационализации, “амероглобализации” (Е.И.Коряковцева) в славянских языках.

В начале XXI в. значительно активизировалось в словообразовательных процессах появление аффиксоидов. Так, в связи с достижениями научно-технического прогресса на рубеже XX–XXI вв. активно функционируют греко-латинские по происхождению префиксоиды *нано-*, *кибер-*, *крипто-*. Неодериваты с *нано-* (‘равный миллиардной доле исходной единицы измерения’, ‘имеющий мельчайшие, микроскопические размеры’, ‘связанный с частицами таких размеров’) обычно используются для номинации инновационных технологий и их результатов [Аффиксоиды 2009: 161–162]: ***Наноцеллюлоза*** – *и сделанная из неё нанобумага* – *пользуются повышенным вниманием среди изобретателей миниатюрных устройств* (Наука и жизнь. 12.10.2016); ***Наноробот*** *стреляет в десятку* (Российская газета. 22.11.2016).

“Не секрет, что вне терминологического контекста слово, образованное с помощью префиксоида *нано-*, чаще всего приобретает иронический оттенок, квинтэссенцией которого стало слово ‘бананотехнологии’ (около 80 упоминаний в блогах за 2013 г.)” [Орехов 2014: 288]: *Не придется ли в 2014 году*

*“переклеивать ярлычки” и называть **нанопродукцией** все, что ни выпускается в стране? И жизнь превратится в апофеоз науки. “Налив поутру в **нанобокал нанояблочный наносок**, можно, не торопясь, подобрать под цвет **нанокостюма нанехонький наноносок...**” (Знание – сила, 2008. НКРЯ). Нестандартная сочетаемость префиксоида **нано-** с именами собственными также способствует экспрессивизации новообразований, которые граничат с речевой агрессией: *...правит **нанонародом**, который жрет **нанобананы**, а свои **нано-“Калины”** моет в **наномойке**. И все это – в **нано-России*** (Metro. 28.10.2010).*

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества актуализировался также префиксоид **кибер-** с семантикой ‘относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’ [Аффиксоиды 2009]: *В числе самых перспективных разработок – проект “**Киберсердце**”, с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы* (Патриоты Нижнего, 2017. № 48); *В Сургутском районе стартует **киберолимпиада*** (Сургутинтерновости. 08.11.2018); *В реальной жизни можно стать спортсменом? А в виртуальном мире можно стать **киберспортсменом*** (Livejournal. 20.07.2018); *США и Россия подпи-*

сывают соглашение о создании линии связи по кибербезопасности (ИноСМИ. 18.06.2013).

Новообразования с *кибер-* выполняют не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию, которая обусловлена прежде всего семантикой исходных слов: *Киберугрозы постоянно эволюционируют* (РИА Новости. 10.07.2017); *Киберорда. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (Новая газета. 28.08.2017); *Россия на британские и американские киберобвинения уже отреагировала* (Россия-24. 02.05.2018); *Если есть киберпреступники, то должны быть киберследователи* (Радио России. 18.01.2020); *Киберкриминальный обзор... Все это – дело рук кибервымогателей* (НТВ. 14.05.2021).

В последние годы в связи с распространением криптовалюты возросла продуктивность префиксоида *крипто-* с семантикой 'относящийся к тайному, неявному, скрытому...' [Аффиксоиды 2009: 126]: *Отказавшись от идеи тотального запрета, корейские власти собираются принять ряд жестких мер по деанонимизации крипторынка* (Rusbase. 18.01.2018); *В Госдуме предложили создать крипторубль* (Взгляд. 07.11.2018); *Здание криптофермы уже опечатано* (Россия 1. 23.05.2019).

Оценочность, ироничность новообразований с префиксоидом *крипто-* обусловлена семантикой и оценочностью исходных слов, а также контекстом: *Мир охватила криптолихорад-*

*ка <...> Ушел ли **криптопоезд** для рядовых пользователей? <...> Последний писк **криптомоды** <...> Выделяют даже две группы: **криптоанархисты** <...> и **криптореалисты** (1-й телеканал. 02.07.2017); Понимаю, что у многих **крипто-сектантов** сейчас будет бомбить, но всё же внесу свою лепту и постараюсь на пальцах пояснить, почему у биткоина нет будущего как у криптовалюты (Livejournal. 01.05.2018).*

Кроме аффиксов, характеризующихся функциональным динамизмом, в словообразовательной системе русского языка представлены и новые аффиксы.

В эпоху глобализации, постмодерна и “медийного бума”, когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, “растет спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощенном виде” [Коряковцева 2016: 37]. Для создания негативного имиджа политика, общественно-го деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: **Хилларигейт** покруче **Уотергейта** (Axaг.az. 30.10.2016); **“Трампагейт”** российской блогосферы высветил основной вопрос именно здешнего политикума: зрелость фашистских настроений (Forum.msk.ru. 19.12.2016); Все это, получившее название **Скрипальгейта**, уже порядком надоело (НТВ, 09.02.2019); И что дальше в **новичокгейте**? (Бизнес FM. 07.04.2018); ...**“паспортгейт”** направлен не на Зеленского <...>, а на Порошенко <...>, раздача паспортов РФ на Донбассе не будет массовой (Facebook. 29.04.2019).

Наряду с новыми аффиксоидами, в современном русском языке появляются новые заимствованные аффиксы, хотя этот процесс и не носит столь активного характера.

Так, префикс *мега-* имеет размерно-оценочную семантику и может указывать не только на большой размер денотата (*Плюс, строго рекомендую новый отличный проект министерства обороны "Полководцы Победы: При параде". Представляет из себя **мега-подборку** редких фотографий маршалов и генералов Победы на различных послевоенных парадах // Livejournal. 01.05.2019*), но и на оценку, чаще негативную, которая чаще всего связана производящей семантикой и контекстом: *Небензя назвал происходящее **мегапровокацией*** (Бизнес FM. 06.04.2018); *Это **мегамасштабная** трагедия* (Россия-24. 27.03.2018); *Поговаривают, что израильская школа политической риторики, которой сопровождается проект "Зеленский", настроена на **мегаактивную**, но ювелирную работу по российскому направлению* (Facebook. 29.04.2019).

В процессе словопроизводства переосмысливаются уже существующие аффиксы, в связи с чем изменяется их статус, а также прагматико-стилистические свойства: появляется оценочный компонент в семантике префиксоидов *нано-*, *кибер-*, *крипто-*.

Современные деривационные процессы наглядно демонстрируют формирование новых словообразовательных средств: суффиксоида *-гейт*, префикса *мега-*. Основной источник новых морфем – заимствование, большая часть из них

является по происхождению англицизмами. Значительная часть оценочных словообразовательных средств выражает пейоративную оценку. Свидетельством тому служат медийные новообразования, экспрессивность которых обусловлена необычным стилистическим использованием аффиксов и аффиксоидов греко-латинского и английского происхождения, их нестандартной комбинаторикой.

Литература

Балалыкина Э.А. Русское словообразование / Э.А.Балалыкина, Г.А.Николаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

Балалыкина Э.А. Метаморфозы языкового сознания и их отражение в русском языке в начале XXI века / Э.А.Балалыкина // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.): в 2 т. – Казань: Казан. ун-т, 2007. – Т.2. – С.177–179.

Балалыкина Э.А. Семантические законы и история слов / Э.А.Балалыкина // Языковая семантика и образ мира: материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 20–22 мая 2008 г.): в 2 ч. – Казань: Казан. ун-т, 2008. – Ч.2. – С.214–218.

Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2-х ч. Ч.1 / Е.И.Диброва, Л.Л.Касаткин, Н.А.Николина, И.И.Щеболева; под ред. Е.И.Дибровой. – М.: Академия, 2008. – 480 с.

Козулина Н.А. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А.Козулина, Е.А.Левашов, Е.Н.Шагалова. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 288 с.

Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты) / Е.И.Коряковцева. – Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 152 с.

Орехов Б.В. Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета / Б.В.Орехов // Современный русский язык в интернете / Я.Э.Ахапкина, Е.В.Рахилина. – М.: Языки славянских культур, 2014. – С.281–290.

Сенько Е.В. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса *-ант* в современном русском языке) / Е.В.Сенько, Т.Г.Цикалиди // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №12-1(78). – С.150–154.

Рязанцева Галя Сергеевна

Ижевский государственный технический университет

имени М.Т.Калашникова

УДК 81.11

**О практическом применении
сравнительно-исторического метода**

*сравнительно-исторический метод, этимология, синхрония,
диахрония, многоязычие*

Очевидно, что ещё до того, как в Европе и России были сформулированы основы сравнительно-исторического метода, люди, владевшие двумя и более иностранными языками, прибегали к вольному и невольному сравнению тех языков, на которых они говорили. Не вызывало и тогда сомнения, что слова, обозначающие, например, родственные связи (мать, отец и т.д.), названия некоторых животных и растений, местоимения, имена числительные и др., легко поддаются сравнению, и родство их бесспорно. Сравнение касалось как близкородственных языков, так и дальнего родства в пределах одной языковой семьи.

В начале XIX века немецкие учёные-лингвисты Якоб Гримм, Франц Бопп, датчанин Расмус Раск, русский филолог Александр Христофорович Востоков сформулировали законы и заложили основы сравнительно-исторического метода, систематизировали и классифицировали языки, составили сравни-

тельные ряды и таблицы. Причём в то время сбор данных и проведение сопоставительного и сравнительно-исторического анализа требовали от компаративистов достаточно большого количества времени и кропотливого труда.

Сегодня, когда компьютеры и интернет дают возможность за считанные минуты находить перевод и устанавливать значения слов практически любого языка планеты, а изучение двух и более языков является нормой для современного школьника и студента, процесс языкового сравнения становится более лёгким и быстрым и идёт, что называется, в народ. И тут важно избежать лингвистических ошибок, неправильных толкований и ложных выводов, которые нередко звучат в народных телепередачах и гуляют по интернет-пространству.

Неслучайно появился термин "народная этимология": для неё главным считается созвучное произношение тех или иных слов, а не их сравнительный анализ с опорой на научно доказанные факты и лингвистические законы. Академик Андрей Анатольевич Зализняк предупреждает о такой опасности, называя это "любительской лингвистикой". "Родственные языки, вследствие того, что они испытали разные наборы регулярных фонетических изменений, оказываются связаны между собой регулярными фонетическими соответствиями <...> Родство двух слов из родственных языков проявляется не в том, что они звучат одинаково, а в том, что различия в их звучании подчинены правилам фонетических соответствий" [Зализняк 2010: 73-74]. С другой стороны, такое "хождение в народ" свидетель-

ствуется о большом интересе к происхождению слов и их сопоставлению в различных языках со стороны всех, кто, не будучи лингвистом, интересуется изучением иностранных языков и вообще филологией.

Многие трудности многоязычия снимаются при умелом использовании сравнительно-исторического подхода, в чём, несомненно, должен помочь преподаватель.

Приступая к изучению того или иного языка, важно знать, к какой языковой группе он относится, определить ближайших его родственников. Так, близкородственными являются, например, английский и немецкий языки, оба принадлежащие к германской группе языков. Фонетический закон Якоба Гримма о первом передвижении согласных позволяет провести сравнение (фонетическое и орфографическое) слов данных языков со словами других индоевропейских языков (например, русского, литовского, а также древних языков – латинского, древнегреческого), в то время как его закон о втором передвижении согласных касается сравнения древневерхненемецких диалектов (из которых сложился немецкий литературный язык Hochdeutsch) с другими германскими языками, в частности, английским. Нижненемецких диалектов второе передвижение согласных практически не коснулось, что объясняет их большое сходство с англосаксонским (иначе, древнеанглийским), а позже и с новоанглийским языком.

Современные практикующие лингвисты-преподаватели, полиглоты со знанием более десяти языков, такие как Язгар

Рифович Хайдаров, Дмитрий Юрьевич Петров и другие, пытаются разрабатывать собственные эффективные методики преподавания иностранных языков. Так, Я.Р.Хайдаров разработал методику преподавания трёх языков одновременно (французского, итальянского, испанского – все одной языковой группы), опираясь на сравнительно-исторический метод, “вырабатывая у обучающихся дополнительные ассоциативные связи, помогающие лучше запоминать все грамматические, фонетические, лексические особенности” [Хайдаров 2019: 6]. Хотя эти методики имеют большой успех и цели своей они, в общем, достигают, вряд ли их можно отнести к уникально-инновационным, так как в них взяты за основу хорошо известные принципы компаративистики.

Сравнительно-исторический метод опирается на данные исторического языкознания, исторической фонетики, исторической грамматики, что предполагает сравнительный анализ не только и не столько в синхроническом аспекте, сколько в диахроническом, т.е. в развитии языковых процессов во времени. Идея синхронии и диахронии присутствует также в работах Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, который разделял лингвистику на статическую и динамическую, и Фердинанда де Соссюра, утверждавшего, что “в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого” [Соссюр 2020: 22]. Действительно, многие факты современных языков требуют обращения к их истории и

рассмотрения данных явлений с точки зрения диахронии. Для изучающих, например, французский язык знание исторического процесса появления диакритических знаков и существования их в современных словах может пролить свет на происхождение этих слов, поможет провести параллели с родственными словами в других языках.

Использование сравнительно-исторического метода в обучении иностранным языкам способствует установлению междисциплинарных связей между русским языком, практическим курсом современного иностранного языка (первого и последующих) и древними языками, историей языка, исторической грамматикой и исторической фонетикой, типологией языков и другими предметами.

Литература

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике / А.А.Зализняк. – М.: Русский Миръ: Московские учебники, 2010. – 240 с.

Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. А.М.Сухотина. – М.: Юрайт, 2020. – 303 с.

Хайдаров Я.Р. Изучаем три языка одновременно / Я.Р.Хайдаров. – М.: Флинта, 2019. – 304 с.

Сәгъдиева Рамилә Камиловна

Хөснетдинов Дамир Хәйдәрович

Казан (Идел буе) федераль университеты

УДК 811.512.1

Татар һәм төрек телләрендә үткән заман сыйфат

фигыльләрнең кулланылышы

причастие, татарский язык, турецкий язык,

прошедшее время, форма

Татар халкы тарихына күз салсак, аның жири шарындагы күп халыклар, милләтләр белән аралашып яшәвен күрербез. Ләкин татар дөньясында аларның төрек халкы белән багланышлары аерым урын тотат. Бу багланышлар зур тарихи аралыкны, икътисади, сәяси, дини, мәдәни өлкәләргә үз эченә ала.

Билгеле булганча, татар теле кыпчак төркеменә, ә хәзергә төрек теле угыз төркеменә керә. Үз чиратында, алар икесе дә гарәп һәм фарсы телләргә йогынтысында үсә. Ә инде XIX гасыр башларында татар әдәби телендә угызчылык йогынтысы булып ала. Гомумән, һаман ераккарак киткән саен, татар язма истәлекләрендә угыз элементлары күпләп табыла. Без аны күренекле әдипләребез Муса Акъегет, Утыз Имәни, Гаяз Исхакый, Дәрдемәнд, Габдулла Тукай һәм башка әдипләребез ижатында ачык күрәбез. Шунның белән бәйлә ике телне үзара чагыштырып өйрәнү шактый гына кызыклы нәтижеләр бирә.

Әлеге мәкаләдә татар һәм төрек телләрендәге үткән заман сыйфат фигыль чагыштырыла.

“Сыйфат фигыль – үзәндә сыйфат һәм фигыль билгеләрен берләштерә торган затланышсыз фигыль формасы. Сыйфат фигыль, сыйфаттан аермалы буларак, предметның вакыт эчендә үзгәрә торган билгесен белдерә һәм берничә заман формасына ия” [Тумашева 1972: 138].

Үткән заман сыйфат фигыль предмет билгесен сөйләү моментынан алда үтәлгән эш-хәл буенча белдерә: *үткән юл, килгән кунак; almış elbise* “алган күлмәк”, *okuduk kitaplar* “уқыган китаплар”, *almış olan* “уқыган бала”. Әлеге мисаллардан күренгәнчә, татар телендә үткән заман сыйфат фигыль бер генә форма белән (синтетик), ә төрек телендә ике форма (гади, катлаулы) белән белдерелә.

“Татар телендәге *-ган* формасы, фигыльнең мәгънәсенә карап, үткән һәм хәзерге заманны белдерә ала: *сөйгән кызы* – “аның хәзер сөйгән кызы” һәм “аның кайчандыр сөйгән кызы”, *без укыган китап, ул теккән күлмәк*; ләкин *бакчага караган тәрәзәләр* дигәндә бары тик хәзерге заман гына, ә *өстәлдән төшкән китап, күтәрелгән чирәм* дигәндә бары тик үткән заман гына була” [Тумашева 1986: 80]. *Турысын гына әйткәндә, әни мине узган ел ук өйләндерергә жыенып беткән иде* (Г.Бәширов): *узган ел* – үткән заман. *Күреп торам: аның тез астына салган кулын, сулаганда акрын гына тибрәнгән күкрәген, аз гына югары кайтарылган кара керфекләрен, ә шуларга әүвәлгечә тартылып тору үземдә тоймыйм*

(Ә.Еники): *салган кулын, тибрэнгән күкрәген, кайтарылган керфекләрен* – хәзерге заман.

“Төрөк телендәгә үткән заман сыйфат фигыль *-miş// -miş// -muş// -müş* һәм *-dik// -dik// -duk// -dük* кушымчалары ялганып ясала: *almış elbise* – алган күлмәк, *okumuş kitap* – укыган китап, *gelmiş insan* – килгән кеше, *görmüş vapur* – күргән пароход” [Джавдет-заде 1934: 149]. Бу форма предметның үзгәрми торган, даими билгесен дә белдереп тора: *ağarmak* – агару, *ağarmış saçlar* – агарган чәчләр. *Kurumak* – кибү, *kurumuş tahta* – кипкән такта. *Upuzun, kupkuru, ağrandizman edilmiş çiroz balığı gibi bir adam* (Aziz Nesin) “Озын, коры, зурайтылган вобла балыгы кебек бер кеше”.

Төрөк телендәгә *-dik// -dik// -duk// -dük* формалы үткән заман сыйфат фигыль хәзерге заманны да белдерә ала. Аның кайсы заман икәне контекстан чыгып билгеләнә. *-dik* формалы сыйфат фигыльгә исемгә хас тартым кушымчалары ялганган очракта, ул башкаручы затны белдереп килә. Ә татар телендә тартым кушымчасы сыйфатланмышка ялгана.

Төрөк теле грамматикаларында *-dik* формасы сыйфат фигыльгә кертелмичә генә карала, чөнки *-dik* ның башка функцияләре күп. Тик *-dik* формасының сыйфат фигыльгә керттерлек сыйфатлары күплеген күрергә мөмкин.

Үткән заман сыйфат фигыль ике телдә дә барлыкта-юклыкта килә ала: “*Тип*” дип жанландырып булмый торган, “*Туктал*” дип боерык биреп ***тукталмаган йөрәкнең хужасы бары тик мэхәббәт кенә икән!*** (А.Гыйләжев). *Мэхәббәтнең бу*

гаять нечкә, яшерен ноктасына житкәч, кеше табигате кайчак һич **көтелмәгән яктан** ачылып куя (Ә.Еники). *Hiç beklenilmediк ve işidilmediк bir hadisi* (Lütfi Kaleli) “Һич күрелмәгән һәм ишетелмәгән бер вакыйга”.

Татар телендәге *-ган* формалы үткән заман сыйфат фигыль үзе ачыклап килгән сүз белән күптөрле мөнәсәбәттә була: сыйфатланмыш сыйфат фигыль белән белдерелгән процесска карата түбәндәге мәгънәләрне белдерә ала:

а) субъектны ачыклап килә: *Ләкин килә бер мизгел, бер минут: син дәнъяга **килгән кешене** күтәрәп, ананың йөзенә якын китерәсең, жирдә яңа аваз – сабий авазы яңгырый* (М.Маликова).

ә) объектны ачыклап килә: *Ә үзе иренең йөзендәге үзгәрешләрне күрми дә, ахрысы, бумази халат кесәсеннән бер бит кәгазь чыгарып, анда **язылган** уника **пунктны** укырга кереште* (М.Маликова).

б) урынны ачыклап килә: *Шуның төсле, кырык ата баласы **жыелган жирдә** дә төрле хәлләр – талаш-ызгышлар да, хаксызга түгелгән күз яшьләре дә – һәммәсе дә булып торды* (Ә.Еники).

в) вакытны ачыклап килә:

*Кышларыңда тәнең түгел,
Өшәп жаның туңса да,
Көткән көнең бүгенгедән
Бик-бик ерак булса да,
Син түз икән ...* (Р.Шакирова).

Төрөк телендәге *-miş* формалы үткән заман сыйфат фигыль жөмләдә объекты һәм субъектны гына ачыклап килә: *Bu bir köyden kaçan bir küçük farenin macarasıydı; çok basit, kısa cümlelerle yazılmış bir hikaye idi* (Aziz Nesin) “Бу бер пөсидән качучы бер кечкенә тычканның мажарасы иде; бик гади, кыска жөмлөләр белән язылган бер хикәя иде”. *Burasını bize İstanbul’da bir süre yaşamış bir İngiliz dostumuz salık verdi, adresini defterimize yazdık* (G.Dayıoğlu) “Монысын безгә Истанбулда бер вакыт яшәгән бер инглиз дустаныбыз сөйләп бирде, адресын дәфтәрәбезгә яздык”.

-dik формалы үткән заман сыйфат фигыль жөмләдә а) объектны: *Halit, Cemil içeri girecken ardına kadar açık bıraktığı oda kapısını kapamıya gitti* (G.Dayıoğlu) “Халит, Жәмил эчкә кергәч, төбенә кадәр ачык калдырылган бүлмә ишеген ябарга китте”; ә) урынны: *Tam bu sırada meydanın ortasından geçip bulunduğum sokağa doğru gelen bir insan gördüm* (L.Kaleli) “Бу вакытта мәйданның уртасыннан үтеп, туры мин яшәгән урамга килүче бер кешене күрдем”; б) вакытны: *Deşarı sıkığımız zaman onun benden daha az sallanmadığını farkettim* (L.Kaleli) “Тышка чыккан вакытта, аның миннән бер дә аз селкенмәгәнән сиздем” ачыклап килә.

Татар телендәге *-ган* һәм төрөк телендәге *-miş* формалы үткән заман сыйфат фигыль, сыйфат кебек килеш, тартым һәм сан белән төрләнми (*алган кешенен, алган кешеләрдә; okumuş kitaplar, görmüş vapuri*). Ә *-dik* формасы сан, килеш, тартым кушымчаларын ала: *aldığım mektup* – алган хатым; *okuduğun*

kitap – укыган китабың; *verdiğiniz şey* – биргән әйберегез; *gördükleri ev* – күргән өйләре; *riça ettiğiniz adam* – сораган кешегез.

Татар телендә башкаручы зат синтаксик ысул белән белдерелә: *Мин укыган китап.*

Сыйфатланмышы төшеп калса, сыйфат фигыль исемләшә һәм килеш, тартым, сан белән төрләнә башлый. Әлеге күренешне бигрәк тә мәкальләрдә күреп була: *Тел белмәгән абыныр* (Мәкаль). *Тел дигән дәрья бар, төбөндә энже-мәржән бар, белгәннәр чумып алып, белмәгәннәр коры калып* (Мәкаль).

Исемләшкән *-ган* формалы үткән заман сыйфат фигыльнең килешләр буенча төрләнеше дә кызыклы:

1. Баш килеш: *Тырышкан табар, ташка кадак кагар* (Мәкаль).

2. Иялек илеше: *Теле барның юлы бар* (Мәкаль).

3. Юнәлеш килеше: *Биргәнгә биш тә күп, алганга алты да аз* (Мәкаль).

4. Төшем килеше: *Кеше сөйләгәнне сөйләмә, үзең күреп сөйлә* (Мәкаль).

5. Чыгыш килеше: *Күп торганнан сорама, күп йөргәннән сора* (Мәкаль).

6. Урын-вакыт килеше: *Зыя коллективта үзен уңайсыз тотты. Мансур аны ихтирам итсә дә, калганнарында ул теләктәшлек күрмәде* (М. Мәһдиев).

Төрөк телендә дә исемләшү күренеше очрый: *Benim aradığım burada var mı?* (L. Kaleli) “Минем эзлэгәнәм биредә бармы?”. *Yalnız olmuşları “olmuş meyvaları” topladı* (Aziz Nesin) “Бары өлгергәннәрен жый”.

Үткән заман сыйфат фигыль юнөлеш категориясе белән характерлана, ләкин әлеге үзенчәлек *-ган* һәм *-miş* формасына гына хас. Ә *-dik* формасына ул ят күренеш: *Айгырның койрыгыннан йолкынган кыяларны малайлар алдына салганда, ул үзен әкият батырыннан ким сизмәде* (Ф.Яруллин). *Шигырьләр кызыклы иде, көлешкән тавышлар ишетелә башлады* (Ф.Яруллин). *Ben okumuş kitap alıyorum ve kütüphaneye gidiyorum* (L.Kaleli) “Мин укылган китап алам һәм китапханәгә китәм”.

Синтаксик яктан ике телдәге бу формаларның барысы да жөмләдә аергыч функциясен үтиләр: *Айлар буенча озак сагыну утында газатланган йөрәкләр, эчке сөю ялкынында эреп, бергә яндылар. Кайнаган каннар, томаланган күзләр, янып көйгән иреннәр озак, каты үбү эчендә хәлдән тайдылар* (Г.Ибраһимов). *Hücum esnasında yaralanmış erler* (L. Kaleli) “Һөжүм вакытында яраланган ирләр”. *Karşımızda oturan bir yabancı anlamadığımız dille bir şeyler söyledi* (Aziz Nesin) “Каршыбызда утыручы бер чит ил кешесе, аңламаган телебездә ниндидер сүзләр сөйләде”. *İskelele bu akşam için hazırlanmış olan sandalım duruyordu* (S. Derviş) “Пристаньда бу кич өчен хәзерләнгән көймәм торды”.

Татар телендә үткән заман сыйфат фигыль иярчен жөмләнең хәбәре функциясен дә башкара ала:

Кыйгылдашып болытларда

Мин белмәгән телләрдә,

Киек казлар китеп бара

Мин белмәгән илләргә (Х.Туфан).

-*miş* формасы бик сирәк, берничә тапкыр кабатланмасын өчен генә кулланыла: *O serada uyumuş bulunan Karanlıkgece başını diğer tarafa sevirmiş* “Бу вакытта йоклаган “Кара төн” башын икенче тарафка борды”.

Исемләшкән очракта, үткән заман сыйфат фигыль ике телдә дә теләсә кайсы жөмлә кисәге (ия, хәбәр, төмамлык, аергыч) функциясен үти ала: *Илдә йөргән ил таныр, кырда йөргән жир таныр* (Мәкаль). *Белгән белгәнән эшләр, белмәгән беләген тешләр* (Мәкаль). *Birkaç gün evvel Moskova`ya bir tanıdığım geldi* “Бер көн элек Мәскәүдән бер белгәнәм (белгән кешем) килде”.

Төрөк телендәгә *-miş* һәм *-dik* формаларының татар әдипләребез ижатында киң чагылышын күрәбез. Бу, алда әйтелгәнчә, XIX йөздә жәелгән төрөкчәлек идеясы белән бәйләнгән: *Бер шәһәрлек егет яучы жибәрмеш* (Ф.Халиди). *Югарыда яздыгымыз ятим Мохтар хәзер Тифлисте мануфактура малы белән сәүдә итә, Тифлисте үзенә абруй казанды* (М. Акъегет).

Монда тудык, монда үстек,

Мондадыр безнең әжәл;

Бәйләнмеш бу жиргә безне

Тәңребез (гыйззе вә жәл) (Г.Тукай).

Хәзерге вакытта да без татар телендә исем булып йөри торган сүзләр нигезендә *-тиш* кушымчасын күрәбез: *тормыш, язмыш*. Алар бары тик исем булып кына йөриләр:

Мәсәл дә раслый икән ич:

Күр, Елан Елы быел!

Шундый сөюсез, янусыз –

Сиңа, дим, тормыш түгел!

Безне нык үзгәрткән дәнъя:

Башка син уеңда да...

Кабатлыйм: димәк, язмыш шул.

Ә, бәлки, язмыш түгел?! (Р.Гаташ).

Әдәбият

Джавдет-заде Х. Грамматика современного турецкого языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Х.Джавдет-заде, А.Н.Кононов. – Л.: ЛВИ, 1934. – 267 с.

Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология / Д.Г.Тумашева. – Казан: ҚДУ нәшр., 1972. – 220 б.

Тумашева Д.Г. Татарский глагол / Д.Г.Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 181 с.

Салахова Рузиля Рашитовна

Сибгаева Фируза Рамзеловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 81/8

Фразеосемантическое поле речевой деятельности

в татарском языке

*татарский язык, семантика, коммуникативная лексика,
глаголы речи, глагольные фразеологизмы*

Речевая деятельность имеет важнейшее значение в жизни любого человека. Без коммуникации человеческая речь невозможна, а значит, невозможно и существование общества [Арзамасцева 2009: 3].

Коммуникативная лексика – это группа слов, включающая в себя языковые единицы разных частей речи и различные фразеологизмы. Одной из важнейших частей речи в указанной группе являются глаголы, используемые для обозначения различных процессов речевой деятельности человека. Глаголы могут определять характер или способ говорения (*әйт, ди* ‘сказать’, ‘говорить’; *сөйлә* ‘рассказывать’; *сора* ‘спрашивать’; *сөйләш, гапләш, гөрләш* ‘разговаривать с кем-либо’), называть объект речи с указанием на форму высказывания (*чакыр* ‘звать’, ‘позвать’, ‘вызвать’; *кычкыр* ‘кричать’, *пышылда* ‘шептать’, ‘шепнуть’ и др.).

В последнее время многие ученые, как отечественные, так и зарубежные, исследовали глаголы речи и речевого действия, анализировали их в различных аспектах. В.П.Бахтина, например, обращала внимание на синтаксические свойства указанных глаголов. Ю.Д.Апресян, Л.М.Васильева, Г.К.Кулиев уделяли внимание преимущественно их лексическому значению [Кулиев 1982: 4]. Целью настоящей статьи является описание татарских глаголов речи с позиций семасиологии и деривации, что предполагает новый взгляд на объект анализа. Задачами настоящей статьи является не только описание структуры и нахождение возможных средств образования новых глаголов речевой деятельности, но и выявление закономерностей употребления данных единиц определенной словообразовательной структуры в художественном тексте.

Специфика глаголов речевой деятельности обусловлена широкой многоаспектностью самого процесса речевой коммуникации, которая включает сообщение, повествование, описание, запрос о сообщении, говорение [Ганиев 2015: 203]. Глаголы речи могут характеризовать внешнюю и коммуникативную сторону речи, ее эмоциональную оценку: *сөйләү* 'рассказывать', *сөзлөү* 'говорить', *эйтү* 'сказать', *тиргәү* 'ругать', *ялганлау* 'лгать', *сорау* 'спросить', 'просить', *дәшү* 'обратиться', *бәхәсләшү* 'спорить', *җавап бирү* 'отвечать', *белешү* 'узнавать', *килешү* 'соглашаться', *боеру* 'приказывать', *кушу* 'велеть', *үгетләү* 'наставлять', *сәламләү* 'приветствовать' и др.

По семантическим особенностям глаголов речевой деятельности можно разделить на следующие группы:

1) глаголы, обозначающие собственно процесс речи и его основные функции (сообщение, беседа, рассказ): *эндәшү* ‘вымолвить’, *әйтү* ‘сказать’, *дию* ‘говорить’, *сөйләшү* ‘разговаривать’, *исәнләшү* ‘здороваться’, *сәламләү* ‘приветствовать’.

2) глаголы, описывающие разнообразные способы говорения (в данном случае учитывается акустический аспект): *мыгырдау* ‘бормотать’, *кычкыру* ‘кричать’, *акыру* ‘орать’, *бакыру* ‘кричать’, *акыру* ‘вопить’, *үкерү* ‘реветь’, *пышылдау* ‘шептать’.

3) глаголы, выражающие характер содержания речи: *алдау*, *ялганлау* ‘лгать’, ‘врать’, а также внутреннее состояние субъекта или отношение субъекта к адресату речевого действия: *ялыну* ‘уговорить’, *тәнкыйтьләү* ‘критиковать’, *рәхмәт әйтү* ‘благодарить’, *гафу үтенү* ‘извиниться’, *юату* ‘утешить’.

Особое место занимают глагольные фразеологизмы, характеризующие манеру речевого общения: *тел белән тегермән тарту*, *тел белән чумар ишү*, “говорить, болтать ерунду, утверждать что-либо заведомо нелепое.” Нами обнаружено 147 таких фразеологических единиц [Байрамова 1995, Исанбет 1989, Исанбет 1990]. Внутри подгруппы фразеологических единиц можно объединить в три семантических разряда:

а) фразеологизмы со значением “нежелание вступать в разговор или продолжать его”: *телне аркылы тешләү* – замолчать, воздержаться от высказывания; *авызга йөзек яшерү, телеңне теш артында тоту* – молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях; *телне йоту* – замолчать, перестать говорить, болтать; *авызга су кабу* – хранить упорное молчание, ничего не говорить;

б) фразеологизмы, характеризующие манеру ведения разговора: *тел бистәсе, теленә корчаңгы булу, теленә корт төшү, авызына теле сыймау* – говорить пространно, многословно; *телләреннән гөлләр түгелү, теленнән гәүһәр таму, теле белән эретү, авызында кош уйнату* – говорить красноречиво, с увлечением; *авызда ботка пешерү, телде-белде сөйләшү* – невнятно, неразборчиво (говорить, шептать, бормотать и т.п.); *тамак яру* – громко говорить, кричать, орать, хохотать и т.п.; *тел телгә йокмау* – быстро говорить, разговаривать; *чая телле, сүз эзләп кесәгә кермәү* – находчив в разговоре;

в) фразеологизмы, характеризующие содержание разговора (обычно с отрицательной стороны), типа: *тузга язмаганны сөйләү, тел чайкау* – говорить, писать и т.п. глупость; *авызыннан тере саескан очыру* – говорить, болтать ерунду, утверждать что-либо заведомо нелепое; *тел туздырып, гомер уздыру* – говорить впустую, не подкрепляя делом.

Результаты исследования показали, что особое место в лексико-семантических группах глаголов речевой деятельности

занимают устойчивые словосочетания: *сүз алу* 'брать слова', (говорить), *сүз бирү* 'не сходить с языка', *авыз ачу* 'открывать рот' (начинать говорить), *тел очына килү* 'вертиться на языке', *тел кычыту* 'язык чешется' (очень хочется сказать – кто-либо не может удержаться, утерпеть, чтобы не заговорить), *сүз эзләп тормау*, *авызына саескан төкергән*, *тасма тел булу*, *телгә оста булу* 'язык хорошо подвешен' (кто-либо умеет говорить свободно), *сүзне жилгә очыру* (ташлау), *тел белән тегермән тарту* 'бросать слова на ветер' (безответственно говорить). Анализ указанных фразеологизмов позволяет в некоторых лексико-семантических классах выделить дифференциальные признаки глаголов речи. Так, например, в группе глаголов, описывающих разнообразные способы говорения, это признаки "громкость" – "громко – тихо" и "темп речи" – "быстро – медленно".

Таким образом, фразеологизмы с исследуемой семантикой вступают в отношения антонимии. При выявлении антонимичности мы опираемся на определение В.П.Жукова: "Антонимия фразеологических единиц строится на полной противопоставленности, расхождении... смыслоразличительных семантических признаков" [Жуков 1978: 189].

Итоги исследования показали, что большинство глаголов речи в татарском языке относятся к группе поведенческих. Эта группа объединяет несколько семантических классов, в составе которых наибольшее количество глагольных единиц. Входящие в эту группу глаголы являются не только средством выражения

мыслей, понятий, но и средством их образования и развития, указанные процессы вплотную связаны с чувствами, характером, убеждением, нравами человека, так как раскрывают его личностную характеристику. Глаголы речевой деятельности, показывая ту или иную сторону объективной действительности, становятся универсальной единицей народной памяти, содержат в себе сведения об отношениях людей, различных видах их взаимодействий, о том, что содержит бытие, как отдельного индивида, так и нации в целом.

Таким образом, анализ семантических особенностей глаголов речи в татарском языке позволяет определить общие или частные закономерности развития языковой системы, дает информацию о системе ценностей татарского народа, раскрывает самобытность мировоззрения, способствуя дополнить коммуникативную картину мира татар.

Литература

Арзамасцева О.О. Глаголы речи как часть метаязыка художественного текста: семантико-прагматическая характеристика / О.О.Арзамасцева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №11. – С.3-5.

Ганиев Ф.А. Функциональная грамматика татарского языка / Ф.А.Ганиев. – Казань, 2015. – 272 с.

Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь / Л.К.Байрамова. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 158 с.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П.Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 284 с.

Исанбет Н. Фразеологический словарь татарского языка: в двух томах. Том I / Н.Исанбет. – Казань: Тат. кн. изд-во., 1989. – 495 с.

Исанбет Н. Фразеологический словарь татарского языка: в двух томах. Том II / Н.Исанбет. – Казань: Тат. кн. изд-во., 1990. – 365 с.

Кулиев Г.К. Лексико-семантическое развитие глаголов речи в тюркских языках / Г.К.Кулиев // Советская тюркология. – 1982. – №5. – С.3–12.

Сергеева Екатерина Вячеславовна

Гиссенский университет имени Юстуса Либига

УДК 81

**Способы организации учебного процесса на занятиях
по русскому языку как иностранному
в смешанных группах с билингвами**

*билингвизм, русский язык как иностранный, языковая биография,
словарный запас, речевые навыки, интерференция*

Как известно, спецификой многих европейских школ и вузов, в частности факультетов славистики, является наличие двуязычных учащихся, билингвов, в различной степени владеющих вторым родным языком и имеющих различные лингвокультурологические установки. Они образуют гетерогенные учебные группы.

В процессе преподавания такой студенческой аудитории необходимо учитывать специфику освоения русского языка людьми, выросшими в двойной или тройной языковой среде. Часто это пёстрая палитра людей, для которых русский язык является родным или языком родителей, но всё же отнюдь не доминирующим. В Германии студенты-билингвы, в разной степени владеющие немецким и русским языком, довольно часто составляют около половины учебной аудитории. Однако такие учащиеся соседствуют на занятиях вместе с продвинутыми монолингвами – студентами, для которых немецкий язык является

единственным родным, а русский – иностранным, который они изучали с нуля. Таким образом, в европейских вузах часто образуется гетерогенная группа учеников, владеющих русским на совершенно разных уровнях.

Занятия по РКИ в европейских институтах славистики посещают самые разные студенты. Это и монолингвы, прошедшие двух- или трёхгодичный курс русского как второго иностранного в гимназии, и молодые люди, прошедшие около года в России в качестве волонтеров, и категория бывших переселенцев – дети эмигрировавших граждан постсоветского пространства, то есть эмигранты во втором поколении. При этом их языковая биография совершенно различна и зависит от их языкового поведения в семье, от того, как долго, как интенсивно, в каком объёме и в каких сферах, речевых ситуациях употреблялся ими русский язык дома, от того, остался ли он только устным или стал письменным. Частым следствием этого является однобокое владение только устной разговорной речью, радикальное сужение словарного запаса, отсутствие навыков литературного чтения и письма, упрощение грамматических и синтаксических структур речи. Всё это превращает подгруппы билингвов на занятиях в пёструю палитру различных по языковым компетенциям учащихся. В смешанных учебных группах можно говорить о самых различных языковых биографиях. При этом немецкий и русский язык находятся у таких билингвов не только в постоянном взаимодействии, но и подвержены изменениям в течение их жизни по мере изменения социального

окружения. Сферы употребления как доминирующего, так и второго родного языка могут сужаться и расширяться – языковая ситуация в детстве в семье может смениться совсем другой в школьные годы и третьей во время учёбы в университете в институте славистики.

В таких условиях преподаватель вынужден выделять среди учебных целей и языковых потребностей студентов смешанной, гетерогенной группы те, которые пересекались бы друг с другом, были бы общими для всех “подгрупп”. Однако точки пересечения сложнее найти в разработке навыков говорения и аудирования и проще при работе над чтением и письмом. Последние два навыка скорее позволяют дифференцировать учебные задания при едином рабочем материале.

Например, задания по письму могут иметь своей целью активизацию словарного запаса на базовом уровне с помощью составления простейшего связного текста на основе описания ситуативных иллюстраций для одной группы (монолингвов, изучающих русский как иностранный); усложнённое описание того же ситуативного ряда с заданным использованием определённых грамматических конструкций (например, наибольшего количества глаголов движения или сослагательного наклонения) для другой группы; составление текста на основе той же коммуникативной ситуации в литературном (публицистическом, официально-деловом) стиле с соблюдением некоторых стилистических конструкций, сложных грамматических и синтаксических конструкций для третьей группы (билингвов, носителей

русского языка как второго родного). Продвинутых билингов можно попросить написать текст нужного жанра по теме с использованием причастных оборотов, сравнительных степеней прилагательных, неопределённых местоимений, эпитетов и т.д. Такие задания, если они содержат элемент прагматики и креатива, неизменно вызывают у билингов живой интерес и в случае успеха дают чувство уверенности в своих силах и возможностях.

По нашему мнению, в таких случаях возможно и необходимо внести в программы занятий следующие дидактические элементы:

1. Систематизация и осмысление словообразовательной и лексической систем русского языка. Необходимость этого связана с тем, что количество лексических единиц русского языка, которыми владеют билингвы, крайне ограничено по сравнению с их словарным запасом в обычно доминирующем немецком. Это объясняется тем, что сфера употребления русского языка у них в течение многих лет была ограничена семейной сферой, темами повседневного быта, базовой лексикой, в то время как доминирующий язык получил свое полное лексическое развитие за счет обучения на нём в немецкой школе. В русском языке билингов (если он действительно является вторым родным) чувствуется серьёзная нехватка абстрактных, отглагольных или сложных существительных, относительных прилагательных, эпитетов, метафорических переосмыслений идиоматических выражений, номинализаций, причастий, аббревиатур, всех тех

лексико-тематических групп, которые выходят за рамки бытовой сферы. При этом наблюдается очевидная диспропорция между узнаваемыми и употребляемыми лексемами, то есть между пассивным и активным словарным запасом. Многие однокоренные слова или слова одной тематической группы с трудом соотносятся друг с другом. В такой ситуации задачей преподавателя является систематизация и речевая активизация узнаваемой лексики с помощью составления словообразовательных цепочек и гнёзд от общеупотребительных корней; нахождения этимологически родственных, однокоренных слов; морфологический разбор слова по составу; толкование слов; нахождение синонимических рядов и антонимических пар; различение паронимов; стилевое деление лексики на нейтральную, разговорную, просторечную, книжную, деловую и т.д. Такие упражнения одновременно интересны и неносителям русского языка в смешанной группе – монолингвам, изучающим русский как иностранный на продвинутом уровне.

2. Овладение грамматической (шире – лингвистической) терминологией и в общем знакомство с грамматической системой языка также является точкой пересечения интересов монолингвов и билингвов в гетерогенных группах. Большинство билингвов, употребляя в своей речи как прилагательные, так и наречия, совершенно не различают их. Большинство их не знакомы с падежной системой русского языка или с типами спряжения глаголов, что негативно сказывается на их орфографических навыках. В их случае умение использовать существи-

тельные в своей речи идет вразрез с неумением их грамматически классифицировать, склонять заимствованные существительные, узнавать в некоторых исключения по типу склонения, определять их грамматический род, правильно образовывать форму множественного числа и т.д. То же касается умения спрягать, употреблять одновидовые глаголы, образовывать степени сравнения прилагательных. То есть для изучения билингвами русского языка как второго родного в вузах необходим некий терминологический минимум, однако без лишней "грамматикализации".

3. И, наконец, в процессе изучения грамматики и лексики вместе с монолингвами – носителями русского языка во время чтения и анализа учебных текстов билингвы с русским как вторым родным осваивают нормы культуры речи, учатся избегать стилистических ошибок, слов-паразитов и просторечных слов, лексических интерференций, которыми полна их речь. Частыми ошибками являются употребление просторечных нелитературных норм *"ихний"*, *"егойный"*, *"ездиют"*, *"умывалася"*, *"встречалася"*, *"закупаться"* вместо *"купить продукты"*, несоблюдение норм ударения (*"звонит"*, *"красивее"*), лексическая интерференция: употребление *"сожитель"* вместо *"сосед по коммунальной квартире"*, *"с приветом"* в конце письма вместо *"с уважением"*, нарушение правил глагольного управления: *"завидую тебе"*, *"поздравляю тебе"*, *"звоню тебе"*, *"жить в улице"* и т.д. Имеет место и синтаксическая интерференция: перенос немецкого обязательного порядка слов в предложении

в русскую речь (вынесение сказуемого в конец придаточного). В смешанных учебных группах такие стилистические ошибки легче и более естественно исправляются в ходе чтения текстов, написания сочинений, составления диалогов и т.д., чем в рамках специального полного курса по культуре речи.

Работа в смешанных, гетерогенных учебных группах, несомненно, имеет свои недостатки: процесс обучения некоторым образом замедляется и становится фрагментарным и непоследовательным. Эффективная работа в них возможна скорее на продвинутом этапе, чем на начальном. С другой стороны, такое вынужденное "сотрудничество" учащихся с различным языковым уровнем, монолингвов и билингвов в одной учебной группе способствует саморефлексии, выработке собственной стратегии языкового (в том числе лексического) развития, пониманию необходимости использования компетентностного подхода к обучению языку.

Литература

Овчинников А.В. Двужычие и измерение речевого развития / А.В.Овчинников, Е.Ю.Протасова. – Хельсинки: Хельсинкский университет, 2012.

Протасова Е. Особенности русского языка у живущих в Германии / Е.Протасова // Русистика сегодня. – 1996. – Вып. 1.

Подгаевская А. Языковая концепция и программа обучения русскому языку как второму родному / А.Подгаевская // Русский язык за рубежом. – 2009. – №6.

Воейкова М. Формирование русско-немецкого двуязычия // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / М.Воейкова; под ред. А.Мустайоки и Е.Протасовой. – Санкт-Петербург, 2004.

Uriel Weinreich: Deutsch: Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung.– New York, 1953.

Усманова Лилия Абраровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 81

**Аксиологический статус природных явлений
в авторской картине мира**

*аксиология, природные явления,
авторская оценка, синтагматика*

Антропологический “поворот” современной лингвистики, стимулировавший изучение и каталогизацию реалий, возводимых в ранг ценностных ориентаций этноса, позволил обратиться к проблеме ценностного отношения человека к природе как источнику его биологического выживания. Идея о том, что мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности и окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека, получила развитие на новом витке лингвистической мысли, направленной на изучение этнического мировидения через взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов. “Объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах” [Вольф 1985: 5].

Природные феномены как объективно существующие явления характеризуются определенными особенностями вос-

приятия, связанными с представлениями человека об окружающем его мире, о ценностном отношении к природе и чувственном способе познания мира. Аксиологическая маркированность явлений природы проявляется чаще всего через аффективные (сенсорные) оценки, отражающие чувственное восприятие мира, и рационалистические (когнитивные), формируемые отношением ментальной и социальной природы окружающей человека действительности [Арутюнова 1994, 1999; Вендина 1997; Вольф 1985; Гак 1997; Смирнова 2013; Телия 1996].

Материалом для исследования аксиологии природы послужили письма, дневники, публицистика И.А.Бунина, где Природа “никогда не пейзаж, а скорее главное действующее лицо” [Мальцев 1994: 122], частица души писателя, отражение его мировосприятия.

Дождь как наиболее частотная лексема в мемуарной прозе писателя была подвергнута анализу с точки зрения оценочных предпочтений автора и определения места данного природного явления на оценочной шкале.

Наблюдения показали, что оценочная модальность наименований атмосферных явлений в аксиологической “картине мира” писателя актуализируется на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, словообразовательном, синтаксическом, представляя тем самым авторское отношение к природному явлению. Авторская оценка может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание. На уровне текста

оценка выражается, как правило, комбинированно, разными средствами, как собственно языковыми, так и вводящими фрагменты ценностной “картины мира”.

Атмосферное явление дается сквозь призму личностного восприятия: оно оценивается, принимается либо отвергается. С помощью словообразовательных средств дождь маркируется как благодатное, радостное событие, связанное с интенциями одобрения. Рассматриваемая лексема благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу приобретает оценочную семантику: *Прошел дождик. Высоко в небе облако, проглядывает солнце, птицы сладко щебечут во дворе на ярких желто-зеленых акациях. <...> и как бежал однажды над ним вот такой же дождик и я дышал этой березовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России...* (“Окаянные дни”).

На лексическом уровне общеоценочная семантика по линии “хорошо – плохо” может реализовываться за счет оценочных прилагательных *чудесный, ужасный, гнусный, мерзкий* и др.: *Идет дождь. Чудесный дождь* (“О Чехове”); *Вчера под ужасным дождем, – у нас вечный дождь, – ездила по делам в город* (“Неизвестный друг”). При этом содержательная структура темпорального прилагательного *вечный* расширяется за счет появления эмоциональной семы атрибутива и пополняется новыми эмоционально-оценочными смыслами. В таких случаях дескриптивные признаки погашаются, и на первый план выдвигается субъективный аспект оценки: *...осенью поливаемых непрерывными дождями* (“Суета сует”). Помимо адъек-

тивов, в роли оценочного компонента высказывания могут выступать и сочетания с обстоятельственной семантикой: *Уже дней десять — и без перерыва — дождь* (“Дневники”, 1911-1919).

Наиболее часто оценочная семантика актуализируется на уровне дистантных связей, когда семантический “заряд” оценочных прилагательных распространяется на ближайший контекст и в сферу их влияния вовлекаются все члены высказывания: *...Москва, весна восемнадцатого года, гнусный день с дождем, снегом, грязью* (“Из “Великого дурмана”); *Вспомнился мерзкий день с дождем, снегом, грязью, — Москва, прошлый год, конец марта* (“Окаянные дни”).

В рамках целого высказывания оценочный смысл приобретают дескриптивные свойства явления, субъективное и объективное оказываются неразрывно связанными, составляя единый континуум авторского восприятия, где сенсорные признаки наделяются оценочной модальностью одобрения/неодобрения: *Вчера перед вечером небольшой теплый дождь на сухую сизую землю, на фиолетовые дороги, на бледную, еще нежную, мягкую зелень сада* (“Дневники”, 1911-1919); *Всю ночь накануне лил как из ведра ледяной дождь* (“Дым без отечества”); *Вечером в темноте вспыхивали молнии, и где-то далеко прошел свежий дождь, так что сегодня был удивительно ясный и веселый день* (“Письма 1901–1904 гг.”).

На фоне смыслообразующих лексических элементов синтаксические средства имплицитно выражают авторскую оценку природных явлений. Имплицитные компоненты раскрываются посредством лексико-семантических оппозиций и более широкого контекста.

В анализируемом материале обнаруживаются постоянные, повторяющиеся приемы и способы оформления сочинительных рядов. Как отмечают буниноведы, его картины созданы преимущественно по паратаксическому принципу, “когда всюду преобладает сочинение, а не подчинение, все называется последовательно и отсутствует та опорная деталь, вокруг которой формируется интегральный образ. Эти картины – произвольная россыпь мгновений, мозаика мельчайших частиц, они обладают зернистой структурой, все элементы которой существуют в одном масштабе и равноположны друг другу” [Сливицкая 2004: 38].

Среди рассмотренных примеров отмечается преобладание именных субъектных, предикативных, атрибутивных и объектных рядов (существительные, прилагательные, слова категории состояния). В количественном отношении ряды весьма объемны (от двухкомпонентных до пятикомпонентных конструкций).

Оценочные обозначения входят как части в дескриптивные структуры, актуализируясь в высказывании благодаря перечислению, которое становится способом создания ассоциаций, выражающих, как правило, неодобрение происходящего:

Вторник. Серо, холодно, дождь. И так всегда: спрячешь зонт, калоши - на другой день дождь ("Дневники"); *Нынче ливень, холод* ("Дневники", 1940–1953); *Все одно и то же - дожди, мороз, метель, Иван Федоров...* ("Дневники", 1911–1919).

Отмечены случаи повторов лексемы *дождь* в начале или конце предложения, направленных на выражение авторского отношения, связанного с досадой или неудовольствием, и акцентирующих внимание читателя на этом событии: *Но и город, собор – все угрюмо, черно у нас. Гранит, шифер, асфальт и дождь, дождь...* ("Неизвестный друг"); *Все дождь, дождь, к вечеру теплее, мягче, слаже* ("Дневники", 1920–1929). Приобретая дополнительную смысловую и эмоциональную значимость, лексема *дождь* служит средством интенсификации, выполняя тем самым экспрессивно-эмотивную функцию.

В номинативных рядах наблюдается возможность объединить слова разнородной семантики, выявить значимое для автора. Широкое использование И.А.Буниным рядов номинативных предложений позволяет передать информацию в ее основной сути и в то же время в непосредственной наглядности. При этом оценка природных событий может корректироваться самим писателем на уровне расширенного контекста, представляя выражение собственно авторской позиции со знаком "+" или "-": *Пустоты, пустоты! И опять дождь, туман, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, так, как надо. Это меня успокаивает* ("Неизвестный друг").

Номинативные комплексы призваны устанавливать причинно-следственные связи между явлениями действительности и состоянием автора: *Нынче дождь. Безнадежная тоска, грусть* (“Дневники”, 1931-1939); *Погода ужасная, бури, дождь; может быть, с весной, с солнцем станет на душе легче, а пока тоска и страшно одиноко...* (“Его высочество”). Сопоставление состояний природы и человека говорит о нераздельности этих планов, слитности писателя с природой, его пантеистическом мироощущении. Целостное восприятие явлений природы в комплексе с эмоциональным состоянием писателя позволяет прочувствовать эмоциональный подтекст изложения, где оценочные свойства явлений следуют как логический вывод из дескриптивных, поскольку оценка основана на их объективных признаках.

Специфика бунинского мира “неразложимых контрастов” проявляется также в представлении дождя в полярной оппозиции с другими природными состояниями: *Полмесяца грозы и холодные ливни, вчера и нынче первые хорошие дни* (“Дневники”, 1900–1909); *Изумительно — за все время, кажется, всего два-три дня хороших. Все дождь и дождь* (“Дневники”, 1911–1919); *Но погода все меняется – то лето, солнце, пальмы, розы, – то дождь...* (“Письма 1901–1904 гг.”). На уровне предложения или более широкого контекста дождь является антонимом солнечной, теплой погоды, выявляя авторские субъективные ощущения от дождливой погоды, связанной с холодом и сыростью. Подобные способы выражения

имплицитной отрицательной оценки дождя, основанные на противопоставлении явлений, позволяют отнести дождь к зоне минуса, при этом на противоположном полюсе оказываются как состояния природы, так и в целом окружающий мир во всех оттенках сезонных изменений: *Дождь, довольно холодно, но трава в соседнем саду уже яркая, воробьи, весна* ("Дневники", 1920-1929); *Погода – то жаркая, то дождь. Все-таки – хорошо* ("Письма 1901–1904 гг."); *После дождей – опять светлая, тихая осень* ("Дым без отечества"). Важную роль в характеристике дождя играют сравнительные конструкции, являющиеся одним из синтаксических средств оценки данного атмосферного явления и имплицитно выражающие негативное отношение автора: *Вышел в семь, поминутно дождь, похоже на осенний вечер* ("Окаянные дни").

Рассмотренные оценочные имплицитные реализации (сочинительные, ряды, сравнительные обороты, противопоставление, повторы) на базе ведущих лексических являются дополнительным оценочным арсеналом, формируя композиционную структуру текста и организуя определенным образом пространство изложения.

Как видим, дождь дается сквозь призму личностного восприятия: он оценивается, принимается либо отвергается. В тексте аксиологические средства являются органической частью общего авторского текста и тесно связаны с дескриптивной стороной авторского повествования в целом. На оценочной шкале лексема дождь чаще находится на отрицательном полю-

се, что связано с авторскими интенциями неодобрения, досады в связи с сопутствующими дождю сыростью и понижением температуры. Аксиологическая картина мира писателя раскрывается благодаря отражению на всех уровнях текста его чувственного мировосприятия, выявляя тем самым спектр его оценочных "предпочтений".

Литература

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни языка / Н.Д.Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1984.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования / Т.И.Вендина // Славяноведение. – М.: РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1997. – №4. – С.41-48.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М.Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В.Г.Гак // Вестник Московского университета: Филология. –1997. – № 3. – С.87-95.

Мальцев Ю.В. Иван Бунин (1870 – 1953) / Ю.В.Мальцев. – Посев, 1994. – 432 с.

Сливицкая О.В. "Повышенное чувство жизни": Мир Ивана Бунина / О.В.Сливицкая. – М.: РГГУ, 2004. – 270 с.

Смирнова Л.Г. Лексика с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспект: автореф. дис... д-ра филол. наук / Л.Г.Смирнова. – Смоленск, 2013. – 49 с.

Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В.Н.Телия // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С.31-38.

Файзуллина Найля Ивановна

Сюй Жун

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.161.1

**К вопросу о синтаксической организации
народной загадки**

народная загадка, фольклор, предложение, синтаксис

Развитие когнитивной лингвистики все больше указывает на очевидность связи между синтаксической моделью построения предложения и оформляемым посредством данной модели процессом познания. Согласно Б.Норману, "синтаксические модели закономерно отражают объективную действительность. Что это значит? В ходе речевой деятельности некоторое множество реальных ситуаций обобщается, суммируется и подводится под категорию типовой ситуации" [Норман 2013: 38-39].

Исходя из этого положения, мы можем сделать вывод, что сознание человека, познавая мир, стремится стандартизировать имеющиеся сведения и способы их языковой фиксации, что впоследствии может быть отнесено к результатам концептуализации действительности, полученным в процессе наблюдения за окружающей действительностью. Эта идея была оформлена еще Й.Л.Вайсгербером: "схемы предложения во многом заранее определяют тот способ, которым формируется мысль" [Вайсгербер 2004: 76].

В данной связи довольно привлекательным видится процесс изучения синтаксического оформления русской народной загадки, которая не просто описывает некоторый предмет действительности, но и стремится минимизировать количество языковых средств для передачи той или иной референтной ситуации.

Так, довольно распространенной является модель N+V+N₂₋₆, где под N мы понимаем субъекта действия, под V само действие, а под N₂₋₆ различные предложно-падежные формы, которые и выражают основной отличительный признак денотата (отметим, что предложно-падежная форма может выступать в качестве различных членов предложения): *Лежит красавица лицом под лавицу (топор)*; *Кто родится без отца, без матери (щель в бревне)*; *Золотой мост на семь верст (матица)* [Садовников 1876: 11]. Как можем заметить из примеров, местоположение субъекта и самого действия может меняться.

Как можем заметить, в подобных примерах постановка субъекта действия часто исключительно номинальна: лексема *красавица* не транслирует отгадывающему какой-либо информации, даже не соотносится в роде с самим денотатом. Смеем предположить, что основной акцент в данной загадке делается на действии – *лежит*, то есть находится под лавкой.

В загадке о матице включение лексемы *мост* может быть мотивировано внешней формой моста и денотата, кодируемого при помощи данной лексемы. В таком случае вполне мотивированным является пропуск сказуемого: во-первых, само опи-

сание денотата не требует указания на какое-либо действие; во-вторых, согласно предлагаемому контексту, сказуемое в загадке не будет нести в себе какой-либо смысловой нагрузки; в-третьих, для загадки характерно включение в описательную часть лишь значимых для декодирования денотата лексем, что обусловлено отчасти и ритмической организацией жанра. Третье положение находит многократно подтверждается иллюстрациями, в которых пропуск одного из главных членов видится вполне обоснованным: *По стене ползет то к свету, то от света; У нас за клетью мужик с плетью; Днем висит болтается, к ночи в норку собирается; Не шагает, а ходит* [Садовников 1876] .

Представленные размышления относительно синтаксической организации русской народной загадки довольно ярко, на наш взгляд, отражают логику построения жанра и специфику описания референтной ситуации: описание должно быть максимально лаконичным и содержать лишь значимые для декодирования языковые единицы, что естественным образом влияет на выбор синтаксической модели конкретной загадки, поскольку именно синтаксическая организация позволяет привести весь набор имеющихся признаков в четкую систему изложения и указать на развивающиеся между обозначенными признаками семантические отношения (здесь мы имеем в виду собственно уступительные и уступительно-противительные отношения), что также может быть реализовано “только в рамках заданных языковых шаблонов” [Норман 2012: 41].

Более того, размышляя о пропуске главных членов в тексте народной загадки, мы пришли к выводу, что это явление продиктовано и логикой построения жанра, главной особенностью которого является имплицитно или эксплицитно создать в описании нелогичное описание, которое и будет ключом к загадке; как правило, эта задача выполняется второстепенными членами предложения, которые могут соединяться противительными союзами, то есть отношения противопоставления будут максимально эксплицитно представлены: *Ходит, а в избу не входит (дверь)*.

Таким образом, анализ синтаксической организации жанра народной загадки подтверждает тезис когнитологов о том, что выбор синтаксической организации конкретного предложения во многом обусловлен логикой восприятия референтной ситуации говорящим, а также акцентами, которые важно расставить в высказывании, функционирующем в заданной языковой ситуации.

Литература

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л.Вайсгербер. – М.: УРСС, 2004. – 232 с.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис / Б.Ю.Норман. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 254 с.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа / Д.Н.Садовников. – СПб.: Типография Лебедева, 1876. – 333 с.

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна
Денмухаметова Эльвира Николаевна

Казанский федеральный университет

УДК 81

**Полилингвальные комплексы как новая модель
современной школы**

*современная школа, полилингвальный комплекс, татарский язык,
организация образовательного процесса, средства обучения,
элементы УМК*

В 2020/2021 учебном году в Республике Татарстан был реализован проект по созданию полилингвальных образовательных комплексов. Для его успешной реализации была проведена большая подготовительная работа с привлечением представителей высших учебных заведений и научно-исследовательских центров, передовых общеобразовательных организаций, широкой общественности. В республике была утверждена Концепция полилингвального образования с учетом современных тенденций развития мультязычного образования в мире. Как подчеркивают авторы Концепции, полилингвальное образование представляет собой единство взаимосвязанных процессов изучения в школе не менее трех языков и организации целенаправленного процесса обучения и воспитания, личностного развития и социализации школьников как минимум на трех языках. Сквозные учебные дисциплины и вне-

урочные программы, реализуемые в полилингвальных комплексах, направлены на формирование у ребенка этнокультурного ядра, составляющего основу его национальной идентичности [Ялалов 2019].

В соответствии со ФГОС основная задача современной общеобразовательной школы заключается в воспитании полилингвальной личности, активно участвующей в общественной жизни страны. С учетом этого ученые Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета на протяжении последних лет ведут комплексную исследовательскую работу по изучению опыта организации полилингвального обучения в различных странах и современного состояния, а также вопросов, связанных с разработкой учебно-методических комплексов на основе новых педагогических технологий и подходов.

Цель данного исследования – изучение педагогического опыта по организации учебно-воспитательного процесса в полилингвальных комплексах, открытых в Республике Татарстан, а также по внедрению в практику школ новых средств обучения.

Первым таким образовательным учреждением, распахнувшим свои двери для школьников Республики Татарстан в 2020 году, стал полилингвальный образовательный комплекс “Адымнар – путь к знаниям и согласию”, который предстал как модель современной школы, обеспечивающей конкурентное образование на русском, татарском и английском языках, вос-

питание подрастающего поколения в духе межнационального согласия [Государственное]. В этом же учебном году был открыт еще один полилингвальный комплекс “Адымнар – Алабуга” в городе Елабуга. В 2021 году появились еще два полилингвальных комплекса “Адымнар”, один в городе Набережные Челны, а второй “Адымнар – Актаныш” в Актанышском муниципальном районе РТ.

Как показывают наблюдения за учебно-воспитательным процессом в таких учебных заведениях, трехязычие продиктовано требованиями времени и способствует расширению у учащихся речевой, языковой и этнокультурной компетенций, приобщает их к культуре контактирующих народов. Педагогическая деятельность учителей в полилингвальных комплексах существенно повышает мотивацию у учащихся к практическому усвоению изучаемых языков.

Одна из приоритетных задач в области развития полилингвального образования связана с подготовкой педагогических кадров, обладающих необходимыми компетенциями. Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ занимается подготовкой педагогических кадров – бакалавров по направлению 44.03.01. “Педагогическое образование” для полилингвальных школ. По завершению учебы студенты разных высших школ ИФМК преподают школьные дисциплины (математику, обществознание, химию, биологию, информатику и др.) на нескольких языках. В подготовке таких востребованных кадров для общеобразовательных организаций республики при-

нимают участие преподаватели разных кафедр и институтов КФУ. Так как основным заказчиком кадров выступает Министерство образования и науки Республики Татарстан, подготовка педагогов нового поколения направлена на то, чтобы будущие учителя смогли вести образовательную и воспитательную деятельность на русском, татарском и английском языках. Нужно подчеркнуть, что Республика Татарстан одной из первых взялась за своевременное решение данной актуальной проблемы, так как в других субъектах Российской Федерации такие программы высшего образования еще не реализуются. Также следует привести в качестве положительного примера магистерскую программу по профилю подготовки “Полилингвальное образование”, которая реализуется в КФУ и обеспечивает выпускникам возможность работать в сфере основного общего, среднего общего и дополнительного образования в полилингвальной среде.

Для успешной организации учебно-воспитательного процесса в полилингвальном комплексе учителям нужны педагогические инструменты: учебник, книга для учителя, рабочая тетрадь, интерактивные средства, обучающие и проверочные тесты и т.д. Для разработки УМК для таких школ коллектив ИФМК успешно сотрудничает с Министерством образования и науки Республики Татарстан.

Для полилингвальных комплексов разрабатываются новые учебно-методические комплексы по разным предметам. В качестве примера мы можем привести учебно-методический ком-

плекс “Адымнар” по родному (татарскому языку) и литературе [Адымнар 2021]. Данный УМК включает в себя: рабочую программу, учебное пособие, книгу для учителя, рабочую тетрадь, электронный учебник и контрольно-измерительные материалы. Обучение татарскому языку на основе данных инструментов нацелено на овладение умениями свободно общаться на родном языке, осмысление языка как основного средства межличностного и межкультурного общения, освоение морально-этических норм, осознание эстетической ценности татарского языка и знаний об устройстве языковой системы, а также закономерностях ее функционирования. Учителя используют новые УМК с целью формирования у школьников коммуникативной компетенции и основных ее составляющих, при этом делая упор на игровые технологии. Материал выбирается с учетом возрастных особенностей учащихся, а также уровня владения родным языком. В целях вовлечения в этнокультурную среду и воспитания подрастающего поколения в духе межэтнического согласия материалы учебника имеют параллели с программами русского языка и литературы, английского языка. Учебные пособия также содержат материалы, изучаемые на уроках математики, окружающего мира, музыки, рисования и т.д.

Представленный в УМК по родному (татарскому) языку учебный материал направлен на обучение основным видам речевой деятельности – говорению, аудированию, чтению и письму, а также развитию у учащихся фонетических, лексических и грамматических навыков. Младшие школьники знакомят-

ся с окружающей жизнью и практически усваивают наиболее употребительные в татарской речи разговорные модели и этикетные выражения. Весь языковой и речевой материал, представленный в УМК, подразделен на такие большие темы, как “Я”, “Окружающий мир”, “Моя Родина”, “Татарский мир”. Отрадно отметить, что оптимально организованный процесс обучения языкам в полилингвальных комплексах готовит учащихся к адекватному восприятию иной культуры, осознанному отношению к существующим стереотипам, способствует выработке собственной линии поведения в различных ситуациях межкультурных контактов.

Таким образом, создание полилингвальных комплексов в Республике Татарстан представляет собой большой методический опыт, который будет интересен и полезен и для других многонациональных регионов РФ. Важно, чтобы данное приоритетное направление интенсивно и успешно развивалось, создавая возможности для изучения родных языков народов, населяющих нашу страну.

Представленные в исследовании материалы еще раз подтверждают, что Республика Татарстан является ярким примером сохранения баланса между соблюдением политической линии федерального центра и национальными интересами граждан республики.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проблема развития полилингвального образования в РТ требует дальнейшего дидактического изучения, совершенствования систе-

мы языкового образования, использования в учебном процессе современных педагогических технологий, обеспечивающих социализацию учебного общения.

Литература

Адымнар. Татар теле. Татар теле. 1 сыйныф: гомуми белем бирү оешмалары өчен уку әсбабы. 2 кисәктә / Р.Р.Жамалетдинов, Э.Н.Денмөхәммәтова, Р.К.Сәгъдиева, Г.Р.Галиуллина, К.С.Фәтхуллова, А.Х.Әшрәпова. — Казан: Татар. кит. нәшр. 2021. — 152 б.

Государственное автономное общеобразовательное учреждение "Полилингвальный комплекс "Адымнар – путь к знаниям и согласию" г.Казани // <https://edu.tatar.ru/nsav/page2317.htm> (дата обращения 10.09.2021)

Ялалов Ф.Г. Концепция полилингвального образования в Республике Татарстан / Ф.Г.Ялалов // Научный Татарстан. – 2019. – №3. – С.80-96.

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.161.1

Антропоморфная метафорика в художественных текстах

Владимира Набокова

*лексикология, антропоморфная метафора, Владимир Набоков,
художественный текст*

Язык и стиль выдающегося мастера художественного слова Владимира Набокова есть неустанный поиск оригинальных, непредсказуемых для читателя и тем самым необыкновенно ярких изобразительно-выразительных средств. Одним из них является антропоморфная метафора, позволяющая писателю создать емкий символический образ, основанный на неожиданных и своеобразных ассоциациях. Олицетворение как стилистический прием у Набокова становится носителем центрального художественного смысла, о котором очень хорошо сказала З.А.Шаховская: "Если у героев его романов не хватает души, то предметы слишком очеловечены" [Шаховская 1991: 196].

Идиостиль писателя создают "знаменитые набоковские детали, плод его цепкой памяти, редкой наблюдательности и несравненного мастерства" [Носик 1995: 356]. В этой связи предметом нашего исследования стала антропоморфная метафора как средство экспрессивизации художественного текста В.Набокова.

Метафора как способ восприятия окружающей действительности в настоящее время изучается не только в художественном [Арутюнова 1990, Москвин 2019], но и в политическом и массмедийном дискурсах, см. [Чудинов 2013, Керимов 2015]. Наряду с артефактной, природоморфной, социоморфной метафорами, антропоморфная метафора занимает важное место в современной речевой практике [Чудинов 2003: 77-78]. Поэтому актуальность ее исследования в креативной художественной речи с позиций лексикологии и стилистики не вызывает сомнений.

По мнению А.А.Прокопьевой, "преобладающая группа метафорических моделей в русскоязычных текстах В.В.Набокова – антропоморфная метафора (19,5%)" [Прокопьева 2007: 6]. Нами установлено, что основной пласт лексики, лежащий в основе антропоморфной метафоризации в произведениях В.Набокова, можно разделить условно на несколько тематических зон, например: "Город", "Музыка", "Дом", "Поезд" и другие. Для анализа была выбрана тематическая группа "Мебель", лексика которой активно функционирует во многих романах писателя [Набоков 1990].

В романе "Машенька" автор дает нам подробное описание пансиона, где в настоящий момент проживает его главный герой Лев Глебович Ганин. Превращение обычной квартиры в пансион сопровождалось "распределением всех тех немногих предметов обихода", которые достались хозяйке в наследство. В тексте произведения практически все предметы обстановки

уподобляются живым существам за счет использования метафорических конструкций: *“**Столы, стулья, скрипучие шкафы и ухабистые кушетки разбрелись по комнатам, которые она собралась сдавать, и разлучившись, таким образом, друг с другом, сразу поблекли, приняли унылый и нелепый вид, как кости разобранного скелета**”*. Метафорический комплекс здесь создается в результате окказиональной сочетаемости неодушевленных существительных с глаголами и глагольно-именными сочетаниями, семантика которых выражает действия или состояния живых существ (ср. *люди разбрелись по комнатам, у него был унылый и нелепый вид* и т.д.).

Следует отметить, что автором при создании словесного образа активно используются глаголы перемещения: *“**Один из двух стульев, вместо того чтобы стоять у письменного стола (той дубовой махины, на которой была чернильница в виде большой жабы), забрел было в сторону маленького умывальника, но на полпути остановился, видимо, споткнувшись об отвернутый край зеленого коврика**”*. В данном случае ряд глаголов *забрести, споткнуться, остановиться* создают персонифицированный образ одушевленного предмета.

Рассмотрим еще один пример: *“**Письменный стол покойника, дубовая громада с железной чернильницей в виде жабы и с глубоким, как трюм, средним ящиком, оказался в первом номере, где жил Алферов, а вертящийся табурет, некогда приобретенный со столом этим вместе, сиротливо отошел к танцорам, жившим в комнате шестой**”*. В этом контек-

сте метафорическое значение возникает за счет обстоятельственной характеристики действия. И если общеязыковая метафора *табурет отошел* (ср. *вещи отошли к кому-либо*, т.е. были переданы или отданы) основана на узуальном переносном значении слова, то использование в ней наречия *сиротливо* сразу же актуализирует “семантику живого”.

Проанализируем другой контекст: *“Чета зеленых кресел тоже **разделилась**: одно **сучало** у Ганина, в другом **сживала** сама хозяйка или ее старая такса...”*. Употребление слова *чета* (словарное значение – “два лица или предмета, рассматриваемые как одно целое, пара; мужчина и женщина (чаще супруги)”) вместо *пара* способствует возникновению метафорического образа, который усиливается за счет глаголов *разделиться* (взаимно-совместное значение средневозвратного залога) и *сучать* (глагол эмоционального состояния).

В процесс персонификации у Набокова вовлекаются и другие названия предметов обстановки. Например, в комнате у танцоров Колина и Горноцветова *“по стенам **поднимали ножку балетные снимки**”*, в усадьбе, где в юности бывал летом Ганин, *“...**дагерротипы** на стенах **слушали**, как **оживало** и **звенело белое пианино**”*, ср. также: *“В трех небольших комнатах, которые он со своей Леночкой занимал, господствовал невероятный беспорядок, точно самые **вещи**, его и ее, **передрались между собой**”* (Случай из жизни)

В романе “Машенька” в качестве олицетворяемого образа выступают не только какие-либо конкретные артефакты, но и

само собирательное существительное *мебель*: *“И в следующий миг они сцепились, покатались по гулкому паркету, задевая во тьме мертвую мебель в чехлах...”*. Определение “мертвая” ассоциативно противопоставлено словосочетанию “живая мебель”, ведь мертвым можно назвать только то, что когда-то было живым.

Антропоморфные метафоры тематической зоны “Мебель” можно обнаружить во многих романах писателя: *“Забавно застать чужую комнату врасплох. Мебель, когда я включил свет, оцепенела от удивления”* (Соглядатай); *“В кабинете стояли коричневые бархатные кресла. Книжный шкаф, увенчанный плечистым, востролицым Данте в купальном шлеме, и большой, пустоватый письменный стол с неизвестным прошлым и неизвестным будущим”* (Защита Лужина).

Антропоморфная метафорика характерна и для поэтических произведений Набокова: *“И вот сажусь на выцветший диван / С невидимой возлюбленною рядом, / И голый стол следит собачьим взглядом, / Как я беру невидимый стакан”* (Представление); *“И вот - конец... Рояль незримый умер, / Темно и незначительно пожив”* (Кинематограф).

Корреляция “живой/мертвый”, свойственная “одушевленному миру” и довольно часто лежащая в основе металогической речи, наличествует в следующем контексте: *“Случалось ли тебе, читатель, испытывать тонкую грусть расставания с нелюбимой обителью? Не разрывается сердце, как при прощании с предметами, милыми нам.... Но в лучшем уголке души*

мы чувствуем жалость к вещам, которых собой не оживили, едва замечали, и вот покидаем навеки. Этот мертвый уже инвентарь не воскреснет потом в памяти... Федор Константинович запер, сидя на нем, чемодан, обошел комнату, напоследок осмотрел ее ящички, но ничего не нашел: мертвецы не воруют” (Дар). В этом отрезке текста автор моделирует реальность по подобию человеческих отношений, чему способствуют предикаты *оживить* и *воскреснуть*, устойчивые словосочетания “чувствовать жалость”, “сердце разрывается”, “мертвецы не воруют”.

Таким образом, антропоморфную метафору В.Набокова можно рассматривать и как пример окказиональной экспрессивности, и как языковую игру, и как особый символический образ, передающий индивидуально-авторское видение мира. Его метафорические модели, на первый взгляд, объективируют “мир вещей”, однако связаны, безусловно, с осмыслением человеческой сущности и “миром людей”.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д.Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.5-32.

Керимов Р.Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации: монография / Р.Д.Керимов. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2015. – 339 с.

Москвин В.П. Русская метафора: Опыт семиотического описания / В.П.Москвин. – М.: URSS, 2019. – 352 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений в четырех томах / В.В.Набоков. – М.: Изд-во “Правда”, 1990.

Носик Б.М. Мир и дар Набокова: первая русская биография писателя / Б.М.Носик. – М.: “Пенаты”, 1995. – 552 с.

Прокопьева А.А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В.В.Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А.Прокопьева; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П.Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А.П.Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения / З.А.Шаховская. – М.: Книга, 1991. – 319 с.

**Чебоксарский региолект русского языка как возможная
идиома новой самоидентификации жителей Чувашской
Республики**

*русский язык, региолект, чебоксаризмы,
наднациональная идентификация*

В чувашской среде в настоящее время наблюдаются серьезные процессы языкового сдвига в пользу русского. При этом русский язык в Чувашии имеет устойчивые отличия от литературной нормы на всех уровнях.

На фонетическом уровне (1) выделяются следующие специфические черты:

1.1. Отсутствие редукции гласных в безударных позициях, иначе говоря буквенное произношение, например: чеб. [чува́шија] – лит. [чува́шијь], чеб. [часы́] – лит. [чи^эсы́], чеб. [цв^эты́] – лит. [цв^иты́], чеб. [т^эл^эфон] – лит. [т^ьл^ифон] [Ерина 2018: 40–41].

1.2. Нелитературный акцент в ключевом топониме: чеб. *Чуваши́я* вместо лит. *Чува́шия* (смещенное ударение также используется в обозначении соседней республики: *Татару́я*).

1.3. Предпочтение менее распространенного акцентологического варианта слова *чуваш* в грамматической парадигме

плюраля, при котором акцентируется второй слог в отличие от доминирующей литературной формы с ударением на третьем слоге, ср.: чеб. *чувáши, чувáшами, чувáшей* – лит. *чувашí, чувашáми, чувашéй*.

1.4. Произнесение фамилии *Александров* с ударением на конечном слоге (*Александрóв*), соответствующей ее редкой дворянской реализации в среде русского населения.

1.4. Протяжная интонация с выделением финальных частей высказывания.

1.5. Имитация чувашского акцента как средства создания комичного эффекта [Фомин 2018].

В качестве лексических маркеров (2) выступают следующие явления:

2.1. Высокая востребованность ключевой региональной лексики: *чуваш, чувашский, Чебоксары, чебоксарский, междо-метия айда*.

2.2. Наличие чувашеобусловленных официальных и неофициальных топонимы, например: *улицы М.Сеспеля, С.Эльгера; бульвар А.Миттова; проспекты И.Яковлева, Г.Айги; шоссе Канашское, Вурнарское; магазин "Шупашкар"; ресторан "Ехрем хуҫа" [jэхр"эм" [хуžá]; река Пахча [пахчá]; Берендеевский лес; Новуюжка "Новоюжный район г. Чебоксары"; Агрегатка "район Чебоксарского агрегатного завода" [Ерина 2018: 50].*

2.3. Включение в речь экзотизмов, например: *акатуй [агадúj] "весенний чувашский праздник", серте [с"эр"д"э]*

“снуть”, *хуплу* [хуплú] “пироги с картошкой и мясом” *шърттан* [шърт:án] “вид домашней колбасы”, *шурпе* [ш“үр“б“э] “суп из потрохов” и т.п. [Ерина 2012; Мызников 2005].

2.4. Разграничение статусов близких родственников по возрасту: *брат* “старший брат” – брaтишка “младший брат”, сестра “старшая сестра” – сестренка “младшая сестра”, ср. с чув. *пичче* [п“ич:э] “старший брат”, *шяллям* [шъл:ъм] “младший брат”, *аппа* [ап:á] “старшая сестра”, *йямък* [jъмък] “младшая сестра” [Анисимова 2016: 10].

2.5. Номинация пшеничного и ржаного хлеба по внешним параметрам как белого и черного, ср. с чув. *хура сьакър* [хурá сьгър] “черный хлеб”, *шуря сьакър* [шурь сьгър] “белый хлеб”.

2.6. Выражение просьбы об остановке маршрутных такси словом *оставьте* [Алос-и-Фонт 2018].

2.7. Сужение валентности глагола *идти*, исключающего его сочетаемость с транспортными средствами, т. е. автобусы (автомобили, троллейбусы, поезда) едут, но не идут.

2.8. Предпочтение глагола *кушать* во всех возрастных и социальных группах.

2.9. Использование региональных сокращений, нередко просторечных: *Че / Чебы* “Чебоксары”, *ЧР* “Чувашская Республика”, *СЗР* “северо-западный район Чебоксар”, *Новчик / НЧБ*. “Новочебоксарск”.

2.10. Сопровождение приветствия вопросительным предложением *Куда идешь (едешь)?*, представляющегося калькой чувашского этикетного *Аста каян?* [ъста кајán].

2.11. Использование в качестве абсолютных синонимов местоименных наречий *зачем* “с какой целью” и *почему* “по какой причине” [Анисимова 2016: 10–11].

2.12. Использование нецензурной лексики в семантически упрощенной междометийной роли.

Грамматические особенности (3) речи чебоксарцев:

3.1. Замена притяжательных местоимений формами генетива с предлогом *у*, ср.: *у меня мама = моя мама; у тебя телефон = твой телефон; у нас дом = наш дом.*

3.2. Оформление нейтральной просьбы частицей *-ка*: *Ай-да-ка уже начнем.*

3.3. Тотальное выражение вопроса с помощью частиц *что ли, да*: *Домой пойти, что ль? Прочитал, да?*

3.4. Обозначение остановки общественного транспорта формой номиналиса без согласования: *Дом торговли оставьте; Рынок оставьте.*

3.5. Зачисление в разряд ограниченно склоняемых этнонима *чуваши*: *традиции верховых чуваш; численность чуваш.*

Чебоксаризмы также формируются в деривативном поле и выражаются в производстве новой региональной лексики путем прибавления к чувашским корням русских суффиксов: *ширтанчик* “ширтан небольшого объема” < *шърттан* [шърт:án] “домашняя колбаса”, *шубашкарец* “чебоксарец” < *Шупашкар* [шубашкár] “Чебоксары”, *укщущики* “денежки” < *укџа* [укџá] “деньги”, *вулахать* “читать” < *вула-* [вулá] тж. (см.: Фомин, Ерина 2021: 27–28).

Чебоксаризмы в региональной речи в первую очередь являются результатом чувашского влияния. Они воспроизводятся в речи чувашей, включая их ассимилированных представителей, а под их влиянием и у представителей других народов, в том числе и у русских. В целом чебоксарский региолект при его распознавания самими носителями воспринимается как некачественный уровень владения русским языком и начинает использоваться преднамеренно в случае его осознания.

В современных условиях специфические черты чебоксарского региолекта усиливаются. При развитии наблюдаемых тенденций (исчезновения регионального языка при желательном сохранении региона в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы, предполагающем наличие уникальных признаков) возможно его признание в качестве идиомы метаэтнической самоидентификации жителей республики, как это происходит, например, с одесским или пермским региолектами.

Сокращения

Лит. – литературный язык, тж. – то же, чеб. – чебоксарский региолект, чув. – чувашский язык.

Литература

Алос-и-Фонт Э. О региолекте Чебоксар (на основе просьб об остановках в маршрутных такси / Э.Алос-и-Фонт // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им.И.Я.Яковлева. – 2018. – №1. – С.10–18.

Анисимова И.Н. Некоторые лексические особенности функционирования русского языка в Чувашии / И.Н.Анисимова // Научное наследие В.А.Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань, 2016. – Т.2. – С.9–11.

Ерина Т.Н. Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря / Т.Н.Фомин, Э.В.Фомин. – Чебоксары, 2012. – 229 с.

Ерина Т.Н. Экстралингвистические факторы функционирования чебоксарского региолекта / Т.Н.Фомин, Э.В.Фомин // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. – Киров, 2018. – С.49–52.

Ерина Т.Н. Фонетические маркеры чебоксарского региолекта / Т.Н.Ерина // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С.40–41.

Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл / С.А.Мызников. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.

Фомин Э.В. Чебоксарский региолект русского языка: новое просторечие / Э.В.Фомин, Т.Н.Ерина // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. № 1. – С.26–29.

Фомин Э.В. Имитация чувашского акцента в русской речи / Э.В.Фомин // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары, 2018. – С.48–51.

Из истории немецких заимствований

*иноязычная лексика, заимствование,
словарь иностранных слов, германизмы*

Словарный состав языка находится в постоянном развитии за счет собственных словообразовательных средств, а также за счет заимствования лексических средств из других языков. Заимствование слов из одного языка в другой – это закономерное следствие языковых контактов в области политики, экономики, культуры, науки. В настоящее время русский язык активно пополняется лексикой иноязычного происхождения. Доминирующими языками-источниками являются английский, французский, испанский и восточные языки. Однако немалое влияние на русский язык оказала и лексика немецкого происхождения, отражающая историю русско-немецких взаимоотношений.

Первые контакты России и Германии относятся к началу XI века, а уже с XIII века немецкое влияние начинает возрастать. В этот период язык пополняется лексикой из сферы военного дела и торговли.

Наиболее активным этапом вхождения германизмов в русскую лексику является эпоха Петра I. Благодаря русско-немецким контактам в языке появились слова из следующих сфер:

а) военной – *агрессор, аристократ, гауптвахта, патронташ* и т.д.;

б) административной – *ипотека, нотариус* и т.д.;

в) бытовой – *вакса, вафли, клейстер* и т.д.

В последующие периоды немецкое влияние несколько ослабло, но не прекратилось.

В конце XX – начале XXI века мы наблюдаем активизацию культурных, политических, экономических связей России и Германии, что прямым образом влияет на распространение германизмов в русском языке.

Особый интерес представляют заимствования XVII – XIX веков с точки зрения изменения их семантики в настоящее время.

Лексема *вахта* пришла в русский язык в середине XIX в. в составе довольно большого пласта так называемой военной лексики. В немецком языке слова с основой *wacht* так или иначе соотносятся с глаголом, имеющим значение “сторожить, охранять, быть бдительным”. В русском языке первое значение осталось без изменения: *вахта* – “дежурство, охрана”, но появилось и второе значение “промежуток времени, в течение которого одна вахтенная смена выполняет свои обязанности”. В современном языке проявилось еще значение “группа людей, продолжительное время работающая в отдаленном районе в отрыве от постоянного места жительства и сменяемая такой же группой” [Ефремова 2000].

Слово шифер заимствовано в XVIII в. из немецкого языка, где *Schiefer* — того же корня, что и *scheiden* — “разделять, различать”, в русском языке имело значение “сланец”, позднее приобрело значение “строительный материал в виде плиток из сланца или спрессованного с асбестом цемента, употр. для покрытия крыш, обивки стен и т.п”.

Курорт заимствовано во второй половине XIX в. из немецкого языка, где *Kurort* — сложение *Kur* “лечение” и *Ort* “место”, “местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и для отдыха”. Позднее появилось новое значение “благоустроенное место, где человеку приятно жить, работать”.

Шайба заимствовано в XIX в. Немецкое *Scheibe* – “шайба, кружок, пласт”. Помимо исходного значения, в русском языке распространение получило значение “спортивный снаряд в виде небольшого резинового диска, используемого при игре в хоккей”.

Литература

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология / Э.А.Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – Т.1. – 171 с.

Кепещук С.Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона: автореф. дисс. канд. филол. наук / С.Ф.Кепещук. – Тюмень, 2001. – 18 с.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П.Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика немецкого происхождения в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол.наук / А.Р.Тимиргалеева. – Казань, 2006. – 28 с.

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 8.11.161.1~38

Функционирование лексемы *месяц*

В поэтических текстах

*поэтический текст, функционирование лексемы *месяц*,
проблема образности, парадигмы образов,
предмет сравнения*

Обозначения небесных тел составляют одну из активно используемых групп слов, обладающих эстетической значимостью. Объектом данного исследования является лексема *месяц*, которая вызывает несомненный интерес в аспекте изучения художественной коммуникации.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что слово *месяц* еще не получило всестороннего освещения при разработке проблемы эстетики языка.

Цель исследования – комплексный анализ функционирования лексемы *месяц* в произведениях русской поэзии XIX–XXI веков. При этом особое внимание обращалось на изучение ее образно-ассоциативных возможностей, т.к. этот аспект анализа является ключевым при исследовании эстетики художественного слова. Как известно, существуют разные традиции и методики описания образности языковых единиц (см., например, работы Н.Д.Арутюновой, В.В.Виноградова,

В.П.Григорьева, Б.А.Ларина, Л.А.Новикова, Н.В.Павлович, О.Г.Ревзиной). Выявление образности лексемы *месяц* в данной статье проводилось в основном с опорой на методику изучения образных парадигм Н.В.Павлович [Павлович 1995].

Рассмотрим прежде всего семантику лексемы *месяц*. Авторы "Толкового словаря русского языка" определяют это слово в качестве полисеманта, имеющего три значения. Функционирование лексемы как обозначения небесного тела связано с реализацией третьего ее значения "диск луны или его часть" [Ожегов 2007: 352]. В большей части поэтических текстов данная лексическая единица используется в значении "часть диска луны", о чем, в частности, свидетельствует ее намеренное сближение с такими словами и словосочетаниями, как *долька, ломтик, половина колеса, дуга щербатая* и т.д.

В плане определения дистрибуции показательны случаи сочетания лексемы *месяц* с теми языковыми единицами, которые служат актуализации формы обозначаемого объекта, например: *острый, круторогий* (А.Блок), *кривая сабля* (В.Нарбут), *узкий, холодный серп* (В.Ходасевич), *кинжал турецкий* (М.Цветаева), *изогнутый перст* (А.Блок). Значимы также примеры, которые демонстрируют намеренное сближение данной лексемы со словами, характеризующими небесное тело с точки зрения светового тона: *белый голубь* (В.Набоков), *янтарный лик* (В.Брюсов), *серебряная слеза* (С.Клычков) и др.

В процессе анализа образно-ассоциативных возможностей лексемы *месяц* были выявлены 16 парадигм, в которых данное

слово используется в качестве левого элемента. В позиции правого члена парадигмы выступают лексические единицы, относящиеся к понятиям “живой предмет”, “орган”, “драгоценное”, “вещество”, “свет”, “орудие”, “транспорт”, “растение”, “еда”, “ткань”, “сосуд”, “плоды”, “пространство”, “экзистенциальное”, “ментальное”, “предмет”.

Наиболее объемной среди названных моделей является парадигма, правый элемент которой репрезентируется словами, относящимися к понятию “живой предмет”. В это понятие включаются как названия лиц, так и обозначения животных – млекопитающих, птиц, насекомых и т. д. Самую значительную часть материала, связанного с моделью “месяц → живой предмет”, составляют те контексты, в которых правый элемент представлен личными существительными. Чаще всего используются слова, которые обозначают людей с точки зрения: а) их родства и характера межличностных отношений (*бабушка, брат, сын, сестра, друг, любовник*), б) профессии, рода занятий (*инструктор, художник, сторож, жнец, пастух*), в) возраста (*дитя, отрок, старик, старец*), г) оценки внутренних качеств личности (*мерзавец, оборкот, идиот*), конфессионального признака (*пастырь, игумен, дьячок*). Кроме того, достаточно частотны обозначения вымышленных персонажей мифов, сказок (*кудесник, чародей, черт*). Подтвердим сказанное текстовыми примерами: *Ходит над дорогой, / Над селом родным, / **Месяц** светлорогой / **Сторожем** ночным.* (И. Суриков. “Летняя ночь”); *Теперь настойчиво и жадно / Ты,*

месяц, алчущий старик, / Целуешь их... (К. Случевский. "Песни из уголка"); **Месяц, полно шляться обормотом!** (А.Жаров. "Чуть насторожится тишина..."); **Ясный месяц, ночной чародей!.. / Вслед за зорькой вечерней пурпурною, / Поднимись ты стезею лазурною, / Посвети мне опять поскорей...** (Л.Мей. "Молодой месяц"). Следует также отметить, что в приведенных фрагментах поэтических текстов обнаруживается маскулинизация [Хайрутдинова 2014: 150] неодушевленного субстантива *месяц*, чему способствует его сближение со словами *сторож* ("работник, который сторожит, охраняет что-н."), *старик* ("мужчина, достигший старости"), *обормот* ("грубый и пустой человек, бездельник") и *чародей* ("то же, что волшебник") [Ожегов 2007: 770, 762, 434, 877].

Парадигма "месяц → живой предмет" обладает высокой продуктивностью; она включает 109 образов, 83 из которых связаны с обозначением человека или вымышленного лица как персонажа мифа, сказки и т.п.

Для рассматриваемой парадигмы характерно также свойство обратимости. В качестве примеров обратных парадигм можно привести следующие контексты: **Сегодня ко мне под вечер, / Как месяц, вкатился Прон.** (С.Есенин. "Анна Снегина"); **Как месяц утренний, бледна, / Рогнеда в горести глубокой / Сидела с сыном у окна...** (К.Рылеев. "Рогнеда").

Интерес вызывает и тот факт, что характер употребления существительных и признаков слов, которые сочетаются со словом *месяц*, указывает на амбивалентность восприятия объ-

екта. Так, по возрастному признаку месяц предстает и как дитя (например, в стихотворении Б.Нарциссова “Тихо, в безветрии ночью листва опадает на травы...”), и как старик (в стихотворении К. Случевского “Песни из уголка”). С точки зрения корреляции по признаку “род – пол” месяц, например, может получить художественное осмысление в качестве любовника ночи (подтверждение этого находим в одном из стихотворений В. Брюсова: *Ночь уснула, дождем убаюкана... / Теперь не слышит ни звука она, / Что любовник-месяц ей шепчет...*). Такое употребление слова вполне соответствует существующей в русском языке закономерности создания грамматической метафоры в трактовке Е.И.Шендельс [Шендельс 1972: 53]. С другой стороны, интерпретация месяца может быть связана с образом царицы, супруги солнца (о чем свидетельствуют поэтические строки В. Иванова: *Розовеет месяц на восходе / Деспота в лучах золотого круга, / Как царица юная, в разводе / Все влюбленная в царя – супруга*). Однако подобное использование неодушевленного субстантива мужского рода противоречит указанной закономерности, т. к. полноценному восприятию образа препятствует отсутствие корреляции по роду и полу существительных *месяц* и *царица*. Неоднозначно дается и оценочная интерпретация объекта. С одной стороны, месяц вызывает эмоции восхищения, любования, например: *Дивный месяц показался... / Засиял он, лик чудесный, / Взволновал красою душу* (К.Жаров. “Где ты, где ты, пурпур песен...”). С другой стороны, его описание связано с выражением негативных эмоций

и оценок: ...*Даже месяц с пропревшей тины / Скалит желчно свой медный зуб.* (А.Кусиков. В асфальтовый скрежет злобы...”).

Таким образом, анализ функционирования лексемы *месяц* в произведениях русской поэзии XIX-XXI веков показал, что чаще всего она реализует значение “часть диска луны”. Анализ образно-ассоциативных возможностей слова выявил большое их разнообразие. Выявлены 16 образных парадигм, в которых лексема *месяц* выступает в позиции левого элемента. При этом наибольшим объемом с точки зрения количества примеров, высокой продуктивностью и обратимостью характеризуется парадигма “месяц → живой предмет”.

Изучение функционирования лексемы *месяц* в поэтических произведениях XIX-XXI веков позволило также выявить амбивалентность восприятия обозначаемого объекта по ряду аспектов, в том числе в плане его оценочной характеристики.

Литература

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – М.: ООО “А ТЕМП”, 2007. – 944 с.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В.Павлович. – М.: Типография Россельхозакадемии, 1995. – 491 с.

Хайрутдинова Г.А. К проблеме образности языковых единиц (на материале анализа образного потенциала лексемы *берег*) / Г.А.Хайрутдинова // Казанская наука. – 2014. – №9. – С.149-152.

Шендельс Е.И. Грамматическая метафора // Филологические науки / Е.И.Шендельс. – 1972. – №3. – С.48-57.

Хөснетдинов Дамир Хәйдәрович

Сәгъдиева Рамилә Камиловна

Казан (Идел буе) федераль университеты

УДК 811.512.1

Хәсән Туфан шигъриятендә тезүле бәйләнеш

сочинительная связь, форма, творчество, поэт

Сүзләрнең бер-берсенә буйсынмыйча, үзара тигез хокукта булган бәйләнешне тезүле бәйләнеш дип атыйлар [Зәкиев 1999: 44]. Тезүле бәйләнештә килгән жөмлә кисәкләре үзара тиндәшләнәп киләләр.

Тиндәш кисәкләрне нинди дә булса бер кисәккә караган һәм шул кисәккә карата бер үк мәгънә мөнәсәбәтендә торган кисәкләр дип йөртәләр. Теркәгеч чаралар булып, санау һәм каршылык интонацияләре, жыючы, каршы куючы һәм бүлүче теркәгечләр һәм теркәгеч сүзләр кулланыла [Зәкиев 1999: 175].

Беренче тапкыр татар телчеләре тарафыннан сүзләр арасында тезүле бәйләнеш билгеләнә. Ләкин ул сүзләр бәйләүдә аерым урын алып тормый. Тезүле бәйләнеш бары тик теркәгечләрне өйрәнгәндә генә билгеләнә. К. Насыри хезмәтләрендә тезүле бәйләнеш конкрет өйрәнелә башлый. Әлеге тема теркәгечләр белән бәйле морфологиядә генә түгел, ә тиндәш кисәкләр белән бәйләп, синтаксис бүлегендә дә яктыртылган. Автор тиндәш кисәкләрне кушма кисәкләр дип атый [Насыри 1860: 41]. Г.Ибраһимов тезүле бәйләнешне

оешкан жөмлөлөр исеме астында тикшерә: “Жөмләнең кисәкләреннән берсе бердән артык булса, ул жөмләне “оешкан жөмлө” дип атыйлар” [Ибраһимов 1919: 27]. 1926 елда Г.Алпаров та бу фикерне куәтләп чыга [Алпаров 1926: 155].

Тезүле бәйләнештәге сүзләр үзара бер-берсенә буйсынмыйча, тигез хокукта булсалар да, аерым-аерым нинди дә булса башка бер сүзгә буйсынган яки шул сүзгә буйсындырган булалар, һәм бары шуның нәтижәсендә генә алар үзара тезүле бәйләнештә тора алалар.

Х.Туфанның теле искиткеч. Ул телнең бар мөмкинлекләреннән файдалана белә. Бер сүз, бер форма белән укучыны ялыктырмый. Сүзләргә бәйләүче чаралар да гаять төрле.

Х.Туфан ижатында жыючы теркәгечләр шактый һәм төрле. *Һәм* теркәгече ярдәмендә шагыйрь хәбәрләргә тезеп китә:

Кирәк төштә утка-суга кердем

Бата-чума һәм яна-көя [Туфан 1980: 127].

Шунысы кызык: *һәм* теркәгече тиндәш ияләргә бәйләүдә катнашмаган. Х. Туфан аларны аергычларны, тәмамлыкларны, рәвеш һәм күләм хәлләргә тезеп киткәндә кулланган:

Миндә бардыр монгол һәм фин каны,

Синдә, бәлки — гарәп, һинд каны [Туфан 1980: 16].

Нур сибә ай

Куйга һәм... бүрегә.

Нур сибә ай

Мәктәп һәм... төрмәгә [Туфан 1980: 23].

Тезүле бәйләнешне белдерә торган *да/дә* теркәгече дә шактый. *Һәм* теркәгеченән аермалы буларак, ул хәтта ияләрне тиңдәшләндереп килгәндә дә кулланыла:

Якты да безнең заманга

Жылы да күбрәк кирәк [Туфан 1980: 79].

Шулай да автор *да/дә* теркәгечләре аша хәбәрләрне тезеп китәргә ярата:

Матәм көне саен

Йөрәк, мескен, әрни дә әрни [Туфан 1980: 65].

Сердәшем – китап та дәфтәр

Таңнарға кадәр... [Туфан 1980: 73]

Туры һәм кыек тәмамлыклар арасындагы тезүле бәйләнешне дә әлеге теркәгеч башкара:

Исемеңне дә белми киттем бит мин,

Адресны да синең, кыз бала... [Туфан 1980: 28]

Искә дә бай алар,

Төскә дә бай [Туфан 1980: 177].

Хәлләргә килгәндә, бары тик урын хәлләре генә бер очракта *да/да* теркәгече аша тезелеп киткәннәр:

Галәмдә дә

Жирнең үзендә дә —

Бездә әле жиңеш, туганнар! [Туфан 1980: 58].

Тезүле бәйләнешне белдерә торган *ни/ни* теркәгече сирәк булса да, шулай да ияләрне тезеп китү өчен мөһим бер рольне уйнаган:

Бу төшлэргә килеп житә алмый

Ни бер сәлам, ни хат, ни хәбәр! [Туфан 1980: 220].

Х.Туфан шигъриятендә каршы куючы теркәгечләр дә юк түгел. Алардан *ләкин* һәм *ә* теркәгечләре файдаланылган. Тезүле бәйләнешне белдерә торган *ләкин* теркәгече хәбәрләрне тиндәшләндереп килә:

Ярлы, ләкин мәгърүр иде алар.

Көчле, ләкин

Ярлы, буш куллар [Туфан 1980: 272].

Тезүле бәйләнешне белдерә торган *ә* теркәгече күбрәк ике гади жөмләне бәйләгәндә файдаланылган. Тиндәш кисәкләрне алар аша бәйләп килгән очраklar алай күп түгел. Бик сирәк кенә алар хәбәрләрне тиндәшләндереп киләләр, ешрак тиндәш урын хәлләре арасына урнашканнар:

Юк, чүлмәктә түгел, ә иркен

Жылы илдә үскән бу чәчәк! [Туфан 1980: 277].

Күрешкәнсең, безнең өйдән түгел,

Ә тормыштан китеп барышлы [Туфан 1980: 144].

Х.Туфанның без тикшергән шигырьләр жыентыгында бүлүче теркәгечләр дә очрый. *Я* теркәгече берничә генә очракта күзгә ташланса, *әллә/әллә* теркәгече ешрак чагылыш тапкан:

Зирәк илем, кыю, чая илем,

Сиңа бит бер сүзем бар минем,-

Йә үлемдә шуны, йә теремдә

Искә ал идең [Туфан 1980: 12].

Нәрсәдер тына, югала,

Әллә жыл, әллә сагыш? [Туфан 1980: 179]

Х.Туфан тезүле бәйләнештән санау интонациясен дә онытмый. Санау интонациясе ярдәмендә жөмләнең тиңдәш ияләре һәм хәбәрләре тезелеп киткән:

Астралар, гөлләр кыраулы,

Каеннар сары иде... [Туфан 1980: 36].

Әйдә ян, дөрлө, йөрәк [Туфан 1980: 65]

Шагыйрь ике компонентлы хәбәрләрне генә түгел, хәтта өч компонентлы тиңдәш хәбәрләрне дә санау интонациясе аша тезеп китә:

Өч ел, биш ел, ун, унбиш ел

Көтте, түзде, бизмәде [Туфан 1980: 127].

Нинди жылы, иркен, күңелле син,

Илебезнең яңа эрасы! [Туфан 1980: 277].

Санау интонациясе ярдәмендә тәмамлыктар да бәйләнешкә кергән. Ләкин алар бик сирәк очрый. Ешрак төшем килеше кушымчасы белән белдерелгән туры тәмамлыктар, ә сирәгрәк кыек тәмамлыктар саналып үтелгән:

Дөнъяның мин курдем суын, күлен,

Урманнарын, тавын, чүлләрен... [Туфан 1980: 79].

Санау интонациясе ярдәмендә жөмләнең аергычлары тезелеп киткән.

Йөрәкләрнең тирән эзе калган

Безнең сабыр, чандыр иңнәрдә [Туфан 1980: 282].

Санау интонациясе ярдәмендә тиндәш хәлләр дә тезелеп киткән. Мисаллардан күренгәнчә, күбрәк рәвеш хәлләре тиндәшләнәп килә. Сирәк булса да урын һәм вакыт хәлләре дә санау интонациясе аша бәйләнешкә кергәннәр:

Танышларым кайта операдан

Житәкләшеп, парлап, гөрләшеп [Туфан 1980: 230].

Яңгырларда–явымнарда,

Давылларда–жилләрдә,

Киек казлар кагылдаша

Мин белмәгән телләрдә [Туфан 1980: 185].

Кырларыңда, илем, юлларыңда

Гизәсе иде, гизәсе иде [Туфан 1980: 130].

Димәк, Х.Туфан жыючы теркәгечләрдән күбрәк *да-дә, та-тә* теркәгечләрен яратып куллана. Шигырьләрдән күренгәнчә, теркәгечләрнең яңгырау формасы актив кулланыла. Ул калын вариантта килә. *Һәм* теркәгечен күп дип әйтеп булмый. Сирәк булса да *ни-ни* теркәгече очрый. *Ә вә, шулай ук, тагын, янә* теркәгечләре гомумән кулланылмаган. Каршы куючы теркәгечләрдән иң киң таралганы *ләкин, ә* теркәгече. *Бәлки, тик, мәгәр* теркәгечләре гомумән кулланылмый. Каршылык теркәгечләре күбрәк кушма жөмлөләр өчендәге гади жөмлөләрне берләштерә, яисә жөмлөләрне бәйләп киләләр. Шагыйрь ижатында бүлүче теркәгечләрдән *әллә/әллә* теркәгече иң еш кулланыла. *Я (йә)* теркәгече бик аз кулланылган. *Я* теркәгече вакыт хәлен тиндәшләнәдереп килсә, *әллә/әллә* теркәгече тиндәш ияләрне, хәбәрләрне, тәмамлыктарны һәм

рәвеш хәлләрен бәйли. Ә *яки, яисә, әле/әле* теркәгече гомумән очрамый диярлек. Ияләр, хәбәрләр, тәмамлыклар, аергычлар һәм хәлләр санау интонациясе аша да тезелеп килгән очраklar шактый.

Әдәбият

Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы / Г.Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1926. – 164 б.

Зәкиев М.З. Татар грамматикасы / М.З.Зәкиев. – Т.З. – Казан – Мәскәү: “Фикер” – “Инсаф”, 1999. – 512 б.

Ибраһимов Г. Татар нәхүе / Г.Ибраһимов. – Казан: “Өмет” нәшр., 1919. – 52 б.

Насыйри К. Краткая татарская грамматика изложенная в примерах / К.Насыйри. – Казань, 1860. – 79 с.

Туфан Х. Лирика / Х.Туфан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 318 б.

Черкасова Ирина Александровна
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
УДК 81'42

**Лингвистическое исследование ценностей в американском
медиадискурсе об образовании**

медиадискурс, аксиосфера, концепт Student, аксиология

Данная статья посвящена лингвистическому исследованию ценностей в американском медиадискурсе об образовании на примере одного из базовых концептов педагогического дискурса "Student" в рамках новостных текстов американских СМИ. Работа выполнена в русле дискурсивно-когнитивной макропарадигмы современного языкознания и подразумевает анализ репрезентации одного ключевого концепта, связанного с темой образования, в современном медиадискурсе.

В настоящее время тема актуализации ментальных единиц в дискурсе набирает все большую популярность у исследователей по всему миру. С течением научно-технического прогресса особый интерес вызывает медиадискурс и большое количество публикаций посвящено именно ему. Это четко прослеживается в трудах О.В.Александрова, Т. ван Дейка, К.С.Бочкаревой, Е.С.Кубряковой, А.А.Леонтьева, Е.Г.Малышевой, В.Е.Чернявской и другие. Новостные тексты в Интернете заслуживают отдельного особого внимания. Их формат является се-

тевым форматом, доступным для всех и везде. Интернет-новости удобны для визуального восприятия, структурированы по содержанию и формату. Характерные свойства текстов в Интернете – презентация сообщений в краткой и развернутой форме, что является удобным и практичным способом для быстрого получения информации и позволяет не только отражать культурные концепты, но и играть существенную роль в их формировании.

Концепт Student (студент, ученик) относится к числу базовых концептов лингвокультуры и представляет интерес для многих исследователей нашего времени. В русской лингвокультуре свои труды изучению концепта *ученик* посвятили Е.Г.Кабаченко, Е.Н.Заречнева и др. Однако в американской лингвокультуре данный концепт остается малоизученным и по сей день, что доказывает актуальность работы.

Цель исследования заключается в выявлении средств и способов формирования аксиосферы в современном медиадискурсе на английском языке. Материалом для исследования послужили 500 контекстов из онлайн-версий следующих ведущих газет США: "The Wall Street Journal", "The New York Times", "The Time", "The New Yorker", "USA Today", "Los Angeles Times", "The Washington Post", "Chicago Tribune", "Newsday", "Bloomberg", "Am NewYork", "The Denver Post", "Detroit Free Press", "Nydailynews", "San Francisco Chronicle", "New York Post", "The Philadelphia Inquirer", "Azcentral", "The Post and Courier", "Columbia Spectator", "The brown daily herald newsletter" и "The

chief leader” в период с 2011 по 2021 г. Методом сплошной выборки из текста статей были выбраны и проанализированы примеры различных способов формирования ценности с помощью лингвистических средств.

В соответствии с одной из наиболее распространенных принципов построения текстов в журналистике – *перевернутая пирамида (inverted pyramid)* [Brooks 2002: 143-145], далеко не каждое словоупотребление *student* в СМИ предполагает манифестацию концепта и формирование аксиосферы. В результате исследования удалось выявить, что в большом количестве контекстов присутствует просто обозначение статуса, причем контексты эти, как правило, негативны:

The 16-year-old student who detonated the device, four other students and a teacher were all hurt in the inadvertent blast at Newaygo High School, police told MLive.com.

СМИ формируют несколько искаженную картину мира относительно реального представления о ценностях. Освещаются многие негативные события – преступления, насилие, нарушение прав человека и пр. Реализуя регулятивную функцию и акцентируя внимание на событиях такого типа с целью преобразования общества к лучшему, СМИ в то же время выстраивают деформированную, искаженную картину ценностей. Сплошная выборка контекстов по слову *student* сформирует образ чрезвычайно криминализированных студентов, так как эти слова используются в качестве обозначения статуса подозреваемого или пойманного с поличным преступника: не просто

“Джон Смит совершил преступление”, а “Студент Джон Смит совершил преступление”. Таким образом, значительная часть контекстов современного медиадискурса не взаимодействует с аксиосферой.

Среди контекстов, вступающих в прямое взаимодействие с формированием аксиосферы, удалось выделить следующие:

1. Современный дискурс, 2020–2021 гг., акцентирует, в первую очередь, ту сложную ситуацию, в которой оказались студенты и ученики школ в связи с распространением инфекции, дистанционного обучения и пр. Ученик оказывается вынужденно загнанным в условия, которые его не вполне устраивают, зачастую еще и за собственные деньги, так как речь идет о платных школах и колледжах:

Students are struggling to read behind masks and screens during COVID-19, but “expectations are no different”.

Colorado students face ongoing struggle to express themselves as officials try to maintain order. The turmoil in the Douglas County School District of the past few months has laid bare fundamental questions over the extent and limits of free expression in the schoolyard, from a student’s right to organize a protest to the way adults in positions of authority converse with students.

В целом, безотносительно к актуальным реалиям общее представление концепта *student* включает в себя следующие репрезентации:

2. Несоответствие реальности ожиданиям – более десятка публикаций акцентируют внимание на том факте, что студент,

поступая в школу / колледж, ожидал одного, а столкнулся с совершенно другим:

Most college freshmen learn on Day 1 that they shouldn't use Wikipedia. It's framed as a crime on par with cheating: a mortal sin against the gods of academia.

3. Студенты часто подвергаются насилию, ущемлению прав, оказываются в зависимом от преподавателя и/или администрации положении:

St. Mary's Prep teacher: I was fired for reporting sex assault of student. A former longtime teacher claims Orchard Lake St. Mary's Preparatory High School fired him after he relayed a student's account of being sexually assaulted by older classmates.

4. Достойным упоминания в СМИ считается открытие, совершенное студентами. Это вносит значительный вклад в построение позитивного образа студента – это не просто ученик, а активный молодой ученый, продвигающий науку и работающий на будущее государства:

Medical student creates 3D brain model.

Venegas MD '20 creates educational tool that clearly highlights brain trauma, injuries. Neurosurgeons could one day thank Ollin Venegas" MD'20 presentation to high school students for allowing them to create detailed brain models of their patients.

Как видно из контекстов, *student* – это активный молодой исследователь, который сталкивается со значительными трудностями.

Отношение к концу *student* в двух картинах мира, русской и американской, различается в силу существенной разницы системы образования. Высшее образование в России организационно и концептуально представляет собой продолжение школьного образования: присутствует обязательное посещение занятий, система оценок, контроль поведения студентов и пр. При этом в силу выстроенной социальной системы и отношения работодателей к потенциальным работникам поступление в институт/университет представляет собой своеобразное продолжение школы. Высшее образование в России включает в себя необходимые требования работодателя даже на самых низкооплачиваемых и непрестижных вакансиях, и, соответственно, большинство семей отправляет своих детей получать образование не в силу заинтересованности ребенка в учебе и его желании продолжать научные исследования, а для того, чтобы высшее образование было как таковое. Также у юношей мотивация к получению высшего образования в России зачастую обусловлена необходимостью получения отсрочки от армии.

В американском медиадискурсе слово *student* за вычетом тех контекстов, когда оно обозначает статус участника событий, попавших в объектив СМИ, имеет принципиально иную аксиологическую структуру: это молодой исследователь, будущее страны, человек, который сталкивается с определенными трудностями, но преодолевает их и получает образование, несмотря ни на что. Важным в понимании концепта *student* является

концепт *challenge* – именно как *challenge* воспринимаются различные события, связанные с карантином, пандемией и пр.

Отрицательная сторона репрезентации концепта за вычетом контекстов, связанных с криминальными новостями и обозначением статуса участника события, представлена, главным образом, бесправностью учителя перед лицом учеников: целый ряд контекстов посвящен, например, тому, что на волне движения *Black Live Matters* студенты отказываются учиться у белых преподавателей, читать произведения белых писателей и пр.

В целом концепт *student* представлен более позитивными, чем негативными коннотациями. В концепте *student* акцентирована жажда исследования и преодоление трудностей, и это подчеркнуто освещением реалий коронавирусной инфекции и пандемии).

Литература

Brooks B. News Reporting and Writing / B.Brooks, G.Kennedy, D.Moen, D.Ranly. – Boston; N.Y., 2002. – С.143-145.

**Функционально-стилистический подход в изучении имен
прилагательных на занятиях русского языка:
профессиональный модуль**

*функционально-стилистический подход, имя прилагательное,
русский язык, обучение, профессиональный модуль,
нефтегазовый профиль*

В процессе обучения иностранных студентов грамматике, в частности именам прилагательным, уделяется большое внимание реализации функционально-стилистического подхода. Данный подход, наряду с когнитивно-коммуникативным, системным, является одним из ведущих подходов в обучении русскому языку в вузе.

Анализ имеющейся лингводидактической литературы по проблеме исследования позволил нам убедиться в том, что вопросы изучения имен прилагательных на занятиях РКИ остаются актуальными. Например, стоит отметить статьи: “Работа над русскими прилагательными в аспекте преподавания РКИ” М.В.Кузнецовой [Кузнецова 2005], “Изучение имен прилагательных на уроках РКИ на начальном этапе” О.В.Нарбековой [Нарбекова 2019], “Изучение имени прилагательного на уроках русского языка как иностранного” Т.В.Яровенко [Яровенко

2019], "Способы обучения склонениям прилагательных на занятиях РКИ" О.А.Слабухо [Слабухо 2015], "Прилагательные как камень преткновения при обучении РКИ (уровень В2-С1)" А.И.Павлова [Павлов 2021] и др.

Авторы едины во мнении, что изучение грамматических особенностей имен прилагательных вызывает затруднения у всех иностранных обучающихся; это требует от преподавателя методического мастерства и применения наиболее эффективных методов и приемов работы на занятиях. В данном случае речь идет об общем владении русским языком. Однако нашего внимания заслуживают и вопросы, связанные с изучением имен прилагательных на профессиональном уровне владения языком, когда речь студентов-бакалавров должна наполниться научными понятиями и терминами, в составе которых есть прилагательные. В данном случае уже речь идет о владении русским языком на уровне В1-В2.

В связи с этим актуальны вопросы разработки методики изучения имен прилагательных на уровне профессионального образования [Юсупова 2018; Zhan 2020]. В нашем исследовании мы опираемся на опыт обучения русскому языку иностранных студентов-стажеров из Китая. На занятиях по грамматике студенты изучали имена прилагательные, повторяли морфологические признаки и синтаксические функции.

Студенты должны знать не только лингвистическую природу прилагательных, но и особенности их употребления в зависимости от функционирования в текстах разных стилей речи.

Необходимо учитывать основной профиль подготовки студентов – лингвисты-переводчики в области нефтегазовой области. Поэтому студенты-стажеры должны научиться употреблять имена прилагательные, которые используются в научных текстах нефтегазового профиля.

Наши наблюдения и опыт проведения занятий со стажерами позволили сделать вывод, что при чтении текстов студенты сталкиваются с многочисленными трудностями, обусловленными различными факторами. В данной статье мы остановимся на одном из таких факторов, который заключается в том, что студенты плохо себе представляют способы образования терминов в русском языке, природу появления сложных прилагательных, которые являются научными понятиями или терминами и в большом количестве встречаются в научных текстах.

Считаем, что знание способов образования имен прилагательных в русском языке позволит стажерам лучше понять смысл термина, понять условия употребления данного прилагательного и особенности его сочетания с существительными. Например, такие прилагательные, как *нефтяной*, *химический*, *парафиновый*, *топливный*, *энергетический* и др. образованы суффиксальным способом от соответствующих имен существительных *нефть*, *химия*, *парафин*, *топливо*, *энергетика*.

Трудно воспринимаются стажерами как одно слово и сложные прилагательные, образованные от сложных имен существительных: *нефтехимический* от слова *нефтехимия*, *уг-*

леводородный от слова *углеводород*, *трубопроводный* от слова *трубопровод* и т.д.

Нами были учтены трудности восприятия имен прилагательных в составе терминов и были предложены задания для практических занятий по чтению научно-профессиональных текстов нефтегазового профиля. Приведем некоторые из этих заданий.

Задание 1. Прочитайте словосочетания и определите, от каких слов образованы прилагательные. Объясните значение данных словосочетаний. Составьте с ними предложения.

Химическая реакция, трубопроводный путь, смазочные материалы, автомобильные шины, нефтяная промышленность, газовая промышленность, углеводородное сырье.

Задание 2. Прочитайте существительные и образуйте от них прилагательные. С полученными словами составьте предложения.

Нефтехимия, нефтепродукты, углеводород, нефтепереработка, геофизика, геохимия, трубопровод, геология, нефтебаза.

Задание 3. Объясните значение следующих прилагательных. По возможности подберите к ним синонимы и однокоренные слова.

Поисковый, выпуклый, промышленный, геологический, глинистый, геофизический, геохимический, мировой, фракционный, транспортный.

Задание 4. Сравните прилагательные. Объясните, что у них общего и чем они отличаются. Составьте с ними предложения. При выполнении задания обратитесь к толковому словарю русского языка.

Глинистый – глиняный, энергичный – энергетический, горячий – горячий, технический – технологический, мировой – мирный, расчетный – расчетливый.

Задание 5. Подберите к прилагательным существительные. Обоснуйте свой выбор.

Прилагательные: *нефтяной, химический, каменный, нефтехимический, энергетический, молекулярный, физико-химический, динамический, мировой, геофизический*

Существительные: *промышленность, кампания, вязкость, масса, свойства, реакция, уголь, добыча, метод, синтез.*

Данные задания выполняются до и после чтения специальных текстов по профилю подготовки, поскольку стажеры должны быть подготовлены к работе с ними. Тексты нефтегазового профиля включают в себя как общеупотребительную лексику, так и научные понятия и термины. Среди них есть существительные (*кислород, сера, углеводород, топливо, нефть, газ, оборудование, скважина, залежание, переработка, производство и др.*), глаголы (*добывать, производить, переработать, использовать, превращаться, бурить и др.*), прилагательные (*нефтяной, газовый, выпуклый, промышленный, геологический, глинистый, геофизический, геохимический, мировой, фракционный, транспортный и др.*).

Литература

Bin Zhang. Students study adjectives: Russian as a foreign language / Zhang Bin, Z.F.Yusupova, Yu Lui // Laplage em Revista. – 2020. – Vol. 6. – P.64-70.

Кузнецова М.В. Работа над русскими прилагательными в аспекте преподавания РКИ / М.В.Кузнецова // Русистика. – 2005. – №1. – С.19-25.

Нарбекова О.В. Изучение имен прилагательных на уроках РКИ на начальном этапе / О.В.Нарбекова // Современные проблемы филологии: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Тамбов, 12.11.2019). – Тамбов, 2019. – С.82-86.

Слабухо О.А. Способы обучения склонению прилагательных на занятиях РКИ / О.А.Слабухо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №12. – Ч.IV. – С.183-186.

Павлов А.И. Прилагательные как камень преткновения при обучении РКИ (уровень В2-С1) / А.И.Павлов // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – №02 (70). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/prilagatelnye-kak-kamen-pretknoveniya-pri-obuchenii-rki-uroven-v2-s1.html> (дата обращения: 29.10.2021)

Юсупова З.Ф. Изучение профессиональной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному (нефтяной профиль) / З.Ф.Юсупова // Русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: сборник статей / сост. О.Е.Дроздова. - М: Корпорация "Российский учебник", 2018. – С.225-230.

Яровенко Т.В. Изучение имени прилагательных на уроках русского языка как иностранного / Т.В.Яровенко // Педагогика и просвещение. – 2019. – №1. – С.61-66.

Юсупова Зульфия Фирдинатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

УДК 811.411.161

**Сопоставительное изучение разнотипных языков
в научных трудах А.А.Аминовой**

*сопоставление, разнотипные языки, русский язык,
татарский язык, полилингвизм*

Сопоставительное изучение разнотипных языков всегда было в поле зрения ученых Казанской лингвистической школы [Казанская 2008; Ученые-русисты 2017]. Выявление сходств и расхождений на уровне семантики и грамматики позволяет ученым описать универсальные и уникальные языковые явления. В научных трудах А.А.Аминовой мы находим немало ценных выводов и рекомендаций, касающихся сопоставительного описания глаголов в русском и татарском языках. Следует отметить, что глагол на сегодняшний день – наиболее изученная часть речи в сопоставительном аспекте благодаря, с одной стороны, богатству грамматических категорий, с другой – разнообразию семантики и прагматики глагола в разных языках.

В типологическом аспекте глагол изучен на материале русского языка, с одной стороны, и таких языков, как татарский, башкирский, узбекский, чувашский и др., с другой стороны.

Изучение глаголов в русском языке А.А.Аминова начала с кандидатской диссертации на тему “Приглагольные имена ну-

левой суффиксации в русском языке” (1972). В дальнейшем появились на свет труды “Из истории слов (на материале имен нулевой суффиксации и соотносительных глаголов)” [Аминова 1981], “Глагольные синонимы русского языка: развитие глагольной синонимии в словообразовательном аспекте” [Аминова 1988]. Эти исследования ученого отражают закономерности развития глагольно-именной соотносительности, особенности русского словообразования, наличие разных лексико-семантических групп.

В дальнейшем А.А.Аминова обратила внимание на семантику и прагматику глаголов в русском и татарском языках. Результатом изысканий ученого стал труд “Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках: сопоставительный аспект” [Аминова 1995].

Больше всего ученого привлекало проявление синонимии глаголов, специфика ее отражения на уровне словообразования. Эти проблемы описаны в трудах: “Производный глагол в сопоставительном аспекте” [Аминова 1993], “Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках” [Аминова 1995], “Словообразовательные и семантические особенности русского глагола в сопоставлении его с межъязыковыми эквивалентами” [Аминова 2012] и др. Один из активно используемых А.А.Аминовой методов – это ономаσιологическое описание производных глаголов, которые отличаются в русском и татарском языках. Ученому удалось выявить взаимосвязь на лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях. Это

позволило описать универсальные и уникальные смыслы, а также средства их выражения в разнотипных языках. В трудах А.А.Аминовой мы находим подтверждение идеи описания ономазиологической картины неродственных языков. Ономазиологический подход как один из современных лингвистических подходов дает возможность описать методологическую базу, что позволяет систематизировать семантические парадигмы, семантические типы и семантические модели. А.А.Аминова выявила частные и общие семантические свойства глагольной лексики, сопоставила их с аналогичными явлениями в других языках.

От исследования структурных и семантических свойств глагольных единиц в последующих трудах А.А.Аминова постепенно переходит к сопоставлению языковых картин мира разнотипных языков. В первую очередь, речь идет об изучении особенностей концептуального пространства в русском и тюркских языках. На примере эстетических, этических, эмоциональных концептов рассматривается оппозиция "свой – чужой". В результате исследования различных этнотекстов выявляются проблемы межкультурной коммуникации, которые, по мнению ученого, актуальны во все времена. Понимание природы межкультурной коммуникации позволит избежать многих вопросов, возникающих на межъязыковом, межэтническом, межконфессиональном уровне. В исследовании проблемы межкультурной коммуникации участвовали все члены кафедры, которой А.А.Аминова руководила в течение нескольких лет. Совмест-

ные исследования языковедов и литературоведов выполнялись в рамках научных грантов РГНФ “Исследование синхронных и диахронных аспектов межкультурного диалога в современном Татарстане”, “Межкультурная коммуникация в переводах татарской прозы на русский язык”. В результате изучения большого количества переводных текстов на русском и татарском языках разных поэтов и писателей были выявлены и описаны процессы на когнитивно-концептуальном уровне, языковая и коммуникативная компетенции авторов и др., что нашло отражение не только в монографиях, статьях, словарях, но и кандидатских и докторских диссертациях учеников А.А.Аминовой и ее коллег [Аминова 2020].

В течение многих лет А.А.Аминова ратовала за то, чтобы результаты сопоставительного изучения разных языков имели практическое значение для методики преподавания русского языка как неродного. Вслед за Э.М.Ахунзяновым, Л.З.Шакировой, К.З.Закирьяновым, которые дали научное обоснование принципа учета особенностей родного языка учащихся и студентов, А.А.Аминова рассмотрела данную проблему на примере изучения глагольной лексики в тюркоязычной аудитории. В учебных и учебно-методических пособиях грамматический материал дается ученым с учетом сходств и расхождений, имеющих в русском и татарском языках на грамматическом и лексическом уровнях.

В течение нескольких десятилетий А.А.Аминова была инициатором проведения конференций, посвященных сопостави-

тельной филологии и проблемам билингвизма и полилингвизма. Проблематика конференции актуальна и на сегодняшний день, поскольку не до конца решены проблемы одновременного обучения родному (нерусскому), русскому, иностранному языкам, хотя попытки предложить методические решения имеются. Считаем, что методические рекомендации должны иметь серьезную научную базу, опираться на результаты сопоставительного изучения разноструктурных языков, учитываться при разработке новых учебников и учебных пособий. Данная проблема важна для полиэтнических регионов России, в том числе и для Республики Татарстан, в которых функционируют разные по структуре языки, развиваются литературная компаративистика, сопоставительная типология языков и культур, есть потребность у педагогов, учеников и родителей в высококачественных средствах обучения учеников-полилингвов.

Литература

Аминова А.А. Из истории слов: на материале имен нулевой суффиксации и соотносительных глаголов: учебное пособие / А.А.Аминова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1981. – 98 с.

Аминова А.А. Глагольные синонимы русского языка: (Развитие глагольной синонимии в словообразовательном аспекте) / А.А.Аминова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1988. – 153с.

Аминова А.А. Производный глагол в сопоставительном аспекте: (на материале русского и татарского языков) / А.А.Аминова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 187 с.

Аминова А.А. Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках: (сопоставительный аспект): автореф. дис. ...д-ра фил.наук // А.А.Аминова; Моск. гос.ун-т. – М., 1995. – 70 с.

Аминова А.А. Словообразовательные и семантические особенности русского глагола в сопоставлении его с межъязыковыми эквивалентами / А.А.Аминова // Ученые записки Казанского университета. Серия "Гуманитарные науки". – 2012. – Т.154. Кн.5. – С.71-76.

Аминова А.А. Метафорические образы времени в поэтическом творчестве Сулеймана / А.А.Аминова, А.М.Галиева // Филология и культура. – 2020. – №2 (60). – С.18-26.

Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркологическая лингвистическая школа / сост. М.З.Закиев. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2008. – 424 с.

Ученые-русисты Казанской лингвистической школы (XVIII–XX вв.: энциклопедия / ред. кол. Е.А.Горобец, Д.А.Мартьянов, Г.А.Николаев, М.О.Новак. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 280 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Айдарова А.А. Межъязыковая эквивалентность глаголов несерьезного поведения (на материале русского, английского и татарского языков)	3
Андронов А.В. Е.Д.Поливанов о касимовском диалекте: возвращая в научный обиход библиографическую редкость (к 130-летию со дня рождения)	8
Арсентьева Е.Ф., Гилязетдинова Г.Х. Талант и человечность великого ученого	17
Аюпова Е.А. Суффикс <i>-оват-</i> на шкале оценочности	21
Байрамова Л.К. Фразеологизмы в работе И.А.Бодуэна де Куртенэ «По поводу новейших лингвистических трудов В.А.Богородицкого»	28
Биккенина Д.И., Махмутова Л.Р. Научное наследие Казанской лингвистической школы и его использование в преподавании школьного курса русского языка	32
Борисова Л.В. Сопоставительный семантический анализ фаунистической лексики в аспекте языковой картины мира (на материале русского, чувашского и туркменского языков)....	41
Ван Сыци. Орнитонимы в поэзии Н.А.Некрасова	47
Габдреева Н.В. К изучению близкозвучной лексики в сопоставительном аспекте	54
Галеев Т.И. Концепт “аристократ” в истории русского языка	60
Гараева В.Ю. Номинации “школьных стрелков” в российских СМИ	63
Гатауллина А.Г. К вопросу об изучении концепта “жизнь” в русских песнях	73
Ербулатова И.К., Салимов Т.К., Ербулатов К.Х. Метафора в языке СМИ на примере казахстанских	

новостных интернет-порталов	78
Ерофеева И.В. Жизнь, посвященная языку: Эмилия Агафоновна Балалыкина	87
Жужгов С.В. Об идеографическом своеобразии нонстандартной геммонимии	98
Kalinina G.S. The main approaches to the concept of intention in linguistics	107
Кириллова З.Н. Казан лингвистика мәктәбенең күренекле галиме Сәгадәт Ибраһимов	110
Киров Е.Ф. Неуслышанный "аккорд" Бодуэна	117
Малькова Я.В. О семантико-мотивационных связях экспрессивной лек- сики с семантикой брезгливости, капризности (<i>чувывириться, чупы-</i> <i>риться, чуфыриться</i> и др.)	124
Медведев В.Б. Очерк сравнительного исследования фразеологических единиц иврита и идиша	131
Мирхаев Р.Ф. Татар мәҗрифәтчелек прозасы телендә инфинитив фор- масындагы фигыльләрнең стилистик кулланылышы.	137
Мубаракшина А.М. Типы гороскопического текста	145
Мухаматьянова М.И. "Температурные прилагательные" в семантическом пространстве художественного текста	150
Набиуллина Г.А., Камалова В.М. Мәктәпкәчә яшьтәге билингваль бала- лар сөйләме: грамматик интерференция очракларына күзәтү	156
Нурмухаметова Р.С. Лексика одежды в татарском языке	161
Рацибурская Л.В. Динамические явления в сфере словообразователь- ных формантов..	169
Рязанцева Г.С. О практическом применении сравнительно- исторического метода.....	177
Сәгъдиева Р.К., Хәснетдинов Д.Х. Татар һәм төрек телләрендә үткән заман сыйфат фигыльләрнең кулланылышы.	182

Салахова Р.Р., Сибгаева Ф.Р. Фоносемантическое поле речевой деятельности в татарском языке	191
Сергеева Е.В. Способы организации учебного процесса на занятиях по русскому языку как иностранному в смешанных группах с билингвами	198
Усманова Л.А. Аксиологический статус природных явлений в авторской картине мира	206
Файзуллина Н.И., Сюй Жун. К вопросу о синтаксической организации народной загадки	216
Фатхуллова К.С., Денмухметова Э.Н. Полилингвальные комплексы как новая модель современной школы.....	220
Фатхутдинова В.Г. Антропоморфная метафорика в художественных текстах Владимира Набокова	227
Фомин Э.В. Чебоксарский региолект русского языка как возможная идиома новой самоидентификации жителей Чувашской Республики	234
Хабибрахманова А.Р. Из истории немецких заимствований.	240
Хайрутдинова Г.А. Функционирование лексемы <i>месяц</i> в поэтических текстах	244
Хәснәтдинов Д.Х., Сәгъдиева Р.К. Хәсән Туфан шигъриятендә тезүле бәйләнеш.....	251
Черкасова И.А. Лингвистическое исследование ценностей в американском медиадискурсе об образовании.....	258
Чжан Бинь. Функционально-стилистический подход в изучении имен прилагательных на занятиях русского языка: профессиональный модуль.....	265
Юсупова З.Ф. Сопоставительное изучение разнотипных языков в научных трудах А.А.Аминовой.....	272

Научное издание

И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика

Международная конференция
(VIII Бодуэновские чтения)

Казанский федеральный университет
17–20 ноября 2021 г.

Труды и материалы

Том 2

Подписано в печать 15.11.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура "Arial". Усл.-печ. л. 17,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 128-2-11.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского (Приволжского) федерального
университета
420008, Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
Тел. (843) 233-73-59.